

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

211

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 г.

Выпуск
211

Главный редактор
В. В. СЕДОВ

Москва 2001

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии (КСИА)
Научный журнал по археологии
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия

В. И. Завьялов (ответственный секретарь),
Л. В. Кольцов, **С. Н. Кореневский**, **В. Д. Кузнецов**,
В. В. Седов (главный редактор)

Художник Н. С. Сафронова

Техническое редактирование и верстка: Н. В. Лопатин

Подписано к печати 07.06.2001. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 500 экз.

З. 614

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
ЛР ИД № 03062 от 18.10.2000

Отпечатано в ОАО “Типография №9”
109033, Москва, ул. Волочаевская, д.40
(095) 362-89-59

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим выпуском возобновляется издание «Кратких сообщений Института археологии» (КСИА). Начало этой серии восходит к концу 30-х годов XX в. (тогда «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», КСИИМК), когда в нашей стране началось становление археологии как полноправной исторической науки. Это издание на своих страницах оперативно вводило в научный оборот в сжатом изложении результаты исследований и открытий сотрудников ведущего археологического учреждения, расположенного в двух научных столицах нашей страны – Москве и Ленинграде. Оно осуществляло публикацию материалов, полученных при полевых изысканиях и камеральной обработке вещевых коллекций, в том числе с применением получавших все более и более широкое распространение естественно-научных методов, и статей, рассказывавших о дискуссиях по основным и частным проблемам археологии, о новых методических подходах к ведению археологических раскопок и разведок, о докладах, прочитанных в стенах Института, в том числе и периферийными археологами; предлагало обзоры новейшей литературы по основным темам древней, классической и средневековой археологии, рецензии на опубликованные труды и хроникальные информации о работах всесоюзных сессий, конференций и региональных совещаний, организуемых Институтом, а также о научной деятельности его подразделений. К началу 1990-х годов увидело свет 210 выпусков «Кратких сообщений». В результате в научный оборот был введен огромный источниковый фонд, абсолютное большинство опубликованных работ не потеряло своего научного значения и в настоящее время.

Издание «Кратких сообщений» сыграло большую роль в становлении и развитии археологии как в Москве, Ленинграде, столицах союзных и автономных республик, так и в других периферийных центрах СССР. «Краткие сообщения» на всех этапах широко представляли свои страницы аспирантам, соискателям и начинающим исследователям для публикации своих работ. Очень многие археологи свои первые работы увидели именно в этом издании.

«Краткие сообщения» получили широкое признание не только среди археологов, ими в той или иной степени пользовались историки, изучающие древний и античный миры, медиевисты, этнографы и антропологи, историки архитектуры и искусствоведы, лингвисты и исследователи-естественники. Это издание получило распространение и стало авторитетным и среди зарубежных ученых. Выпуски «Кратких сообщений» имеются в большинстве университетских, музейных и академических библиотек Европы и Америки. Зарубежные библиотеки гордятся тем, что сумели собрать весь комплект этого издания. В археологической литературе восточноевропейских стран КСИА – одно из наиболее цитируемых периодических изданий по археологии нашей страны. В 90-х годах во время зарубежных командировок мне неоднократно пришлось слышать сожаления археологов и сотрудников библиотек о том, что такое ценное периодическое издание прекратилось.

В 2001 г. публикация «Кратких сообщений Института археологии» возобновляется. Ежегодно будет выходить по два выпуска объемом 10 печатных листов каждый. Инициатива возобновления этого издания принадлежит директору Института член-корреспонденту РАН Р. М. Мунчаеву. В наше нелегкое время руководство Института нашло возможности для финансового и технического обеспечения «Кратких сообщений». Редакция предполагает сохранить сложившиеся на протяжении полстолетия лучшие традиции этого периодического издания.

*Главный редактор
Член-корреспондент РАН
В. В. Седов*

СТАТЬИ

Х. А. Амирханов, С. Ю. Лев, А. Б. Селезнёв

ПРОБЛЕМА «ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕРЕВНИ» КОСТЁНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ

Одной из важных проблем первобытной археологии является выяснение того, насколько велики были поселения людей верхнепалеолитического времени. Раскопки Зарайской стоянки возобновленные в 1994 г. и продолжающиеся до настоящего времени, предоставляют достаточно важную информацию, помогающую существенно приблизиться к решению этой проблемы применительно к памятникам костёнковской культуры, к которой этот памятник относится.

Суть данных, о которых идет речь, состоит в том, что в отличие от Костёнок и Авдеево для Зарайской стоянки имеется возможность четкой стратиграфической разбивки культурных напластований, содержащих археологические остатки. С одной стороны, членение отложений по вертикали имеет здесь отношение к проблеме общей временной и пространственной протяженности традиций костёнковской культуры на Русской равнине и продолжительности периодически возобновлявшегося заселения площади памятника носителями данной культуры. С другой стороны, оно иллюстрирует пример переслаивания крупных единообразных жилищно-хозяйственных комплексов костёнковского типа. Материалы и детальное описание, которые подтверждают эти заключения, изложены в монографии, подводившей итоги разведочному этапу изучения стоянки (Амирханов, 2000). В данной работе мы используем обобщения по этим материалам, а также новые данные по раскопкам 2000 г. для аргументации итоговых заключений по рассматриваемой проблеме, которая нами ранее не была обозначена. В конкретном виде они служат проверке обоснованности положения о существовании в костёнковской культуре относительно крупных поселений или своеобразных «палеолитических деревень».

Как известно, история изучения палеолитических поселений костёнковской культуры насчитывает около семи десятилетий. Тем не менее, археологическое «прочтение» поселенческих структур и палеоэтнологические реконструкции далеко не во всем могут претендовать на необходимый уровень детальности.

Основными источниками, на которых базируются реконструкции поселений костёнковской культуры, являются четыре комплекса Костёнок 1 (слой 1) и два комплекса Авдеево. Для понимания характера этих объектов в момент их функционирования в качестве поселений принципиально важно выяснение двух взаимосвязанных вопросов. Первый касается одно-

временности или одновременности объектов культурного слоя (очаги, ямы-хранилища, «полуземлянки» и т.д.), составляющих остатки отдельных жилищно-хозяйственных комплексов. Второй имеет отношение к проблеме синхронности или асинхронности самих жилищно-хозяйственных комплексов, в пределах того или иного памятника.

Вопросы эти дискутируются не часто. Их предметное обсуждение, по видимому, развернется после публикаций результатов многолетних раскопок вторых комплексов Костёнок 1 и Авдеево. Однако, подходы исследователей, изучающих данные материалы, к решению указанных вопросов прямо или косвенно, с большей или меньшей степенью конкретности обозначены.

Менее других внимание исследователей привлекает первый из указанных вопросов. Известным исключением здесь является признание относительной одновременности землянки А и круглого жилища относительно основной жилой площадки комплекса 1 первого слоя Костёнок 1 (Ефименко, 1958). Высказывается мнение и о недостаточной убедительности реконструкции этого круглого жилища (Сергин, 1998, с. 151).

Главным, если не единственным, доказательством единовременности бытования объектов, составляющих жилищно-хозяйственный комплекс костёнковского типа, считается «цельность планировки» этого комплекса. Вопрос, связанный с тем, что геологическая одновременность объектов (т. е. расположение в одном и том же литологическом горизонте и на одном и том же уровне) культурного слоя не означает синхронности их функционирования при таком подходе в принципе не отрицается, но в обобщениях почти не берется во внимание. Необходимость стратиграфически и/или иными методами доказывать реальную одновременность каждого из выявленных объектов друг с другом далеко не всегда рассматривается в качестве обязательной процедуры. Обычно, все множество обнаруживаемых объектов проецируется на единый раскопочный план. Этот план затем кладется в основу планиграфических и планировочных реконструкций. Если даже существуют явные признаки переслаивания объектов, т.е. случаи прямой археологической стратиграфии, единство самого культурного слоя не подвергается сомнению. Единственным основанием для проведения хронологических рубежей между группами объектов культурного слоя (если они не разделены стерильными прослойками) большинством исследователей считается наличие признаков смены археологической культуры. В остальных случаях предпочитают говорить о сложной «жизни» культурного слоя и последовательной смене одних объектов другими в процессе длительного и непрерывного бытования поселения. Разумеется, опровергать теоретическую возможность подобного характера формирования культурного слоя было бы неверным. Но, думается, столь же неправомерно и упрощать проблему, считая указанный вариант объяснений естественным для всех конкретных случаев и не требующим исчерпывающих доказательств с привлечением всех возможных видов стратиграфических данных.

Результаты раскопок, проводимых на памятниках не только костёнковской (Гвоздовер, Григорьев, 1977, с. 50–56), но и других культур (Леонова, 1993, с. 74–99) указывают на возможность более детального анализа составляющих культурного слоя. Параллельно с этим неудовлетворенность традиционными интерпретациями культурных слоев памятников указанного культурного круга высказывают и исследователи, занимающиеся специально проблемами палеолитических жилищ и поселений. В. Я. Сергиным отмечается, что «на поселениях со сложной структурой выявленная масса бытовых деталей соответствует всему периоду обитания, а их необходимо разделить в соответствии с фазами жизни на поселении. Разработка микрохронологии является важнейшим резервом, использовав который

можно надеяться на серьезный сдвиг в исследовании поселений» (Сергин, 1998, с. 151). М. В. Александрова обращает внимание на то, что «микростратиграфия культурных слоев, там, где она была прослежена, ... дает основания говорить если не о новых культурных слоях в пределах ранее выявленных, то, во всяком случае, ставить вопрос о новых культурных горизонтах, «жилых уровнях» (горизонтах обитания) или их фрагментах внутри слоя; при этом не для одного памятника» (Александрова, 1998, с. 145).

Вторая из рассматриваемых проблем, а именно проблема одновременности или разновременности самих жилищно-хозяйственных комплексов костёнковского типа привлекала внимание исследователей довольно часто. Исходным здесь можно считать положение А. Н. Рогачёва о том, что не только разные комплексы первого слоя Костёнок I и Авдеево, но и вся группа памятников костёнковской культуры в Покровском логу в с. Костёнки (Костёнки I, слой I; Костёнки XIII; Костёнки XVIII; Костёнки XIV, слой I) существовали одновременно и «здесь был единый поселок, своего рода деревня» (Величко, Рогачёв, 1969, с. 86). Костёнковское поселение сравнивалось с остатками поселений раннеземледельческих племен. Высказывалось мнение, что при благоприятных условиях рассматриваемые поселения «могли разрастаться до размеров небольших деревень, являвшихся племенными поселками» (Величко, Рогачёв, 1969, с. 86). Но в другой работе, опубликованной в том же самом издании, А. Н. Рогачёв говорит на этот счет менее уверенно. Касаясь указанной группы памятников, он отмечает: «Пока не ясно, имеем ли мы в данном случае дело с последовательной сменой мест обитания одним и тем же населением, привыкшим селиться в этом районе на одних и тех же местах или с существованием в позднем палеолите родовых поселков с рядом крупных комплексов» (Рогачёв, 1969, с. 190). Здесь сомнение высказывается в отношении одновременности группы однокультурных памятников, но сомнений по поводу единовременности известных тогда трех жилищно-хозяйственных комплексов верхнего слоя Костёнок I (теперь их насчитывается четыре) (Праслов, 1982, с. 42–66) не возникает. В более поздней работе, обобщающей данные почти за вековую историю изучения верхнего палеолита Русской равнины, повторено заключение о том, что «имеются серьезные основания предполагать единство и целесообразность планировки всех трех комплексов», располагающихся в Покровском логу села Костёнки (Рогачёв, Аникович, 1984, с. 161–271). Соответственно, остается в силе и положение о «палеолитической деревне».

Попытка специального критического рассмотрения этой проблемы была предпринята В. Я. Сергиным. Сравнение жилищно-хозяйственных комплексов Костёнок и Авдеево поотдельности с поселениями среднеднепровского типа (Межиричи, Добраничевка, Мезин) по таким показателям, как площадь активно обжитой части стоянок, количество остатков промысловой фауны и величина каменного инвентаря привело его к выводу о том, что каждый единичный комплекс Костёнок и Авдеево, скорее всего, представляет собой остатки самостоятельного поселения. Группирование подобных комплексов в относительной близости друг от друга предложено рассматривать как следствие продолжительности заселения данной территории потомками одних и тех же общин. Высказано также предположение, что на целом ряде палеолитических поселений могло иметь место переслаивание на одном и том же участке остатков разных этапов заселения. Однако, в пределах единой толщи культурных напластований «остатки их визуально не поддаются разделению» (Сергин, 1987, с. 12).

Возможность существенного продвижения в решении обеих из обозначенных выше проблем, как уже отмечено выше, предоставляют материалы, полученные в ходе исследований Зарайской верхнепалеолитической стоян-

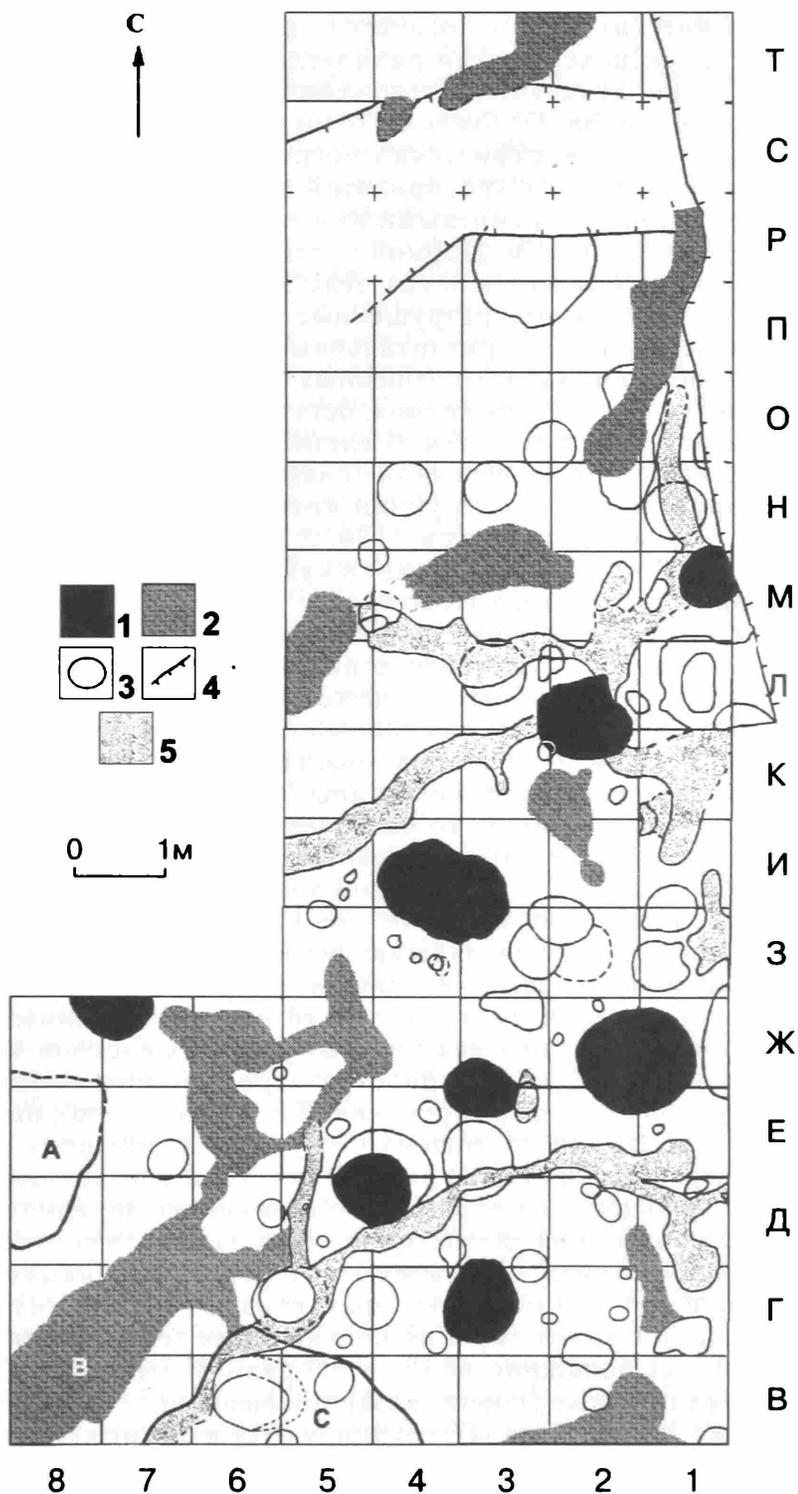
ки в 1995–2000 гг. Особенно ценно то, что полученные данные основываются в первую очередь на строгих общестратиграфических и микростратиграфических показателях.

С момента открытия Зарайской стоянки раскопами и шурфами здесь изучена площадь в 234 кв. м. Раскопы и шурфы рассредоточены и охватывают достаточно большое пространство. Их расположение позволяет установить общую площадь распространения культурных отложений и прояснить особенности залегания археологических остатков на различных участках памятника. На раскоп 4, который раскапывался в 1994–2000 годах и лег в основу главных обобщений, касающихся культурно-хронологических аспектов изучения стоянки, приходится 85 кв. м культурных отложений. Детальные описания этого и других вскрытых участков уже получили освещение в печати (Амирханов, 1997; 2000). Остановимся на самых общих моментах, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме.

Одним из итогов исследования Зарайской стоянки является установление того, что «визуальное разделение» этапов формирования культурных отложений или, другими словами, различных фаз в заселении и запустении палеолитических поселений Русской равнины оказывается не столь недостижимым. Проведенные работы еще раз подтверждают, что возможность этого во многом, если не в решающей степени, зависит от общих методических подходов к исследованию памятника, детальности анализа и непредвзятости в интерпретации полученных данных.

Уже общий взгляд на выявленные в раскопе 4 Зарайской стоянки археологические остатки подводит к необходимости их дифференцированного анализа. Если рассматривать все объекты культурных отложений в виде единого сводного плана (рис. 1) без учета стратиграфического (в том числе микростратиграфического) и планиграфического контекста, то мы увидим беспорядочное скопление большого количества очагов, плотных скоплений находок, охристых и углистых линз, многих десятков ям (при расширении раскопа их количество будет исчисляться сотнями). Дать сколь угодно приемлемое объяснение этой совокупности невозможно, если исходить из представления о синхронности составляющих ее объектов. Но и допущение об асинхронности предполагает выяснения того, насколько протяженными были отрезки, разделяющие время функционирования тех или иных объектов. Возникали ли они постепенно в ходе не прерывавшегося обитания на стоянке и, соответственно, непрерывного накопления культурных отложений или же связаны с различными этапами заселения, которые не отчленены друг от друга стерильными прослойками? Иначе говоря, является ли каждый объект по отдельности частью единой, развивающейся во времени структуры либо мы имеем дело с разными самостоятельными структурами, которые частично или полностью накладываются друг на друга?

Постановка указанных вопросов применительно к Зарайской стоянке оправдана и с общеметодической точки зрения, и с учетом ее принадлежности костёнковской культуре. Присущий костёнковским памятникам специфический тип жилищно-хозяйственного комплекса далеко не в последнюю очередь определяет особое место данной культуры в верхнем палеолите восточноевропейской равнины. Находят ли свое проявление характеристики этого комплекса на Зарайской стоянке? Совмещенный план объектов всех горизонтов вместе, раскопанной части культурных отложений (рис. 1), с одной стороны, содержит по отдельности практически все элементы указанного комплекса, а с другой стороны, в их совокупности, при взгляде на этот обобщенный план, невозможно усмотреть характерную для Костёнок планировочную картину. Иное дело, если подойти к рассмотрению данных с учетом стратиграфических данных.

**Рис. 1. Зарайская стоянка. Раскоп 4.
Совмещенный план объектов культурных отложений.**

1 – очаги; 2 – мерзлотные образования первой генерации, частично преобразованные человеком и в различной степени использовавшиеся им; 3 – ямы; 4 – границы участков, на которых культурный слой был разрушен в поздние эпохи и современной хозяйственной деятельностью; 5 – система мерзлотных трещин второй генерации.

Совокупность геологических, археологических, палеокриологических, палеопедологических, палинологических фактов, подкрепленная большой группой согласующихся с ними радиоуглеродных датировок, позволяет расчленить толщу культурных отложений Зарайской стоянки на четыре хронологических этапа. Отложения последнего – верхнего этапа связаны литологически и стратиграфически с погребенной почвой (верхняя погребенная почва по номенклатуре, принятой для Зарайской стоянки). Максимальная насыщенность кремневыми изделиями достигает здесь примерно 800 предметов на один кв. м. Нормой плотности для данного слоя на большей части раскопа 4 является показатель 300–400 находок на кв.м. Кроме того, обнаруживаются полуразрушенные и разрушенные кости крупных животных, залегающих в горизонтальном положении, а также объекты в виде очага, небольших ямок, окрашенных охрой пятен. В других раскопах выявлены плотные скопления кремня, остатки кострищ, распространенные пятна с охристой окрашенностью (Селезнёв, 1999, с. 56–58). К основанию рассматриваемого слоя погребенной почвы относятся и остатки предполагаемого сооружения, в конструкции которого использовались вбитые крупные кости животных (Трусов, 1994, с. 94–116). Существенно отметить, что на значительных участках стоянки культурные остатки представлены отложениями только одного этого слоя.

Верхняя погребенная почва, с заключенными в ней культурными остатками, сформировалась существенно позже времени затухания, имевших здесь ранее место, масштабных процессов мерзлотного растрескивания. С палеоботанической точки зрения данный слой характеризуется отдельной палинозоной. Причем, если спорово-пыльцевые данные для нижнего слоя указывают на криогигротические (этапы 1 и 2) и предположительно межфазиальные (этап 3) условия, то растительность времени формирования описываемого слоя (этап 4) оказывается характерной для межстадиала (Шилова, 2000, с. 230–235). Для данного слоя имеется четыре радиоуглеродные даты¹. Разброс их значений – от 17900 ± 200 до 15600 ± 300 .

Культурные отложения, залегающие под погребенной почвой, включены в единый, но варьирующий в деталях литологический горизонт красноватых (местами коричневатых) супесей или опесчаненных суглинков. Эта толща, достигающая на междуямных участках раскопа 430 см, по археолого-стратиграфическим и криостратиграфическим показателям подразделяется на три этапа формирования. В пределах этого слоя два нижних этапа (первый и второй по общему счету этапов, идущему снизу вверх) отделяет от верхнего (третьего) развитая система мерзлотных трещин.

Спорово-пыльцевой спектр данного слоя составляет единую палинозону, подразделяющуюся на две подзоны. Одна из подзон соответствует первым двум этапам, вторая – третьему этапу формирования слоя. В сравнительном отношении эти подзоны характеризуют переход от холодных и влажных условий к влажному и несколько более теплому климату.

Подавляющее большинство (9 из 11) радиоуглеродных дат, полученных для отложений ниже уровня указанной выше системы мерзлотных трещин (т. е. ниже третьего этапа), группируются в промежутке примерно от 23000 до 20000 л. н. Все три даты, относящиеся к третьему этапу (т. е. ко времени после образования данной системы трещин), ложатся в отрезок времени, примерно, 19100–19000 л. н.

Таким образом, самостоятельная стратиграфическая значимость культурных остатков в слое погребенной почвы обосновывается с достаточной

¹ Все приводимые даты получены в Радиоуглеродной лаборатории Геологического института РАН. Выражаем признательность руководителю этой лаборатории Л. Д. Сулержицкому за исследование образцов из Зарайской стоянки.

надежностью. Литологическая специфика слоя относительно нижележащей толщи культурных отложений, а также хронологический разрыв между ними, заметный по палинологическим и мерзлотоведческим данным, а также радиоуглеродным датам требуют выделения этого уровня в отдельный культурный слой. Что касается нижней части культурных отложений, то определение таксономического ранга выделяемых для нее трех этапов, зависит от общих методических подходов к членению археологических напластований палеолитического памятника. С точки зрения обыденного представления о культурном слое, как об изолированной стерильными в археологическом смысле прослойками геологической толще с погребенными в ней остатками человеческой деятельности, рассматриваемая часть должна считаться единым культурным слоем. При ином, более верном на наш взгляд, подходе основная культурно-стратиграфическая единица археологических отложений (т.е. культурный слой) в стратиграфическом, планиграфическом и хронологическом измерениях должен быть равным одному поселению. В противном случае для материалов рассматриваемого характера будет лишено смысла и понятие «пол культурного слоя», поскольку один культурный слой может обладать лишь одним «полом», соответствующим одному уровню обитания. С этой точки зрения, этапы формирования культурных отложений на уровне ниже верхней погребенной почвы Зарайской стоянки должны были бы рассматриваться как отдельные культурные слои. Однако, как их не называть – слоем или подразделением слоя, они соответствуют моментам возобновления жизни на стоянке и образуют свои особые структурные единства находок и объектов.

Особое значение для расчленения культурных отложений Зарайска по вертикали имеют палеокриогенные образования в виде мерзлотных трещин. Здесь выделено две генерации таких трещин, каждая из которых образует свою систему. Первая генерация трещин предшествует времени заселения стоянки, а вторая, о которой говорилось выше, образовалась до начала третьего этапа формирования культурных отложений. Связанные с этими мерзлотными образованиями криостратиграфические показатели служат четкими маркерами археолого-стратиграфического расчленения культурных отложений.

Фиксированность уровней закладки трещин обеих указанных генераций, подстиление ими одних объектов и перекрывание других позволяет достаточно убедительно расчленить толщу нижнего культурного слоя на этапы его накопления. В свою очередь, детальные стратиграфические наблюдения над собственно культурными отложениями и объектами культурного слоя дают возможность сделать это членение в его нижней части еще более дробным. Микростратиграфический анализ, осуществленный в ходе исследований Зарайской стоянки, показывает в одних случаях большую хронологическую разнесенность взаимно переслаиваемых объектов, а в других – незначительность разделяющего их временного отрезка. Подобные наблюдения позволяют выявлять даже разовые акты бытовой и производственной деятельности древних обитателей стоянки. К таковым можно отнести, например, одноразовые мусорные высыпки или вторичное использование первоначальном назначении крупного очага центральной линии, спустя время, равное от одного до нескольких лет. Информация, основывающаяся на таких данных, имеет наибольшую ценность, так как она способствует реконструкции конкретной истории конкретного поселения, т. е. реализации того, что является конечной целью собственно археологической стороны исследования поселенческого объекта.

Особый интерес непосредственно для рассматриваемой проблемы имеют данные о первом и втором этапах формирования культурных отложений Зарайской стоянки. Ввиду ограниченности раскапываемой площади,

до полевых работ 2000 г. мы сталкивались с большими трудностями при вычленении объектов именно двух этих этапов. Основанием для вычленения последних были только микростратиграфические показатели. Они выражались в том, что объекты второго этапа в подавляющем большинстве случаев фиксировались не с поверхности светлого мелкозернистого песка, который подстилает культурные отложения, а с уровня, когда археологический слой накопился уже на толщину не менее 5 см. Второй факт касался наличия прослоек указанного светлого мелкозернистого песка, частично или полностью перекрывающих объекты первого этапа и лишенных или почти лишенных культурных остатков.

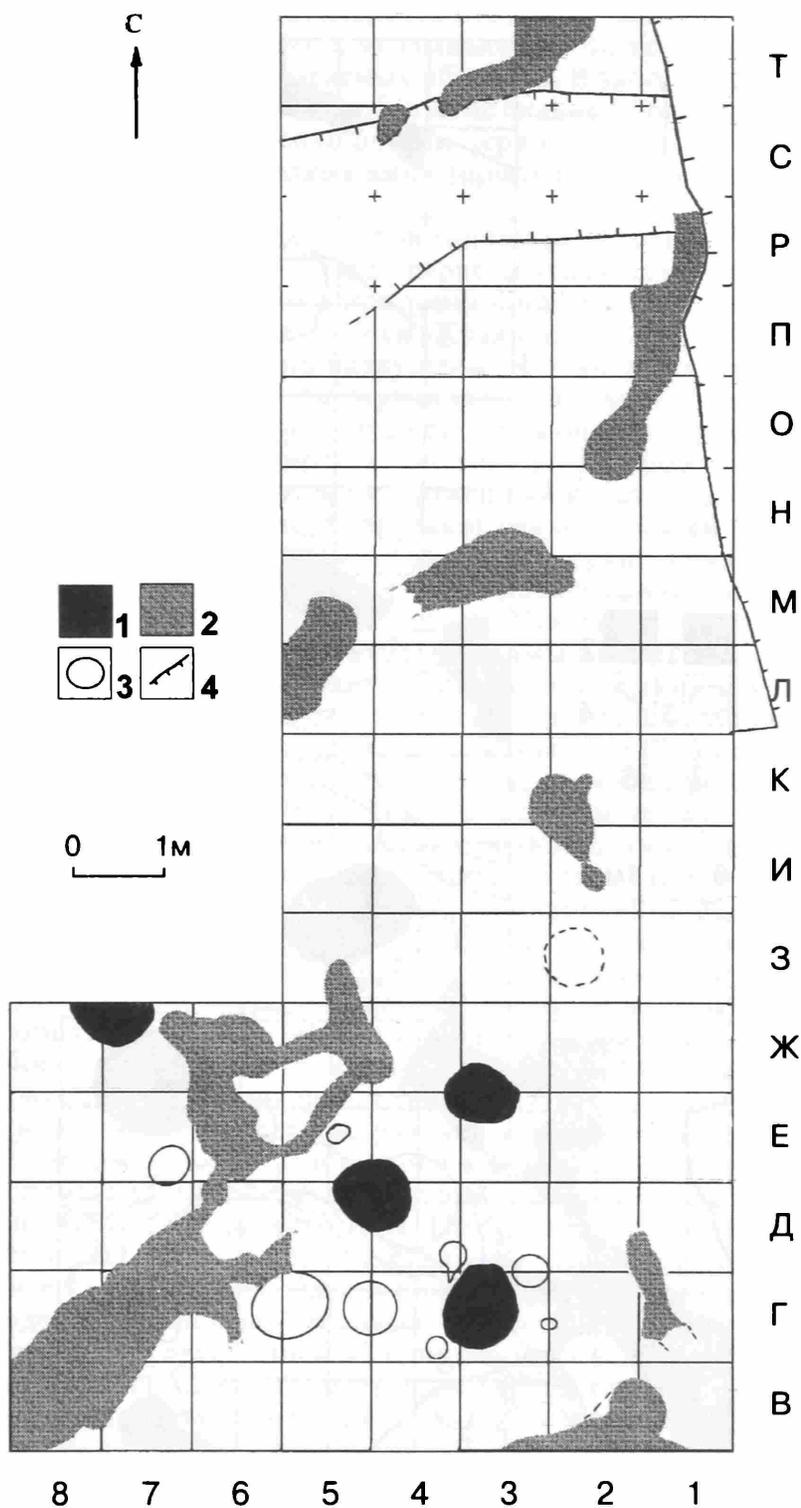
Несмотря на наличие подобного рода данных, указанные трудности оставались. Поэтому мы не исключали возможности частных ошибок в осуществляемом разделении объектов. Особые затруднения возникали в случаях, когда были основания допускать использование одних и тех же объектов как на первом, так и на втором этапах. Так, например, отсутствовали основания для того, чтобы относить использование мерзлотных трещин первой генерации только к какому-то одному из этих двух этапов. Оставались сомнения и в том, соответствует ли реальности выделение на этом отрезке накопления культурных отложений только двух этапов или в действительности их было больше? Исчерпывающих ответов на эти и другие вопросы нет и до настоящего времени, хотя существование двух уже выделенных этапов находит новые подтверждения в ходе продолжающихся полевых исследований.

Принципиальный интерес с точки зрения разграничения двух указанных этапов, представляют данные раскопок 2000 г. Особенность их состоит в том, что они содержат выразительную информацию планиграфического характера, а не только микростратиграфические показатели, которыми мы располагали прежде. Наиболее важным здесь является обнаружение на участке новой прирезки к раскопу 4 трех однотипных очагов, ориентированных в направлении СЗ–ЮВ (рис. 2). Еще один очаг, относящийся к первому этапу накопления культурных отложений, был выделен в предыдущие годы раскопок. Углистое заполнение описываемых очагов в различной степени перекрыто линзами светлого мелкозернистого песка. На поверхности очажного заполнения залегают тонкие прослойки с яркой охристой окрашенностью. В сочетании со стратиграфической позицией других объектов (в том числе очагов второго этапа накопления культурных отложений) эти прослойки, по всей вероятности, относятся уже к следующему уровню обитания.

Таким образом, для первого уровня обитания (или первого этапа формирования культурных отложений) мы имеем четыре очага. Три из них образуют линию с указанной выше ориентацией. Ко второму этапу относятся два других очага, имеющих ту же ориентацию и расположенных на таком же расстоянии друг от друга, что и очаги первого этапа. Эти, параллельные друг другу линии очагов, образующие для каждого из уровней свои стратиграфические единства, отстоят друг от друга на 220–230 см.

В морфологическом отношении очаги рассматриваемых уровней единообразны внутри самих групп, но отличаются в межгрупповом отношении. Остатки очагов первого этапа представляют собой овальные в плане по верхнему краю (диаметр по длинной оси в среднем 80 см) и округлые в придонной части ямы, глубиной около 15–20 см. Дно – на большей части горизонтальное с закруглением к стенкам. Стенки вертикальные, слабообожженные.

Другими параметрами характеризуются очаги второго этапа (рис. 3). Здесь они в плане близки к правильному кругу (один из очагов немного растянут из-за постпозиционных процессов замерзания-оттаивания) с ди-

**Рис. 2 . Зарайская стоянка. Раскоп 4.
План объектов первого этапа формирования культурных отложений
(первый, древнейший уровень обитания).**

Условные обозначения на рис. 1.

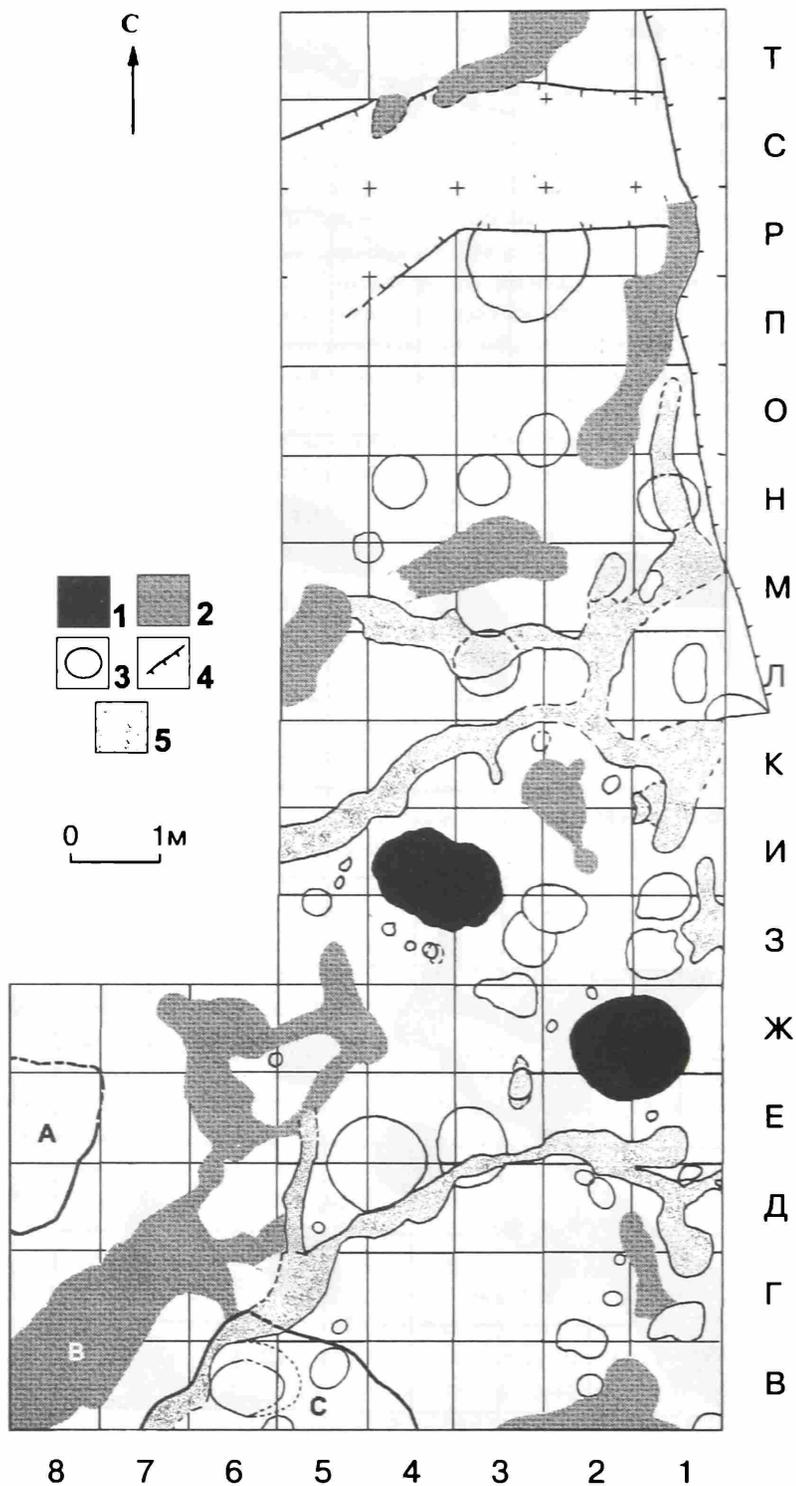

Рис. 3. Зарайская стоянка. Раскоп 4.
План объектов второго этапа формирования культурных отложений
(второй жилой уровень).
 Условные обозначения на рис. 1.

аметром 105–120 см. Стенки вертикальные, местами обожженные до кирпичного оттенка; дно горизонтальное. Глубина 40–50 см.

Важными являются отличия, указывающие, по всей вероятности, на характер использования описываемых объектов. В заполнении очагов второго этапа обильно встречаются небольшие сильно обожженные известняковые камни. Это не свойственно очагам первого этапа. То же самое можно сказать и в отношении мелких ямок (приочажные ямки), расположенных по окружности очагов.

Существенно различаются и тафономические особенности очагов рассматриваемых двух этапов. В очагах первого этапа мелкоуглистое заполнение обнаруживается только в придонной части и максимальная мощность его составляет не более 7–10 см. Края очагов по верхнему контуру здесь иногда смяты и частично разрушены. Что касается очагов второго этапа, то очажная масса в одном случае заполняет весь объем очага целиком, а в другом – имеет толщину до 20 см. Края очагов сохраняются практически на всю высоту. У одного из очагов стенки обожжены до самого верха, затрагивая и участок стенки, сложенный культурным слоем, накопившимся до того, когда в нем была выкопана очажная яма.

Из приведенных выше замечаний видно, что группы очагов первого и второго этапов отличаются не только по стратиграфическим, но типологическим и планиграфическим показателям. Каждая из этих групп вместе со связанными с ними другими объектами (ямы-хранилища, ямы-клады, мусорные ямы, скопления находок, «приочажные ямки» и там, где они есть, – крупные ямы) составляют отдельные структурные общности. При таком их восприятии рассматриваемые группы объектов обнаруживают внутри себя структурную целостность и планировочное единство. Для первого этапа освоения стоянки (рис. 2) мы фиксируем четыре очага (три из них расположены линейно), несколько ям-хранилищ, ямы-клады, ямы с мусорными отсыпками. Объекты второго этапа накладываются на указанный уровень с некоторым смещением. Здесь, на охваченной раскопом части жилого пространства, устанавливается два очага и в дополнение к объектам первого уровня еще два типа ям – «приочажные ямки» и крупные ямы (к настоящему времени частично вскрыты две крупные ямы) (рис. 3).

Таким образом, рассматриваемые материалы двух начальных этапов формирования культурных отложений Зарайской стоянки можно определить как фрагменты переслаивающихся обширных жилищно-хозяйственных комплексов, связанных с двумя различными уровнями обитания. Комплексы эти в целом однотипны и они оба в одинаковой степени обладают специфическими характеристиками, свойственными центральной части жилых площадок костёнковского типа. По существу это остатки двух разных, наложившихся друг на друга, стоянок и хронологический разрыв между ними весьма невелик. Разделяющее их время вряд ли превышает отрезок продолжительностью несколько десятков лет. А, скорее всего, оно составляет несколько лет. Судить об этом можно, в частности, по тому, что одни и те же полости мерзлотных трещин первой генерации в различной степени использовались как на первом, так и на втором этапах обитания. Другое дело, если говорить о времени, которое разделяет от указанных третий и четвертый этапы формирования культурных отложений. Как уже отмечалось выше, второй и третий этапы отделены друг от друга выразительной системой трещин второй генерации, а четвертый этап совпадает со временем образования верхней погребенной почвы.

Таким образом, Зарайская стоянка представляет собой пример того, когда крупные жилищно-хозяйственные комплексы, характерные для Костёнок и Авдеево, обнаруживаются не в рассредоточенном, пространственно-изолированном виде, а перекрывают друг друга, образуя различные

уровни обитания. Структура и размеры отдельной стоянки на каждом из уровней обитания оказываются совпадающими с одним обширным жилым комплексом. В связи с этим встает вопрос: не составляют ли отдельные стоянки и каждый из аналогичных комплексов по отдельности в Костёнках и Авдеево? Ответ здесь может быть скорее утвердительным. В противном случае пришлось бы допустить, что синхронные и однотипные по всем показателям памятники одной и той же культуры в одном районе представлены совокупностью нескольких одновременных жилищно-хозяйственных комплексов костёнковского типа, а в другом, столь же активно осваиваемом, – только одним. Тем более, что зарайский комплекс остается единичным для данного памятника и в том случае, если отвлечься от переслаивания здесь разных уровней обитания, или даже игнорировать этот факт. Следовательно, рассмотренные данные не только не подтверждают, но опровергают предположение о существовании в костёнковской культуре столь крупных поселений, которые можно было бы расценивать, как, пусть даже своеобразные, «деревни» или «поселки».

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х.А., 1997. Верхняя погребенная почва в разрезе Зарайской стоянки: стратиграфическое значение и проблемы датировки культурных отложений // Восточный граветт. Тез. докл. международного коллоквиума. (Зарайск-Москва, 1–7 сентября 1997), М.
- Амирханов Х.А., 2000. Зарайская стоянка. М.
- Александрова М.В., 1998. «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования (У истоков советской методики раскопок палеолитических поселений) // Восточный граветт. М.
- Величко А.А., Рогачёв А.Н., 1969. Позднепалеолитические поселения на среднем Дону // Природа и развитие первобытного общества. М.
- Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., 1977. Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм // Палеоэкология древнего человека. М.
- Ефименко П.П., 1958. Костёнки I. М.; Л.
- Леонова Н.Б., 1993. Длительность обитания на верхнепалеолитических поселениях // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.
- Праслов Н.Д., 1982. Костёнки I (стоянка Полякова) // Палеолит костёнковско-борщевского района на Дону. Л.
- Рогачёв А.Н., 1969. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества. М.
- Рогачёв А.Н., Аникович М.В., 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. М.
- Селезнёв А.Б., 1999. Верхний уровень накопления культурного слоя Зарайской стоянки (по материалам раскопок 1981–1997 гг. // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костёнках., СПб.
- Сергин В.Я., 1987. О сущности костёнковско-авдеевских комплексов // КСИА. Вып. 189. М.
- Сергин В.Я., 1998. Жилища на памятниках восточного граветта Русской равнины // Восточный граветт. М.
- Трусов А.В., 1994. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. М.
- Шилова Г.Н., 2000. Заключение о результатах спорово-пыльцевого анализа образцов из Зарайской верхнепалеолитической стоянки (По материалам работ 1995–1997 годов: раскопы I, 4, 5) // Х.А.Амирханов. Зарайская стоянка. М.

Л. В. Кольцов

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕЗОЛИТА

Успехи в изучении мезолита в нашей стране общеизвестны. Открыты и исследованы сотни памятников, как поселений, так и могильников и отдельных погребений. Переоценить имеющиеся достижения невозможно. Тем важнее стоящие перед специалистами по мезолиту задачи, особенно сейчас, когда широкие полевые работы в силу обстоятельств весьма затруднены. В этой связи в данной статье мне хотелось бы обратить внимание исследователей на тот круг проблем, которыми можно было бы заняться на уже имеющейся базе источников. Это совсем не значит, что я призываю свернуть полевые работы, отказаться от разработок новых их методов и расширения использования уже известных, а также отказаться от различных способов обработки добытого материала. Конечно, нет. Но надо использовать все возможности для решения и более крупных проблем.

Самой мелкой единицей при исследовании является памятник (поселение или могильник). Не стану на нем останавливаться; скажу только, что при полевом исследовании должны употребляться все возможные методы (включая планиграфический), а при обработке полученного материала – все новые разработки (особое значение имеет трассологический анализ всей коллекции, необходимый при палеоэкономических реконструкциях).

В данной статье речь пойдет в основном о более крупной единице – группе родственных поселений и могильников, т. е. археологической культуры и связанных с ее изучением проблемах.

На одном из первых мест стоит проблема выделения новых культур, где иногда наблюдается некоторая поспешность. С моей точки зрения, при современном уровне развития науки новая культура должна содержать в инвентаре большого числа своих памятников целый ряд признаков, прежде всего в составе охотничьего вооружения, микролитической группы и рубящих орудий, достаточно резко отличающих ее от окружающих уже известных культур. При этом для ее выделения нужно иметь еще и четкие хронологические реперы, полученные с помощью методов естественных наук, и более или менее определенную территорию, намеченную с помощью картографирования. Тогда только и можно ставить вопрос об ее выделении.

Из сказанного ясно, что проблема мезолитической типологии – одна из важнейших. К сожалению, здесь нам похвастаться нечем. До сих пор не разработана единая типология мезолитических изделий.

Очень серьезного внимания требует к себе хронология мезолитических культур. Уровень ее разработки тоже еще недостаточно удовлетворителен. К сожалению, самый археологический материал или, вернее, расположение мезолитических памятников в большинстве случаев на песчаных почвах, резко сокращающих возможность сохранения органических остатков, часто не дает образцов для датировок с помощью естественных методов. Поэтому ряд культур или не имеет радиоуглеродных дат и палинологических определений, или располагает ими в недостаточном количестве. Разумеется, указанные датировки имеют решающее значение для установления как абсолютной, так и относительной хронологии мезолитиче-

ских памятников. Однако нельзя забывать и другие возможности. Напомню, что позднемезолитическая стоянка Лампеджйя в Литве была датирована по находкам скорлупы водяного ореха чилима, который жил в Прибалтике только в атлантическом периоде (Римантене, 1971). Значит, появилась возможность датирования по макрофлористическим остаткам. Кабан появляется в Волго-Окском междуречье только в начале атлантика, с распространением здесь широколиственных лесов. Следовательно, и палеозоология может дать какие-то средства для датировок. Нельзя забывать и о геологических и/или стратиграфических данных. Ни в коем случае не надо пренебрегать возможностью археологических способов датирования при наличии четких аналогий, с хорошо датированными памятниками.

Наличие надежных дат по методам естественных наук позволяет установить и относительную хронологию памятников в рамках одной культуры, а это, в свою очередь, при анализе их вещественного материала и учете этих дат может способствовать разработке вопроса об ее развитии (периодизации). Без наличия таких дат в наше время к разработке периодизации лучше не приступать. К сожалению, для ряда культур такая периодизация пока невозможна.

Важен вопрос о формировании (сложении) мезолитических культур. Сейчас прослежены три варианта этого процесса: 1) на базе двух (или более) предшествующих культур, при этом элементы одной из них доминировали, а элементы другой (других) имели подчиненное положение (Кольцов, 1979); 2) слияние двух культур в одну (в таком случае элементы обеих встречаются в новой культуре почти поровну); 3) отсегментирование от какой-то культуры части ее населения, миграция ее в другой регион, адаптация в этом новом районе с образованием новой культуры.

В процессе сложения и развития культур огромную роль играла культурная традиция, которая тоже ждет своего исследователя. Необходимо проследить ее формы, которые могут быть устойчивыми, затухающими, исчезающими и т.д.

Исследование процесса сложения культур вызвало у меня желание изучить ряд процессов, сопровождавших его и развитие культур. Это прежде всего сегментация. Именно с нее как правило начинался факт сложения культур. Под сегментацией в данном контексте подразумевается выделение из основного массива населения какой-то культуры одной или нескольких групп, входящих затем (или не входящих) в состав новых культур. По моему мнению, сегментацию надо делить на внешнюю, когда отделившаяся группа (группы) выходит из рамок данной культуры, и внутреннюю, происходящую в результате расселения населения одной культуры. В свою очередь, внешняя сегментация может быть: 1) одинарная, когда отделяется одна группа; 2) множественная, когда от старой культуры отделяется несколько групп, которые затем могут войти в состав нескольких культур, но при сохранении старой культуры; 3) полная, при распаде старой культуры, когда выделившиеся группы образуют новые культуры; 4) последовательная, когда от уже однажды отсегментировавшейся группы в свою очередь отделяется еще одна или несколько групп.

Не менее важна проблема миграций в мезолите. Н. Я. Мерперт выделил модели миграций, среди которых и модель, относящаяся к обществу с присваивающей экономикой. Он считает, что основная причина ее – экологическая, вызывающая перенаселение и, следовательно, недостаток пищевых ресурсов (в какой-то мере социальное перенапряжение – Л. К.). Основная форма – переселение. Результат – освоение новых районов или увеличение плотности населения в уже заселенных (без изменения формы экономики). В последнем случае происходит ассимиляция (или взаимоассимиляция – Л. К.). Иногда могло происходить вытеснение или даже истреб-

ление прежнего населения. Но это явление было незначительно по масштабу и не обязательно (Мерперт, 1978).

С моей точки зрения, для полного описания миграций надо добавить еще несколько параметров: 1) протяженность миграции по территории: а) передвижение из первоначального центра в один регион, но через несколько промежуточных, или из одного центра в несколько удаленных районов; б) переселение в соседний район; в) расселение внутри одного региона; 2) протяженность во времени: а) одновременная или кратковременная, когда группа людей совершает одно передвижение за относительно короткое время; б) долговременная, когда передвижение происходит на протяжении значительного отрезка времени; 3) направление миграции: а) однонаправленные, т.е. совершаемые в одном направлении; б) многонаправленные, т.е. происходящие в нескольких направлениях; 4) надо попытаться установить количество населения, участвовавшего в миграции; это сделать трудно, но возможно по косвенным признакам, особенно в случае многонаправленных миграций; 5) надо дать характеристику сегментации, предшествовавшей миграции или осуществлявшейся в ее процессе (Кольцов, 1996).

В связи с изучением процессов формирования культур и миграций неизбежно возникает вопрос об ассимиляции. Ее изучение на материале мезолита позволило выявить три варианта (не буду говорить о разработанной мною методике в дайной статье): 1) частичная; 2) полная; 3) взаимоассимиляция или слияние.

Велико значение проблемы адаптации, под которой в этом контексте понимается стремление первобытных коллективов приспособления средств и способов производства и социально-производственной организации к окружающим природным условиям с целью оптимизации общественного воспроизводства. Адаптация – сложное и многомерное явление, которое надо изучать, имея в виду его формы – экономическую, социальную, культурную и биологическую. Способы экономической адаптации в мезолите – это экономические уклады, сочетание в разных вариантах основных способов производства – охоты, рыболовства, собирательства. Ее средства могут быть различными в зависимости от экологической ниши, в которой обитает то или иное сообщество. Способы социальной формы адаптации – организация социально-производственных коллективов и образа их жизни. Средства тоже могут быть различными, хотя есть и общие элементы (постройка жилищ, ям-хранилищ, высылка охотничьих экспедиций и т.д.). Культурная форма адаптации состоит в осознании культурной традиции и ее приспособлении к данной экологической нише (Кольцов, 1998б). Биологическая форма, по сути дела, только начинает изучаться (Козловская, 1996). Изучение проблемы адаптации сейчас пока вступает в свою первую фазу, здесь еще много предстоит сделать.

Очень сложна проблема взаимоотношения соседних синхронных культур по данным археологии. Она тоже не разрабатывалась специально отечественными специалистами. Я попытался разработать методику, которая помогла бы установить формы такого взаимоотношения и предложил эти формы (Кольцов, 1998а): 1) отсутствие всяких взаимоотношений; 2) одностороннее воздействие; 3) взаимодействие; 4) генетическая связь (под этой формой подразумевается сложение одной культуры на базе второй, причем эта последняя продолжала существование). При первой и четвертой формах вариантов нет. При второй форме возможны варианты: а) диффузия или влияние; б) давление или вытеснение; в) поглощение или ассимиляция. При третьей форме варианты такие: а) обмен; б) взаимовлияние; в) смешение и образование новых культур.

В связи с этим стоит вопрос о контактных зонах между синхронными культурами. Он тоже еще в достаточно серьезной степени никем не иссле-

довался. Здесь требуется разработка специальной методики, которая могла бы установить глубину и ширину контактной зоны, степень проникновения влияния или взаимовлияния и т.д.

Не менее, чем формирование, важна и проблема окончания существования мезолитических культур. Она приобретает особый интерес, поскольку в большинстве случаев речь идет о переходе к новой эпохе – неолиту. Анализ существующих данных предполагает следующие основные формы конца существования мезолитических культур: 1) переход к производящему хозяйству, т.е. классический вариант неолитизации; 2) освоение производства керамики местными мезолитическими группами без коренного изменения экономического уклада, иначе говоря, лесная форма неолитизации; 3) аккультурация мезолитического населения более высоко развитыми экономически (возможно, в какой-то мере и социально) носителями производящего хозяйства; 4) взаимоассимиляция культур; 5) ассимиляция одной культуры другой; 6) распад культуры вследствие экологических причин, вызвавших социальное перенапряжение (Кольцов, 2000б).

Родственные культуры объединяются в культурные общности. Это тоже важный объект исследования. В Северной Европе, например, сейчас выделено свыше 30 мезолитических культур, которые составляет 5 культурных общностей по степени родства между ними и территории распространения. В западной литературе применяется термин «технокомплекс», но мне представляется, что он узок по сравнению с термином «культурная общность» и недостаточно характеризует степень родства между культурами. Ведь речь идет не только о родстве в технике, но и о других родственных системах: традициях, общности экономики, в значительной мере языка, социального устройства и т.п. Каждая из указанных общностей имеет собственную модель развития (Кольцов, 2000а).

Очень интересна проблема дивергенции культур в рамках культурных общностей (культур, сложившихся на базе одной материнской). Ею пока еще никто не занимался. Сейчас намечаются две основные тенденции такой дивергенции: 1) там, где культурная общность складывается в одном центре, дивергенция развивается постепенно; 2) там, где культурная общность формируется в нескольких центрах, дивергенция начинается сразу же. При исследовании этого явления необходимо выяснить его причины. Очевидно, они лежат в области зависимости от экологической ниши, способов и средств адаптации к ней и ослаблении культурных традиций.

Большая группа проблем, крупных и мелких, так или иначе связана с реконструкцией мезолитической экономики. Она, безусловно, на всем протяжении нескольких природных зон оставалась присваивающей. Развивались в разной мере в разных культурах все три отрасли ее – охота, рыболовство, собирательство. Охота продолжала оставаться главным видом хозяйства. Основным видом охотничьего вооружения стал лук. В ряде памятников нескольких мезолитических культур найдены луки, изготовленные в Восточной Европе из хвойных пород, в Центральной – из вяза. Луки существовали в нескольких разновидностях, хотя оставались простыми. Найдены и древки стрел, которые делались практически повсеместно из сосны. Наконечники стрел применялись каменные, костяные, роговые, деревянные. Лук был в то время очень эффективным оружием, о чем свидетельствует охотничья добыча (в виде остатков животных), обнаруженная на отдельных стоянках. Использование лука помогало не только получать необходимые пищевые продукты – мясо и жир, но и шкуры, сухожилия, рог и кость, которые служили для изготовления одежды, обуви, покрытий для жилищ, а также большого числа разнообразных орудий. Эффективность лука давала возможность не только удовлетворения сиюминутных потребностей, но и создания определенного, пусть даже и небольшого, избыточного продукта и стратегии его хранения.

Но этим значение лука не исчерпывалось. Он косвенным образом повлиял еще на два обстоятельства. Во-первых, это организация социально-производственных коллективов, которые окончательно в мезолите оформились в группы, состоявшие из 2–5 малых семей. Только такие небольшие группы могли относительно спокойно существовать при отсутствии крупных или стадных млекопитающих. Во-вторых, эффективность лука приводила к достаточно быстрому оскудению охотничьей добычи в окрестностях поселений. Это вызывало необходимость подвижного образа жизни мезолитических общин в пределах их охотничьих территорий.

Надо отметить еще несколько особенностей мезолитической охоты. Она проводилась, скорее всего, небольшими коллективами. Вряд ли, хотя бы из соображений безопасности, охотились поодиночке. Очень возможно использование на охоте для обнаружения и преследования подраненной добычи домашней собаки, кости которой найдены в нескольких культурах. Во многих местах прослеживается стратегия высылки охотничьих экспедиций, поскольку часты находки очень маленьких поселений, которые можно считать остановками охотников для разных целей. В некоторых культурах была широко распространена система сезонных перекочевок вслед за передвижениями главных объектов охоты. Все это крайне интересные вопросы, требующие еще детального исследования.

Второй важной отраслью хозяйства в мезолите стало рыболовство. Установились все его основные виды, как индивидуальные, так и коллективные. Появились рыболовные крючки, как составные, так и цельные, остроги, верши, сети. Для облегчения рыбной ловли в это же время, по-видимому, были внедрены лодки (обнаружены их остатки в Голландии и Шотландии). Рыба ловилась как во внутренних водоемах, так и в море (причем и у берегов, и с выходом в открытое море, если судить по находкам костей рыб, не подходящих к берегам). Рыболовство в некоторых районах, особенно в приморских, было достаточно эффективной отраслью хозяйства, существенно дополнявшей охоту и приносившей значительное количество пищевых ресурсов.

Третьей отраслью экономики было собирательство. Оно документировается в двух разновидностях: сбор съедобных растений и моллюсков. Остатки растений представлены разными видами трав, орехов и диких фруктов. Моллюски употреблялись как пресноводные, так и особенно морские (в приморских районах). В некоторых культурах сбор моллюсков на побережье моря был столь велик, что привел к образованию поселений особого рода – раковинных куч.

Экономическая деятельность не ограничивалась добычей пищевых ресурсов. Больших трудозатрат требовала обработка добытого: мяса, шкур, кожи, сухожилий, жира, костей, рога млекопитающих, мяса, кожи, костей птиц, мяса, кожи рыб, растений, ягод, грибов, орехов, моллюсков. Много времени отводилось для воспроизводства средств производства. Для этого разными способами добывалось каменное сырье в местах его залегания или путем обмена. Обработка камня велась повседневно. Огромное количество орудий изготавливалось из рога и кости. Широкое распространение получила деревообработка, о чем говорят не только находки деревообрабатывающих орудий, но и сами изделия из дерева, найденные в ряде культур. Детальное изучение этих производственных процессов еще ждет своего исследователя.

Большой труд посвящался разного рода конструкциям на поселениях: жилищам, постройкам хозяйственного назначения, ямам и т.д. Жилища обнаружены шалашевидные и полуземляночные (сооружение последних требовало особенно много трудозатрат). Иногда строились каменные фундаменты жилищ или обкладки их стен. Известны случаи постройки деревянных помостов на заболочивающихся участках. Все эти конструкции детально тоже почти не изучались.

Много вопросов связано с организацией и статусом социально-производственных коллективов мезолитического населения. Большинство специалистов сходится на том, что многие стоянки оставлены группами, состоявшими из 2–5 малых (или, как их называют на Западе, нуклеарных) семей). С этим, пожалуй, можно согласиться, если судить по размерам большинства стоянок и обнаруженных остатков жилищ. Однако есть и крупные поселения, и большие жилища, которые, вероятно, могли вместить и более солидные группы людей.

Как представляется, при современном уровне наших представлений о мезолите все же нет достаточных оснований для сопоставления мезолитических коллективов с номенклатурой социальных единиц, выработанной этнографией (род, племя, союз племен и т.д.). Вряд ли можно переносить эту номенклатуру на эпоху мезолита совершенно безоговорочно.

Однако о некоторых вопросах, связанных с социальной организацией, поговорить все же можно. Каждая группа имела свою производственную территорию, в рамках которой ею велось хозяйство. Этой проблемой серьезно практически никто не занимался. Между тем, существование таких строгих территорий и их соблюдение коллективами (возможно, договорное) должны были быть неукоснительными. Иначе мы обнаруживали бы в могильниках этого времени многочисленные следы военных столкновений. На самом же деле, этих следов очень мало. Следовательно, о частых военных столкновениях говорить не приходится. Внутри этих территорий коллективы, разумеется, достаточно часто меняли места своих поселений, что могло вызываться разными причинами. Это и оскудение охотничьей добычи в окрестностях поселений, природные факторы (лесные пожары, наводнения и т.п.). Прослеживаются и сезонные перекочевки вслед за основной охотничьей добычей (например, северным или благородным оленем). Стратегия этих перекочевок тоже недостаточно изучена. Не ясно, участвовал ли в них весь коллектив или только его часть.

Естественно, небольшой объем журнальной статьи не дает мне возможности подробно остановиться на перечисленных и других проблемах мезолита (палеодемографии и годовых экономических циклах, погребальных обрядах и искусстве). Да это, наверное, и не очень нужно. Мне казалось, что нужно обратить внимание исследователей на огромный круг проблем, связанный с этой эпохой, и необходимость заниматься ими. Некоторые из них уже подвергались разработке. Однако многие ждут как выработки методических приемов, так и решения. Думается, для последующих изысканий по мезолиту – огромное поле деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Козловская М. В., 1996. Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы. М.
Кольцов Л. В., 1979. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА, № 4.
Кольцов Л. В., 1996. К характеристике позднеплейстоценовых и раннеголоценовых миграций в Северной Европе // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып III. Иваново.
Кольцов Л. В., 1998а. О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы // ТАС. Вып. 3.
Кольцов Л. В., 1998б. Формы, способы и средства адаптации в мезолите Северной Европы // ТАС. Вып. 3.
Кольцов Л. В., 2000а. Варианты развития культурных общностей мезолита Северной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
Кольцов Л. В., 2000б. О формах конца существования мезолитических культур Северной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
Мерперт Н. Я., 1978. Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА, № 3.
Римантене Р. К., 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.

Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская

ИСТОРИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ И РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ ПО ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ¹

Коллективная работа по исследованию Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) – крупнейшей историко-культурной и производственной системы Старого Света, существовавшей в периоды раннего и среднего бронзового века – ведется в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН уже более 10 лет. Провинция являлась сложной системой синхронно действующих производственных очагов, с которыми соотносились блоки археологических культур и группы памятников (Сегрун et al., 1991, p. 11–45). При изучении подобных систем выявляются две неразрывно связанные стороны – характеристика динамики древнего производства и решение вопросов хронологии включенных в провинцию культур и групп. Фактологическую основу исследований составляют компьютерные базы данных (БД). В качестве коллективной плановой темы была поставлена задача в течение 1999–2000 гг. унифицировать и статистически обработать в единой системе два блока уникальных по объему баз данных: первый – по радиоуглеродным датировкам, второй – по изделиям из металла и их негативам на литейных формах. Тем самым была предпринята попытка сопоставления широких хронологических схем, основанных на различных источниках – древнем металле и радиоуглеродных датах.

Базы такого объема (более 1300 датировок и более 82 тысяч предметов) созданы впервые, они охватывают обширную территорию и протяженный период времени в несколько тысячелетий. Практически БД представляют собой новый археологический источник для построения хронологии памятников и культур, входивших в состав ЦМП, а также для изучения производства, распространения и использования металлических предметов. Анализ БД позволяет ставить и решать проблемы определения и уточнения хронологических рамок всей ЦМП и составляющих ее регионов, верификации основных периодов ее существования – раннего (РБВ) и среднего (СБВ) бронзовых веков, а также характеристики металлургического производства в регионах и в системе в целом. Работа выполнялась по двум направлениям: источниковедческому – создание специализированных БД, и исследовательском – статистический анализ БД и вытекающие из него выводы.

В соответствии с ранее принятым географическим принципом построения работы, материал был разделен между двумя исполнителями по регионам; Л. Б. Орловская работала с Северной зоной провинции (Балканы, Эгеида, степь и лесостепь Восточной Европы), Л. И. Авилова – с Южной зоной (Анатолия, Левант, Месопотамия). В качестве сравнительного материала привлекалась также БД по Северному Кавказу, созданная Т. Б. Барцевой, и базы данных по Закавказью и Сузам, созданные Т. О. Тенейшви-

¹Исследование проводится при поддержке РФФИ, грант № 01-06-80336.

ли; за возможность использования этих материалов авторы выражают обеим исследовательницам искреннюю благодарность.

Радиоуглеродные датировки. Структура БД по радиоуглеродным датировкам включает 20 признаков (полей), куда входят следующие данные: индекс лаборатории, где проведен анализ, материал (дерево, уголь и пр.), название памятника, вид памятника (поселение, могильник и пр.), комплекс (слой, курган и пр.), регион (Причерноморье и др.), археологическая культура, точное географическое местоположение (широта в градусах и минутах, долгота в градусах и минутах), время ВР (лет назад), время ВС (лет до н.э.), стандартное отклонение, калиброванная дата (68% вероятности – одна сигма), калиброванная дата (95% вероятности, 2 сигмы), сноска на публикацию с указанием страницы, примечание.

База данных по собственно ЦМП включает 997 дат из 258 памятников. В качестве фона в работе использована база по более ранней Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП) эпохи энеолита, содержащая 341 дату (образцы происходят из 112 памятников). Привлечение этих материалов обеспечило полное отражение в работе эпохи раннего металла в Старом Свете, включая медный век, ранний и средний периоды эпохи бронзы. Таким образом, всего было обработано 1338 дат. С целью унификации данных в рамках единой методики все датировки были откалиброваны по программе, предложенной Оксфордской изотопной лабораторией (OxCal v2). Полученные калиброванные значения возраста были подвергнуты статистическому частотному анализу с вероятностью 68% (одна сигма) с построением частотных полигонов.

Результаты исследования опубликованы (Черных и др., 2000). В публикации, в частности, представлены БД по обеим провинциям в виде максимально полных каталогов используемых датировок. Статистическое распределение датировок позволило определить хронологические рамки функционирования как систем провинций в целом, так и целых блоков археологических культур и памятников в важнейших историко-географических регионах обеих провинций. Для ЦМП особо важной представлялась задача разграничения двух периодов существования системы – РБВ и СБВ. В качестве отдельной задачи решено было провести работу по точной локализации памятников в системе географических координат, что дало возможность представить подавляющую часть памятников, давших радиоуглеродные датировки, на точных масштабных картах.

Проведенная статистическая обработка БД позволила существенно прояснить хронологическую позицию обеих металлургических провинций, хотя, конечно, и не решило всех связанных с этим проблем. Период существования БКМП, по нашим данным, составляет 1200 лет, от 50 до 38 вв. до н.э., причем культуры, составлявшие эту систему, развивались последовательно, без хронологических разрывов (рис. 1, верхняя фигура).

Подобная картина возникает и при анализе датировок ЦМП. Статистическая обработка всей коллекции без разделения дат по двум периодам – РБВ и СБВ – дает общий диапазон существования системы в рамках 33–22 вв. до н.э. Однако методически более обоснованным кажется раздельный анализ датировок по обоим периодам, в этом случае время функционирования раннебронзовых центров ЦМП определяется как 33–25 вв. до н.э., а период СБВ ограничивается рамками 28–19 вв. до н.э. При этом время существования провинции охватывает 33–19 вв. до н.э. (рис. 2). Из полученных данных видно, что четко разграничить периоды РБВ и СБВ не удастся, их взаимное наложение составляет существенный промежуток с 28 по 25 вв. до н.э. Видимо, и здесь мы имеем дело с плавным перерастанием культур, частично синхронным развитием производящих центров на гигантской территории ЦМП.

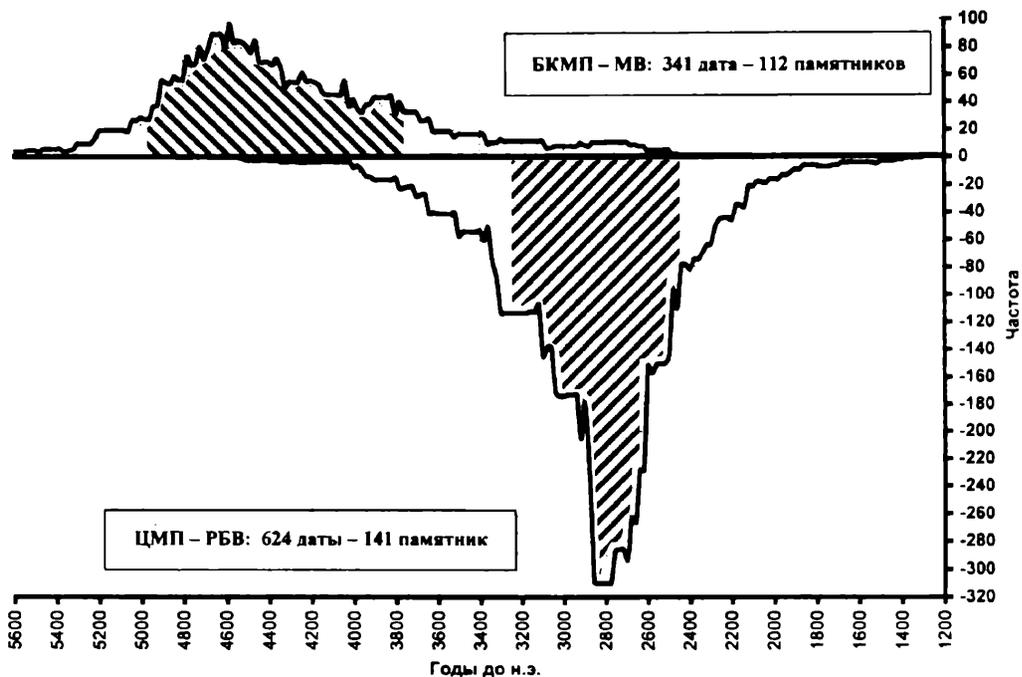

Рис. 1. Балкано-Карпатская и Циркумпонтийская (этап РБВ) металлургические провинции. Распределение значений радиоуглеродных датировок.

Заштрихованы зоны 68% вероятности.

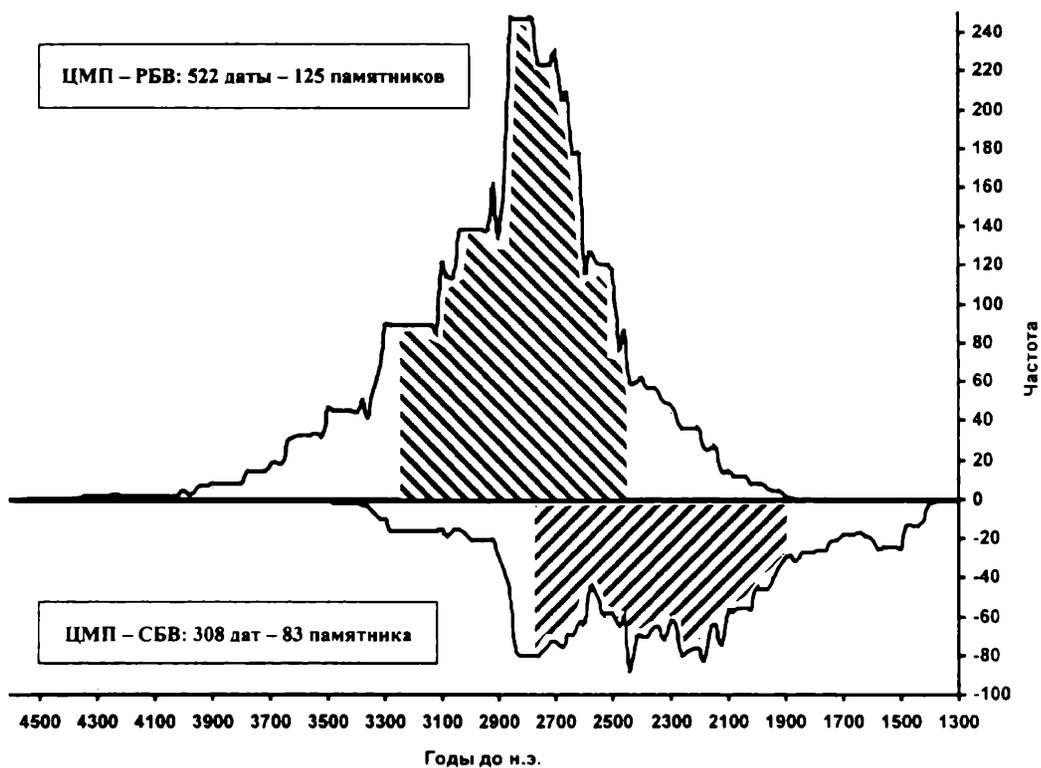

Рис. 2. Циркумпонтийская металлургическая провинция. Этапы РБВ и СБВ. Распределение значений радиоуглеродных датировок.

Заштрихованы зоны 68% вероятности.

Таблица 1. Радиоуглеродная хронология регионов ЦМП (века до н.э.).

Регион	РБВ	СБВ
Восточная Европа	33–25/24	28–20/19
Кавказ	37–26	29–19/18
С. Балканы, Подунавье	33–26	30–22
Ю. Балканы, Эгеида	32/31–24	26–20
Анатолия	32–26	27–19/18
Левант	35–27	24–17/16
Месопотамия, З. Иран	32–26	27–21

Таблица 2. Распределение находок из ЦМП по функциональным классам.

Функциональные классы находок	Северная зона			Южная зона		
	Всего	РБВ	СБВ	Всего	РБВ	СБВ
1 - орудия, оружие	4752	1517/14	3235/39	5091	719/33	4372/7
2 - украшения	13656	9273/84	4383/53	54856	1140/52	53716/88
3 - защитный доспех				11		11
4 - конская упряжь	5	5		6		6
5 - посуда	76	63/0,5	13/0,2	633	94/4	539/1
6 - предметы культа	45	19/0,2	26/0,3	1862	151/7	1711/3
7 - полуфабрикаты	138	29/0,2	109/1,5	59	17/	42
8 - литейные формы	162	34/0,2	128/2	210	21/	189/0,5
0 - неопределенные	461	122/1	339/4	275	35/2	240/0,5
Итого	19295	11062/100	8233/100	63003	2177/100	60826/100

Примечание: числитель дроби – количество находок, знаменатель – процент от выборки.

Таблица 3. Распределение находок из ЦМП по материалу.

Материал	Северная зона			Южная зона		
	Всего	РБВ	СБВ	Всего	РБВ	СБВ
Au	9401	7412	1989	44342	295	44047
Ag	1578	1413	165	4798	188	4610
Pb	127	70	57	200	74	126
бронза неанализированная	3134	934	2200	11416	1037	10379
бронза проанализированная	4894	1199/100	3695/100	2027	480/100	1547/100
Cu		318/27	540/15		74/15	126/8
Cu+As		760/63	2529/68		374/78	930/60
Cu+Sn		26/	398/10		9/	234/15
Cu+As+Sn, Cu+Sn+As		23/	80/2		11/	218/14
прочие сплавы		72/6	148/4		12/	39/3
камень, глина	159	33	126	216	24	192

Примечание: числитель дроби – количество находок, знаменатель – процент от выборки.

Хронологические рамки РБВ и СБВ в различных регионах провинции несколько различаются, это зависит как от количественной представительности коллекций, так и от достоверности данных о стратиграфии памятников. Датировки периодов по регионам приведены в табл. 1.

Совершенно иная картина возникает при сопоставлении двух систем – БКМП и ЦМП – между собой. Они разделены огромным хронологическим разрывом в 500 лет (38–33 вв. до н.э.) (рис. 1). Здесь радиоуглеродная хронология подчеркивает установленный на иных материалах жесткий куль-

турный и производственный разрыв между комплексами медного века и ранней бронзы, катастрофический коллапс блестящих энеолитических культур Балкан и Подунавья.

Еще один важный вывод данного исследования заключается в чрезвычайной скорости формирования провинций как систем связанных между собой очагов металлургии и металлообработки. Технологические открытия распространялись не путем постепенной диффузии, а как стремительный прорыв, после которого наступает период стабильности, плавной эволюции систем.

Таким образом, итогом коллективного исследования явилась наиболее полная на сегодняшний день и обработанная в едином методическом ключе база данных по радиоуглеродным датировкам обширной историко-производственной системы с предложенной на ее основе системой хронологии эпохи энеолита, раннего и среднего бронзового века.

Металлические изделия ЦМП. Структура базы данных по древнему металлу включает 53 признака (поля), отражающих информацию о памятнике и его местоположении, морфологии изделия, его датировке, материале изготовления (включая данные спектрального анализа), публикациях и др. (подробнее см. Черных и др., 1996, с. 95–103). БД по всей территории Циркумпонтийской провинции включает 82298 предметов, в том числе негативы на каменных и глиняных литейных формах. К эпохе РБВ относятся 13239 находок, к СБВ – 69059.

Был проведен детальный статистический анализ созданных БД по ряду признаков по регионам и хронологическим периодам. Здесь мы ограничимся наиболее общими сведениями. Распределение материала по хронологии внутри двух основных зон неодинаково (табл. 2): в северной количество находок РБВ численно превосходит массив находок СБВ, этот перевес дает массив украшений из майкопских памятников – 84%, а класс орудий/оружия представлен 14% находок. В период средней бронзы на севере орудия многочисленны (39%), хотя украшения составляют больше половины материала. В южной зоне картина отлична – резкий количественный рост материала происходит в СБВ, также за счет класса украшений (88%), представленных в таких комплексах, как «клады» Трои II–III, царские некрополи Аладжахейюк и Ур (Авилова, 1996, с. 68–81; Černykh, Avilova, 1996, p.166,167).

Анализ распределения находок по материалу (табл. 3) проясняет картину: четко видна корреляция представительности класса украшений с распространением драгоценных металлов. На севере массовые находки золота и серебра относятся к РБВ, а на юге – к СБВ (рис. 3).

В табл. 3 приведены также общие данные по составу сплавов на медной основе. Картина в обеих зонах в целом сходна и в РБВ, и в СБВ. Число находок из металлургически «чистой» меди при переходе от РБВ к СБВ падает приблизительно вдвое. Основной сплав – мышьяковая бронза – в обоих периодах составляет более половины всех анализов, но в северной зоне ее доля от РБВ к СБВ возрастает, а в южной – уменьшается. В южной зоне в период СБВ весьма заметную роль играют сплавы с применением олова (суммарно – до 30%), на севере они не получают широкого распространения.

Некоторые особенности рецептуры древних сплавов не отражены в табл. 3, это касается, в частности, высоконикелевых бронз. Они широко распространены в эпоху РБВ в таких регионах, как Северный Кавказ и Месопотамия (около 30% анализов в обоих регионах), хорошо известны в Анатолии и Леванте (16% и 10% соответственно), а Сузах являются основным сплавом – около 80% (!). В этот же период они совершенно отсутствуют в Закавказье, в восточноевропейских степях и на Балканах. Только в

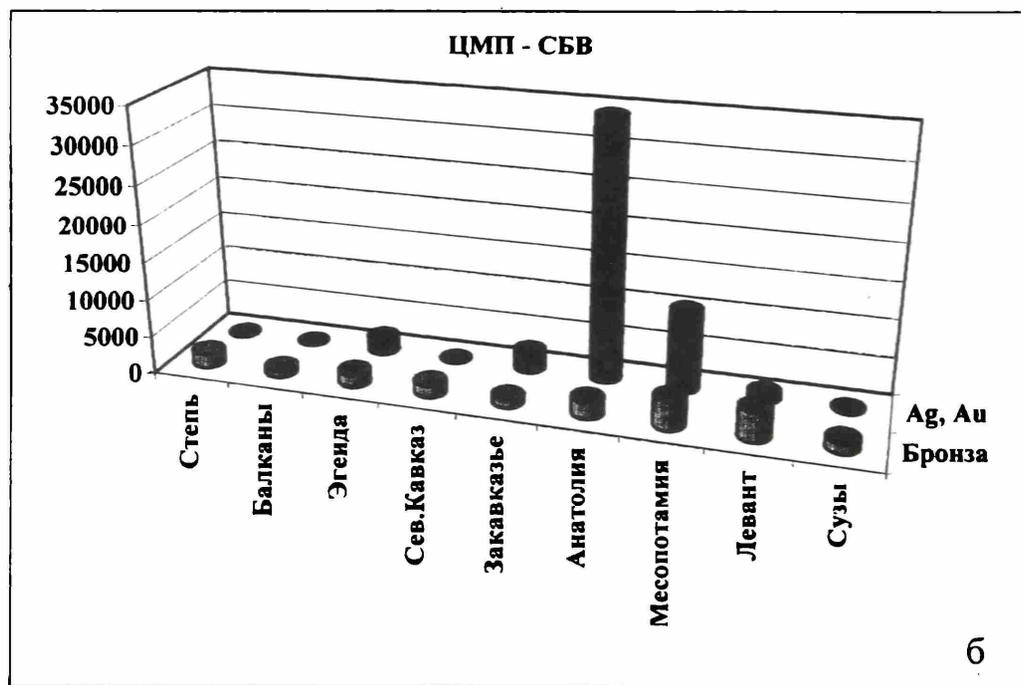
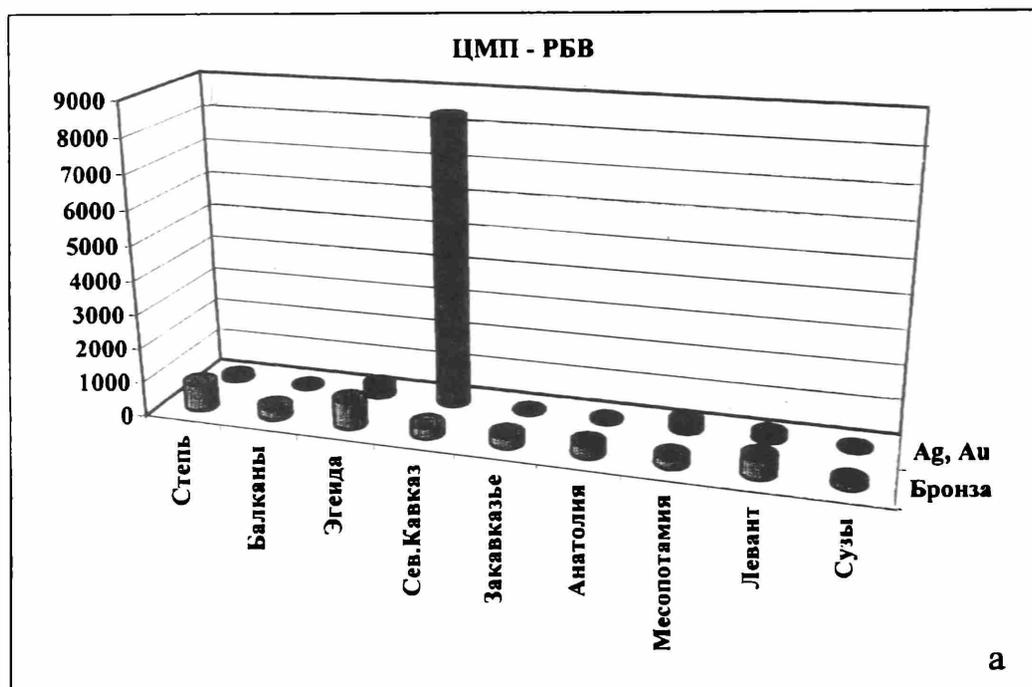

Рис. 3. Циркумпонтийская металлургическая провинция. Соотношение количества находок из бронзы и драгоценных металлов по регионам.

а – этап РБВ, б – этап СБВ.

Сузах высоконикелевые бронзы сохраняют ведущую роль и в СБВ (62%). Таким образом, данный сплав является четким индикатором, демонстрирующим связь конкретного региона с переднеазиатской производственной традицией (Авилова и др., 1999, с. 51–66).

В данной статье мы попытались показать в чрезвычайно сжатом виде те перспективы, которые дает постановка крупных коллективных тем с

широким применением компьютерной техники, что дает возможность детальной проработки обширнейшего фонда археологических источников.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л.И., 1996. Металл Месопотамии в раннем и среднем бронзовом веке // ВДИ. № 4.
- Авилова и др., 1999. Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О. Metallurgical production in the Southern zone of the Circumpontic metallurgical province in the early bronze // РА. № 1.
- Черных и др., 1996. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Барцева Т.Б., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О. Компьютерные программы в историко-металлургических исследованиях лаборатории ИА РАН // Компьютеры в археологии. М.
- Черных и др., 2000. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Metallurgical provinces and radiocarbon chronology. М.
- Černykh E.N., Avilova L.I., 1996. Circumpontic metallurgical province and metal from Troy // The workshops and posters of the XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Forli-Italia, 8–14 September, 2 Abstracts.
- Černykh et al., 1991. Černykh E.N., Avilova L.I., Barceva T.B., Orlovskaja L.B., Tenejsvili T.O. The Circumpontic Metallurgical Province as a System // East and West. Vol. 41, № 1-4 (December 1991).

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 211. 2001 год.

Д. Б. Апакидзе

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ИСКУССТВЕННЫХ ЖИЛЫХ ХОЛМОВ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наохваму является одним из эталонных памятников Колхидской культуры. Его правильное датирование имеет большое значение для хронологии Колхидской культуры эпохи поздней бронзы и уточнения отдельных этапов этого периода.

Холм Наохваму был расположен в Центральной Колхиде (Западная Грузия) в с. Река Сенакского р-на. Он имел овальную форму. Его высота с поверхности земли достигала 1,5 м, а максимальный диаметр – 60 м. Холм был обведен одной искусственной канавой. В 1933–1934 гг. раскопки холма проводили А. И. Амиранашвили-Болтунова, С. И. Макалатия и директор Потийского музея В. И. Гоголишвили (Куфтин, 1950, с. 161). В 1936 г. С. И. Макалатия продолжил археологические работы (Куфтин, 1950, с. 168), а в 1940 г. Г. К. Ниорадзе провел раскопки в центральной части холма, которая до этого была слабо изучена (Ниорадзе, 1941, с. 323–343).

Первые попытки датировки холма Наохваму даны в работах А. А. Иессена (Иессен, 1937, с. 252) и Г. К. Ниорадзе (Иессен, 1937, с. 252), имеющие на сегодняшний день значение только для истории вопроса.

На основе детального анализа археологического материала и отчетов раскопок, а также посещения в 1934 и 1936 годах холма Наохваму, Б. А. Куфтин выделил на нем три культурных слоя. Нижний слой он отнес к концу среднебронзовой и началу позднебронзовой эпох, средний слой – к позднебронзовой, а верхний – к колхидско-кобанской эпохе или к самой ранней стадии греческой колонизации Черного моря (Куфтин, 1950, с. 174,

182, 188, 237). После раскопок на холме Зурга-Чаладиди, расположенного в 20 км западнее от Наохваму, его хронология потребовала определенного уточнения. Первая попытка этого дана в работах Т. К. Микеладзе (Микеладзе, 1974, с. 50–51; 1978, с. 33, 37, 40). По мнению Т. К. Микеладзе, все три слоя Наохваму отражают один период истории – конкретно раннюю стадию поздней бронзы и относятся к разным этапам этого периода (Микеладзе, 1974, с. 51). По его же замечанию, материалы нижнего слоя Наохваму полностью идентичны с находками нижнего слоя Зурга-Чаладиди, который также датирован началом позднебронзовой эпохи (Микеладзе, 1974, с. 39).

Э. М. Гогодзе датировку Наохваму уточняет в свете раскопок Носирского холма (Гогодзе, 1982, с. 62–63). В своей работе он дает хронологическую таблицу ведущих поселений Колхиды эпохи бронзы и раннего железа. Согласно этой таблице, нижний слой Наохваму он датирует XV–XIII вв. до н.э., средний – XIII–XII вв. до н.э., а верхний – XI–IX вв. до н.э. (Гогодзе, 1982, с. 94). Н. Д. Хахутайшвили в целом холм Наохваму датирует XV–VIII вв. до н.э. (Хахутайшвили, 1986, с. 100). А. Н. Габелия нижний и средний слои относит к XIV–IX, а верхний к VIII–VII вв. до н.э. (Габелия, 1984, с. 123). М. В. Барамидзе нижний слой датирует переходным периодом от средней к позднебронзовой эпохе, а верхний – X–VIII вв. до н.э. (Барамидзе, 1998, с. 23–27). Л. В. Джибладзе нижний слой Наохваму относит к начальному этапу позднебронзовой эпохи, средний – XI–X вв. до н.э., а верхний – VIII–VII вв. до н.э. (Джибладзе, 1997, с. 94–95).

Как видим, в датировке холма Наохваму имеются различные мнения. Она требует дальнейшего уточнения. Рассмотрение датировки памятника начнем с верхнего слоя. Его керамика изготовлена на гончарном круге. Посуда представлена следующими основными формами: пифосами (рис. 1: 1), корчагами (рис. 1: 2), горшками (рис. 1: 3–4), мисками, кубышками с двурогими, зооморфными ручками (рис. 1: 5–6), банками (рис. 1: 10), сосудами на подставках (рис. 1: 7–8). Преимущественно орнаментирована верхняя часть сосудов. Основными мотивами орнаментации являются широкие и узкие каннелюры (рис. 1: 6, 9–11), спирали (рис. 1: 13), бороздки, образующие горизонтальные елочки (рис. 1: 12), гребенчатый штамп (рис. 1: 16), зигзаги (рис. 1: 14), сетчатый декор (рис. 1: 15), длинные штрихи (рис. 1: 17). В этом же слое обнаружены бронзовый наконечник копья с орнаментированной незамкнутой втулкой (рис. 2: 1), бронзовый наконечник копья (рис. 2: 2), наконечник железного копья (рис. 2: 3), бронзовые наконечники стрелы (рис. 2: 4–5), бронзовый втульчатый наконечник стрелы (рис. 2: 6), бронзовое долото, кремневый наконечник стрелы с выемчатым основанием (рис. 2: 7), фрагмент бронзовой булавки с полусферической грибовидной головкой (рис. 2: 8), бронзовая булавка с витым наполовину стержнем (рис. 2: 9), фрагмент каменной зернотерки (рис. 2: 10), кремневый вкладыш серпа (рис. 2: 11), глиняный торс лошади с отломанной головой и ногами, глиняная фигурка барашка (рис. 2: 12), глиняное скульптурное изделие конской головы (рис. 2: 13). Здесь обнаружено большое количество рогатых зооморфных ручек. Именно этот тип ручек считал Б. А. Куфтин наиболее распространенным в верхнем слое холма (Куфтин, 1950, с. 198).

Керамика верхнего слоя Наохваму имеет аналогии с керамическим материалом из других поселений Колхиды конца II и начала I тыс. до н.э. как по форме, так по орнаментации. Здесь подразумеваются III и частично IV слой холма Намчедури, второй слой центрального холма Пичори, Очхомурское поселение-производство, IV слой поселения Петра-Цихисдзир, IV слой Носирского холма, верхний слой Тамышского поселения, верхний слой Кистрика, средний слой Даблагомского Нацихвари, I слой Даб-

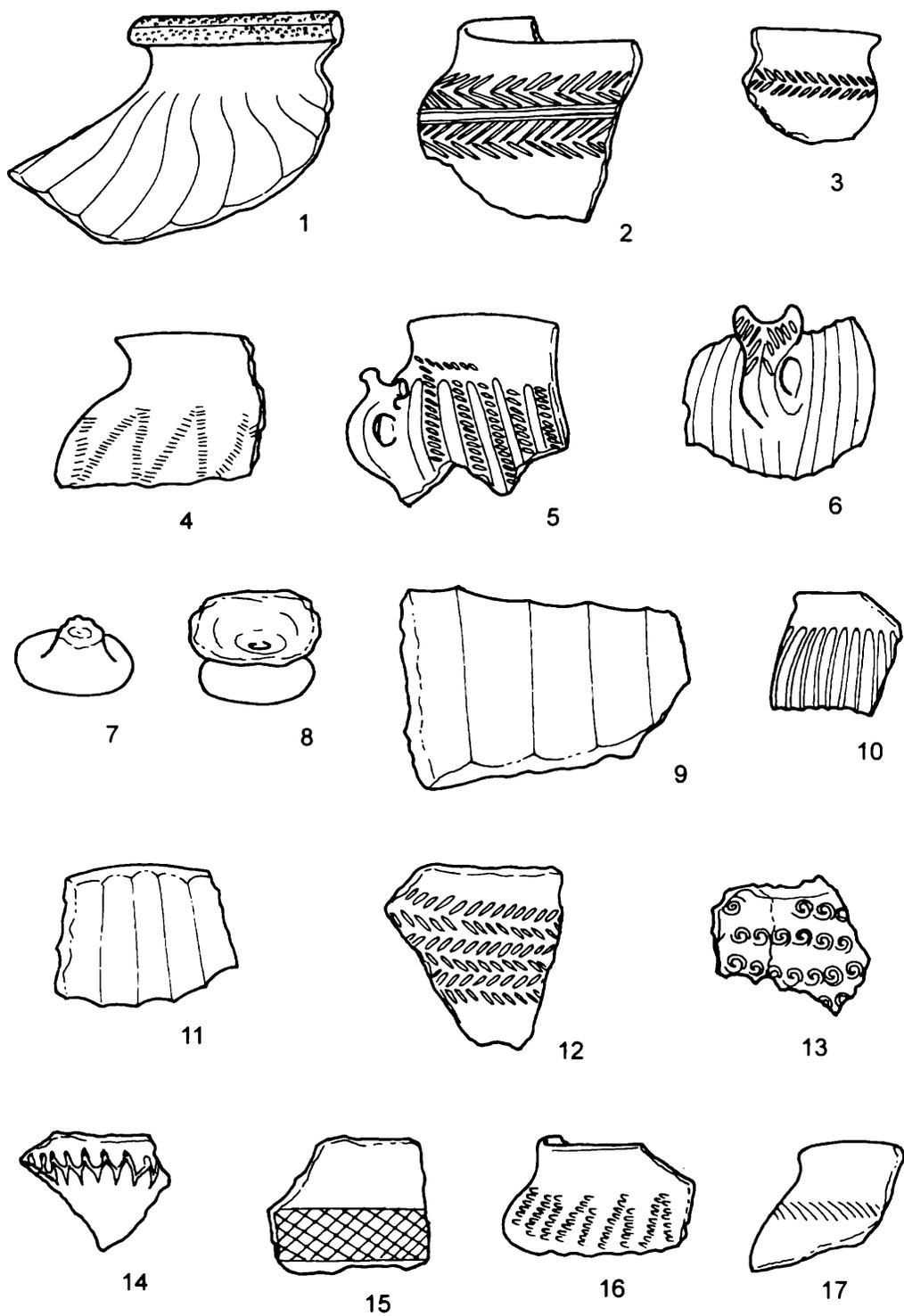

Рис. 1. Искусственный жилой холм Наохваму. Основные типы и мотивы орнаментации керамической посуды верхнего слоя.

Все рисунки по Б. А. Куфтину (1950, выполнены Гансом Иоахимом Фрай, Университет Тюбинген, Германия).

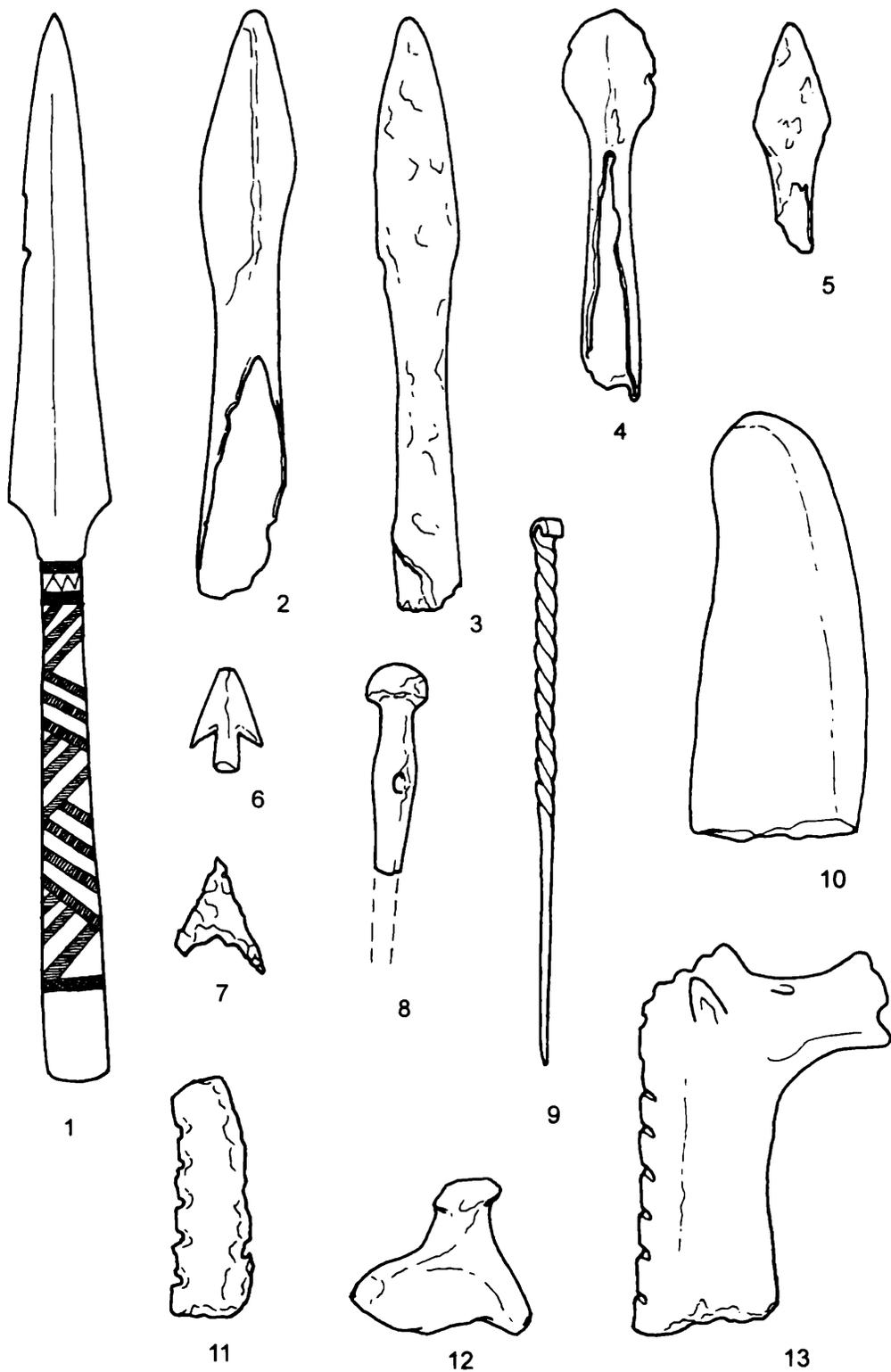

Рис. 2. Искусственный жилой холм Наохваму. Инвентарь верхнего слоя.
 1, 2, 4-6, 7, 8 – бронза, 3 – железо, 7, 11 – кремнь, 12, 13 – глина, 10 – камень.

лагомского Насакдреви и др. Хотим заметить, что на некоторых из перечисленных поселений имеются С 14 даты. Полученные этим методом калиброванные даты следующие: II слой центрального холма Пичори относится к концу II – началу I тыс. до н.э., а именно, к XI–X вв. до н.э. (Джибладзе, 1997, с. 93), III слой Намчедури – к началу I тыс. до н.э. (Микеладзе, Хахутайшвили, 1985, с. 14–15), а Немчедури IV – к концу II тыс. до н.э. (Апакидзе, Бурчуладзе, 1987, с. 24), IV слой Петра-Цихисдзири датирован началом I тыс. до н.э. (Семенцов, Долуханов, Романова, 1972, с. 214; Кавтарадзе, 1981, с. 29; Микеладзе, Хахутайшвили, 1985, с. 14–15), Очхомурское поселение-производство относится к XI–IX вв. до н.э. (Apakidze, 2000, S. 204), IV слой Носирского холма – к XI/X–IX вв. до н.э. (Гогодзе, 1992, с. 66).

Здесь же следует отметить, что аналогичная III слоя Наохваму керамика встречается в Колхиде в течение всей первой половины I тыс. до н.э., а некоторые ее формы продолжают существовать до середины IV в. до н.э. Очевидно и то, что в Восточном Причерноморье такая керамика существует и с конца II тыс. до н.э. Тем более, что на основе приведенных выше калиброванных ¹⁴C дат, подобная керамика уже с конца II тыс. до н.э. уже широко распространена в Колхиде.

Ввиду того, что для холма Наохваму не имеются ¹⁴C даты, во время определения его возраста наряду с керамикой должны быть широко использованы металлические, кремневые и каменные предметы, которые в III слое представлены в большом количестве. В первую очередь заслуживает внимания бронзовый наконечник копья с орнаментом и незамкнутой втулкой (рис. 2: 1; L–31 см). Такие наконечники копий в Грузии неоднократно обнаружены в хорошо датированных комплексах. Например, они были найдены в погребениях 4, 11, 13 и 20 Бешташенского могильника (Куфтин, 1941, табл. XLIV, XL VII, XLIX-L) и в Чагуловском комплексе (Абрамишвили, 1961, с. 307–309, табл. II). Аналогичный наконечник копья содержало погребение 583 нижнего этажа Самтаврского могильника (Куфтин, 1941, рис. 76, 1). Погребения 4, 11, 13 и 20 Бешташени Б. А. Куфтин отнес к эпохе поздней бронзы и раннего железа. Он отмечал, что нижняя хронологическая граница этих погребений определяется XII–XI вв. до н.э. (Куфтин, 1941, с. 65–70). Р. М. Абрамишвили Чагуловский комплекс датировал XIV в. до н.э. (Абрамишвили, 1961, с. 314). В самой Колхиде похожий наконечник копья засвидетельствован в составе клада Очхомурского поселения-производства (Apakidze, 2000, abb. 5, 28). Допущена возможность его изготовления в XII–XI вв. до н.э. (Apakidze, 2000, S. 202–204). Наохвамский наконечник копья имеет параллели и в других комплексах Грузии. Например, в Западной Грузии его аналоги находятся в составе Лухванского клада (Сахарова, 1976, с. 27, табл. XII: 3) и в погребениях Брили (Гобеджишвили, 1952, с. 57, табл. X: 10–11); в Восточной Грузии – в погребениях Квастали (Джапаридзе, 1955, рис. 2, 6–7) и Каспи (Барамидзе, 1965, с. 48, табл. IV: 6) и др.

По Б. А. Куфтину, бронзовый втульчатый наконечник стрелы Наохвамского поселения (рис. 2: 6; L – 4 см, ширина между концами боронок – 2 см) имеет параллели в Швейцарии, во Франции и в находках итальянских террамар близ города Пармы (Куфтин, 1950, с. 178–179). Такой наконечник стрелы близ Пармы обнаружен вместе со смычковидной бронзовой фибулой. Куфтин отнес эту находку к концу Микенской эпохи (Куфтин, 1950, с. 179). Г. Зефлунд такие наконечники стрел из террамар датировал концом бронзового и началом железного века (Saflund, 1939, p. 72, 103, tav. 55: 9). В новейшей специальной литературе бронзовые втульчатые наконечники стрел датированы в основном этим же периодом (Mutti, 1993, fig. 251, 20; Carancini, 1997, fig. 237, 135; Vemabo Brea, 1997, fig. 152, 2). Например,

одна такая стрела, найденная в 60-м помещении в поврежденном слое дворца из Эпано Энглиано (Филос), датируется периодом SH III C: I (Avila, 1983, s. 114, taf. 64).

Обнаруженные в верхнем слое бронзовые булавки с грибовидной головкой (рис. 2: 8) и с витым наполовину стержнем (рис. 2: 9), указывают, что этот слой не может быть моложе самого начала I тыс. до н.э., во всяком случае, такие булавки в комплексах Колхиды IX–VII вв. до н.э. нигде не обнаружены. Б. А. Куфтин писал, что «Весь этот металлический инвентарь укладывается, повидимому, целиком в эпоху поздней бронзы и в частности, характеризует южный вариант колхидско-кобаньской культуры» (Куфтин, 1950, с. 174). Кроме этого, каменная массивная зернотерка овальной формы имеет архаический вид и типологически отличается от зернотерок, распространенных в первой половине I тыс. до н.э. в Колхиде.

Таким образом, комплексное изучение археологического материала верхнего слоя Наохваму показывает, что этот слой древнее начала I тыс. до н.э. и тем более, древнее VIII–VII вв. до н.э. Приведенные данные свидетельствуют, что верхний слой относится к XII–XI вв. до н.э.

Средний слой Наохваму является сравнительно бедным. По толщине он гораздо тоньше, чем другие слои. В этом слое металлические предметы обнаружены не были, но выявились кремневые вкладыши серпов. Здесь же найдены фрагмент одного точильного камня, подвеска из белого камня и украшенный концентричными кругами каменный предмет, назначение которого нам не известно.

Посуда среднего слоя представлена пифосообразными сосудами (рис. 3: 3), корчагами (рис. 3: 1–2), кубышками с зооморфными ручками, иногда они имеют довольно толстоствольную ручку с двумя ушками наверху (рис. 3: 9), мисками с коротким трубчатым сливом (рис. 3: 5), кубками с катушковидной антенной на ручке (рис. 3: 4), ковшами с катушкообразным выступом (рис. 3: 8), кубками с приподнятыми сверху ленточными ушками (рис. 3: 7). Орнаментация этого слоя богаче верхнего слоя. Здесь представлены и те мотивы, которые встречаются в верхнем слое, но наряду с ними большое место занимает желобчатый узор, сочетающийся с гребенчатым штампом (рис. 3: 17, 18, 21–23). Последний мотив типичен для нижнего слоя, что наряду с другими данными указывает на генетическую связь с обеими (верхним и нижним) слоями. В среднем слое в большом количестве встречаются рогатые зооморфные и напоминающие форму птичьей грудной кости ручки (*bridge handles like*; рис. 3: 1), а также ручки других форм (рис. 3: 11–14).

Материалы среднего слоя имеют более архаичный вид, чем верхнего слоя. Используя метод сравнительной хронологии можно допустить, что он хотя бы одним веком старше верхнего. Одним из убедительных аргументов древности этого слоя является обнаруженный в нем кремневый черенковый наконечник стрелы. С начала раннежелезной эпохи т.е. с конца II тыс. до н.э. это оружие в Колхиде не употреблялось и поэтому в здешних комплексах не встречается. Подобные стрелы известны, например, из поселения Испани раннебронзовой эпохи (Микеладзе, Хахутайшвили, 1985, табл. 4: 1–2), из кургана 2 Начеркезеви Сачхерского могильника (Пхакадзе, 1993, табл. XVI, 2), из первого слоя Носирского холма, который датирован XVIII–XVII/XVI вв. до н.э. (Гогодзе, 1982, с. 6, 7; 1984, с. 39). Эти примеры показывают, что кремневые черенковые наконечники стрел характернее для более ранних этапов бронзы, хотя они в ограниченном количестве продолжают существовать и в начале поздебронзовой эпохи. Их приблизительно с XII в. до н.э. на Кавказе и близлежащих регионах сменяют бронзовые, а потом железные черенковые наконечники стрел. Что касается кремневых наконечников стрел с выемчатым основанием, они употреб-

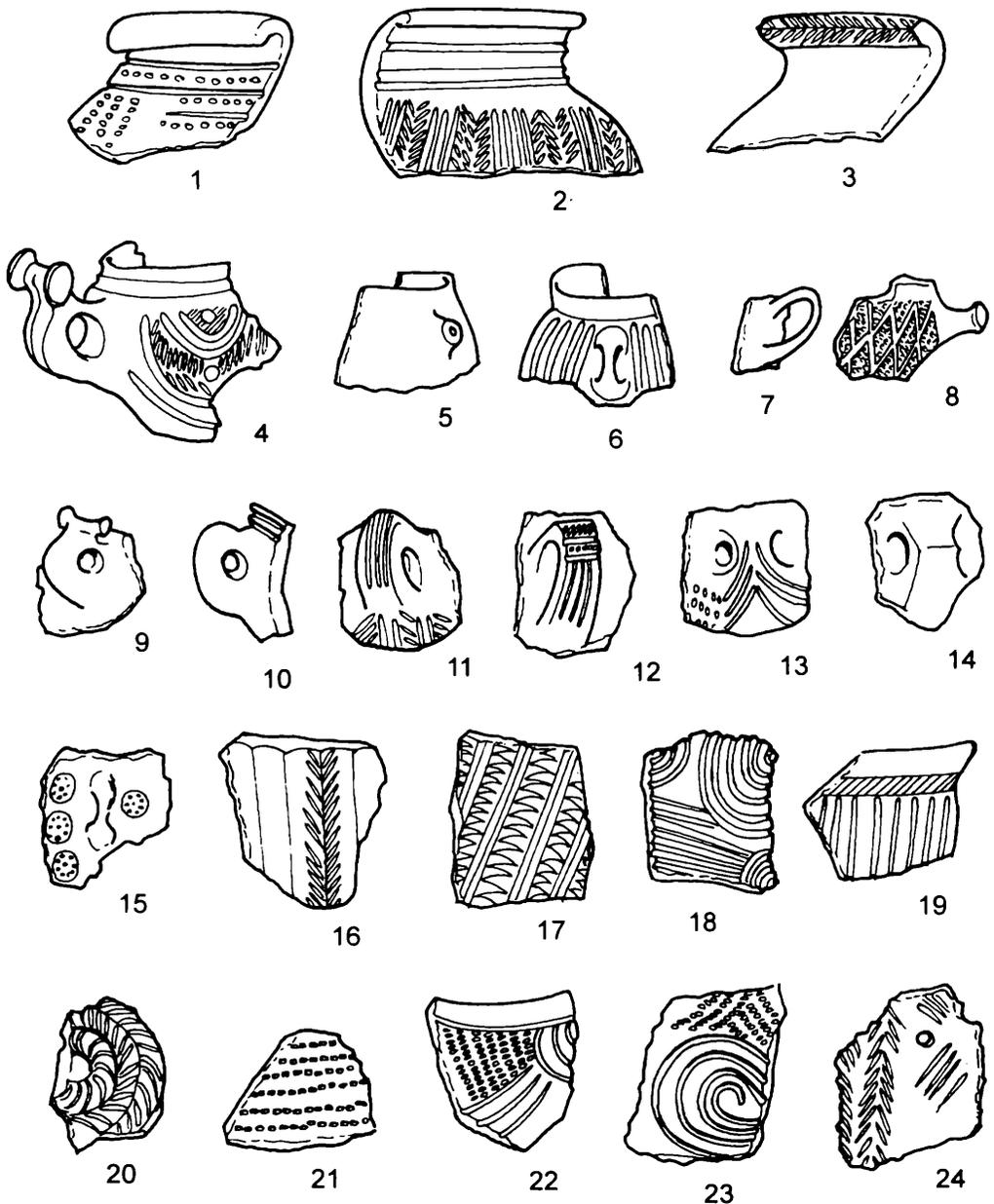

Рис. 3. Искусственный жилой холм Наохваму. Основные типы и мотивы орнаментации керамической посуды среднего слоя.

ляются более продолжительное время, включая эпоху широкого освоения железа.

По керамическому материалу средний слой Наохваму действительно занимает промежуточное звено между верхним и нижним слоями. Б. А. Куфтин отмечает, что попадающие из верхнего и нижнего в средний слой керамические образцы в процентном отношении довольно многочисленны, но это можно объяснить разрушением прослойки желтого суглинка, который и являются средним горизонтом памятника (Куфтин, 1950, с. 219). Поэтому можно допустить, что этот слой существовал в относительно коротком промежутке времени, приблизительно в течение одного века. И так как он непосредственно опережает верхний слой, по методу сравнительной хронологии, его существование определяется XIII в. до н.э.

В нижнем слое была обнаружена бревенчатая кладка круглого или эллиптического плана, которая видимо являлась основанием толстой глинобитной стены (Куфтин, 1950, с. 171–172, табл. 49). Керамический материал здесь представлен самым богатым образом. Он в основном черного цвета, ручной лепки. Его ведущими формами являются: корчаги (рис. 4: 10), баночные сосуды, бокалы (рис. 4: 11, 13–14), кружка без орнамента и с примитивной зооморфной ручкой, кружки с ручками в форме «птичьей грудной кости» (рис. 4: 1, 4–5, 8) и с зооморфными ушками (рис. 4: 2), кубок с узким выступающим дном в форме массивной амфорной ножки (рис. 4: 15), широкие чаши (рис. 4: 16), миски с трубчатым сливом (рис. 4: 6), ручки с приподнятыми сверху ушками, фрагмент черноглиняного блюда с невысоким бортом (рис. 4: 20), массивные ножки сосудов (миска? чаша? блюдо?), имеющие копытообразную форму (рис. 4: 19). Ручки сосудов в основном имеют форму «птичьей грудной кости», но сравнительно реже встречаются и зооморфные рогатые ручки, а также ручки с «катушечным» верхом (рис. 4: 17). Костяные орудия довольно многочисленны. Они изготовлены из козьих, овечьих и свиных костей. Этот материал представлен двумя типами: проколками и плоскими долотцами. Обнаруженная здесь массивная каменная зернотерка имеет овальную форму. Найдена каменная булава грушевидной формы. По Б. А. Куфтину, в этом слое кремневые изделия не были достаточно выражены.

Нижний слой еще более углубляется в древность. Об этом свидетельствует и тот факт, что в нем обнаружена керамика только ручной лепки. Этот слой наиболее близок с нижним слоем Зурга-Чаладиди, который относится к раннему этапу позднебронзовой эпохи. Возраст нижнего слоя Зурга-Чаладиди радиоуглеродным методом исчисляется в 3470 ± 190 лет (Микеладзе, 1974, с. 40). Эта дата может быть использована для абсолютной датировки нижнего слоя Наохваму, который идентичен с нижним слоем Зурга-Чаладиди не только керамикой, но и костяными, каменными и кремневыми изделиями. Средним показателем вычисления указанной даты ^{14}C является 1500 г. до н.э. С этой датой вполне совпадает и датировка обнаруженной в нижнем слое Наохваму каменной булавки (Куфтин, 1950, с. 230, табл. 53: 2). Она грушевидной формы, хорошо отшлифована и имеет сквозное цилиндрико-коническое отверстие. По Б. А. Куфтину, аналогичная булава была найдена в слое с полихромно расписной керамикой в холме Шамирамалти близ озера Ван, а также в Нузи (Евфрат) в слое (храм А), датированным XV в. до н.э. (Куфтин, 1950, с. 230).

Э. М. Гогодзе отмечает, что керамический материал нижнего слоя Наохваму синхронен с керамикой III и частично II слоя Носирского холма (Гогодзе, 1982, с. 62). Л. В. Джибладзе относит нижний слой Наохваму к ранней стадии позднебронзовой эпохи и датирует его XIV–XIII вв. до н.э. (Джибладзе, 1997, с. 97). Согласно М. В. Барамидзе, такая специфическая керамика, которая представлена в нижнем слое Наохваму, появляется на переходном от средней к поздней бронзе этапе и в последующем периоде повсеместно распространена на территории Восточного Причерноморья (Барамидзе, 1998, с. 22). Т. Э. Чигошвили данный период датирует XIII–XII вв. до н.э., чем значительно омолаживает начальный этап позднебронзовой эпохи. Но этому противоречит калиброванная дата по ^{14}C , приведенная им в своей работе (Чигошвили, 1999, с. 16). Материалы нижнего слоя Наохваму близки также с материалами III слоя центрального холма Пичори, со всеми тремя слоями холма Аведати, которые датированы ранним этапом позднебронзовой эпохи – XV–XIV вв. до н.э. (Барамидзе, 1998, с. 4; Пхакадзе, 1993, с. 143). Материалы нижнего слоя Наохваму частично находят параллели также с V слоем холма Намчедури (Микеладзе, Хаху-таишвили, 1985, табл. 59 и др.), Зуга Кекелури и Зуга Начви (Гогодзе, 1982,

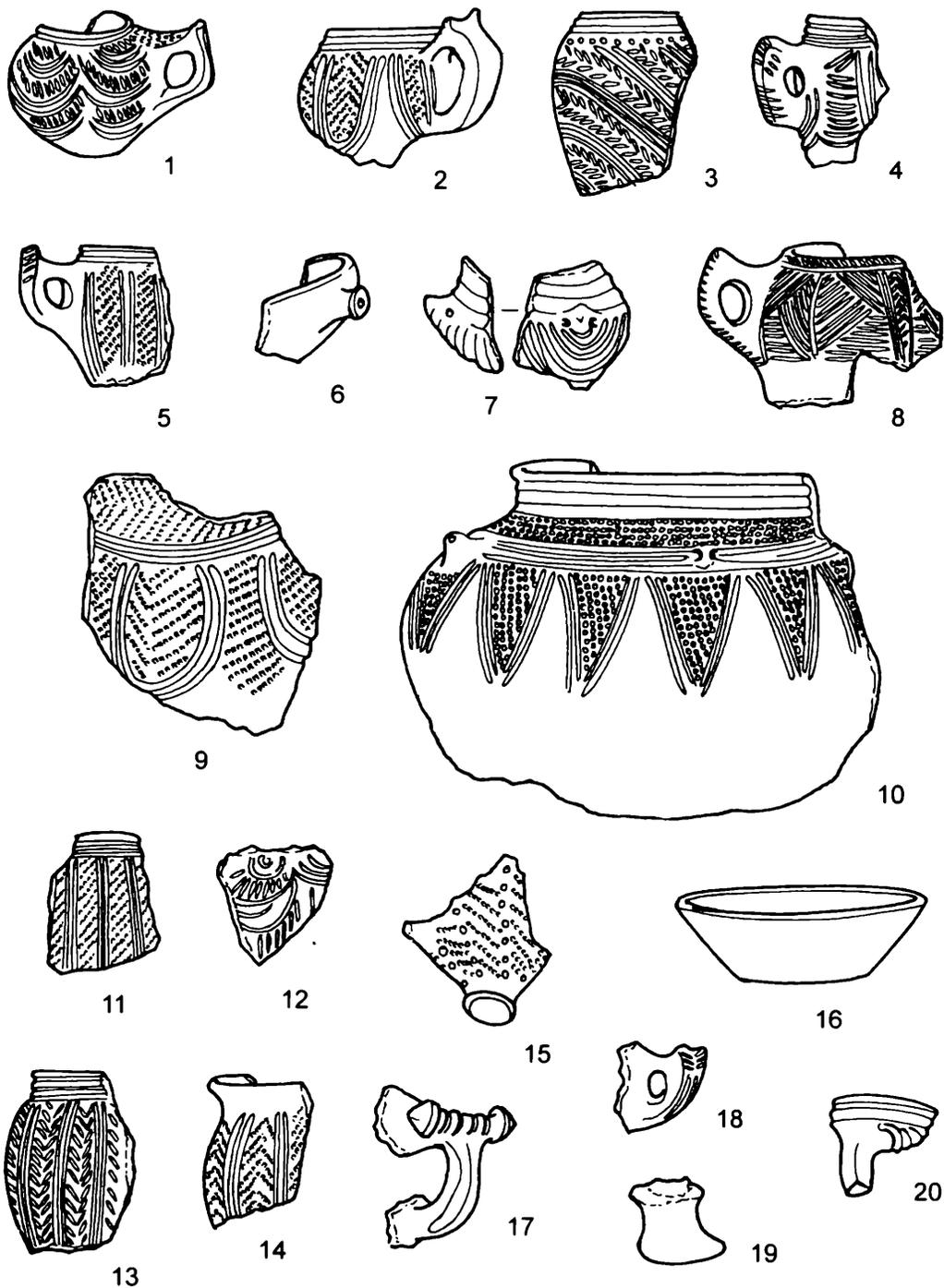

Рис. 4. Искусственный жилой холм Наохваму. Основные типы и мотивы орнамента керамики посуды нижнего слоя.

с. 59), III слоем Диха-Гудзуба Анаклиа I (Куфтин, 1950, с. 253–255, рис. 6, 8, 10; 7, 3) и др. Все эти памятники относятся к начальному этапу эпохи поздней бронзы.

Таким образом, на основе данных ^{14}C и детального анализа параллельных материалов, особенно из холма Зурга-Чалади, Носири, Диха-Гудзуба Абедати, которые территориально расположены в небольшом расстоянии от Наохваму и вместе с ним относятся к центральному локальному

варианту Колхидской культуры, самым поздним временем начала существования нижнего слоя нужно считать XV в. до н.э.

Новая датировка холма Наохваму выглядит следующим образом: нижний слой – XV–XIV вв. до н.э.; средний слой – XIII в. до н.э.; верхний слой – XII–XI вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамишвили Р. М., 1961. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии // Вестник Государственного музея Грузии. XXII-V. Тбилиси.
- Апакидзе А. М., Бурчуладзе А. А., 1987. Радиоуглеродное датирование археологических и палеоботанических образцов Грузии. Тбилиси.
- Барамидзе М. В., 1965. Каспский могильник // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. №4. Тбилиси.
- Барамидзе М. В., 1998. Восточное Причерноморье во II – первой половине I тыс. до н.э. (Основные проблемы) // Автореф. дис... докт. ист. наук. Тбилиси.
- Габелия А. Н., 1984. Поселения колхидской культуры (На материалах Абхазии) // Дис... канд. ист. наук, М.
- Гогодзе Е. М., 1982. Культура поселений Колхиды эпохи бронзы – раннего железа. Тбилиси.
- Джапаридзе О. М., 1955. Квастальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИА. Вып. 60.
- Джибладзе Л. В., 1997. Стратиграфия, хронология и периодизация поселения Колхидской низменности в эпоху бронзы. Тбилиси.
- Иессен А. А., 1937. Сухумская экспедиция ГАИМК // СА. Т. III.
- Кавтарадзе Г. Л., 1981. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси.
- Куфтин Б. А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Т. I. Тбилиси.
- Куфтин Б. А., 1950. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Тбилиси.
- Микеладзе Т. К., 1974. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья (II–I тыс. до н.э.). Тбилиси.
- Микеладзе Т. К., 1978. Археологические исследования в низовьях р. Риони (Материалы к истории древнего Фазиса). Тбилиси.
- Микеладзе Т. К., Хачутайшвили Д. А., 1985. Древнеколхидское поселение Намчедури, Тбилиси.
- Ниорадзе Г. К., 1941. Археологические раскопки в Колхидской низменности // Известия Института языка и материальной культуры. Т. X. Тбилиси.
- Сахарова Л. С., 1976. Бронзовые клады из Лечхуми. Тбилиси.
- Семенов А. А., Долуханов П. М., Романова Е. Н., 1972. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968–1969 гг.) // СА. № 3.
- Хачутайшвили Н. Д., 1986. Приморье Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа (Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 15). Тбилиси.
- Чигошвили Т. Э., 1999. Поселения эпохи поздней бронзы – раннего железа Ингуро-Кодорского бассейна // Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Apakidze J. B., 2000. Ein umfangreicher Bronzehort aus der Werkstattsiedlung der Kolchis-Kultur in Očhomuri in Westgeorgien // Praehistorische Zeitschrift. Band 75, Heft 2.
- Avila R. A. J., 1983. Bronzene Lanzen- und Pfeilspitzen der griechischen Spätbronzezeit // Prähistorische Bronzefunde. Abteilung V, 1. Band. München.
- Bernabo Brea M., 1997. Il limite sud-occidentale dell'area terramaricola e le facies culturali dell'Appennino emiliano occidentale nell'età del bronzo media e recente // Le Terramare. La più antica civiltà padana. Milano.
- Carancini G. L., 1997. La produzione metallurgica delle terramare nel quadro dell'Italia protostorica // Le Terramare. La più antica civiltà padana. Milano.
- Mutti A., 1993. Caratteristiche e problemi del popolamento terramaricolo in emilia occidentale. Bologna.
- Saflund G., 1939. Le terramare delle provincie di Modena, Reggio Emilia, Parma, Piacenza. Lund; Leipzig.

Н. Л. Членова

ПЛАВАНИЯ ПО ТЕЛЕЦКОМУ ОЗЕРУ НА АЛТАЕ
В РАННЕСКИФСКУЮ ЭПОХУ

В музей г. Бийска в конце 60-х годов XX в. поступил бронзовый кинжал-акинак, найденный в с. Мало-Угренево на р. Бие (примерно в 40 км выше г. Бийска). Условия находки и имя находчика остались мне неизвестны. Кинжал был предоставлен мне для зарисовки и публикации археологом Б. Х. Кадиковым, тогдашним директором Бийского краеведческого музея (где он тогда хранился и, вероятно, хранится и сейчас; инвентарного номера в конце 60-х годов кинжал еще не имел).

Перекрестье этого кинжала-акинака бабочковидное, ручка тонкая, подпрямоугольная в сечении, клинок – в верхних двух третях своей длины – с почти параллельными лезвиями и небольшим расширением в верхней части нижней трети; он ромбический в сечении. Наибольший интерес представляет уникальное навершье кинжала – в виде двух головок горных козлов, выполненных уплощенной скульптурой. Детали головок тщательно проработаны (особенно левая головка – рис. 1: 1). Глаза козлов – в виде круглых ямок, обведенных выпуклыми кантиками, ноздря и подбородок левой головки также выпуклые, на ноздре показана черточкой ямка. На правой головке ноздря и подбородок не выпуклые, на их месте показаны две черточки-ямки. Уши у обеих головок изображены близкими к натуральным, но также не идентичны: ухо левой головки более узкое, и в нем – продольная узкая впадина, ухо правой головки – несколько шире, и в нем впадины нет. Рога обеих головок изображены двумя дугами, рассеченными углублениями, так обычно в Южной Сибири изображают кольца на рогах горных козлов и баранов. Эти кольца на правой головке показаны более тщательно, чем на левой. Две дуги рогов козлов разделяет вертикальный стержень, идущий до верхней части ручки кинжала (рис. 1: 1). Между головками – выпуклая короткая полоска, отлитая, видимо, случайно (на обратной стороне кинжала такой полоски нет). Размеры кинжала: длина – 27,2 см, ширина перекрестья – 4,2, толщина перекрестья – 0,4 см; максимальная ширина каждой лопасти перекрестья – 1 см; толщина ручки – 0,3 см, ширина клинка под перекрестьем – 2,4 см, максимальная ширина клинка – 2,6 см; толщина клинка – 0,4 см; ширина ручки везде одинакова – 2,5 см; максимальная ширина навершья – 3,8 см; максимальная толщина навершья (на уровне рогов козлов – 0,5 см. Кинжал покрыт изумрудно-зеленой благородной патиной, кое-где проглядывает золотистая бронза. Из кинжала взята проба на спектральный анализ металла Б. Н. Пяткиным (как сообщил мне Б. Х. Кадиков), но результаты анализа, к сожалению, не были опубликованы, а может быть, и сам анализ не был произведен (сообщение С. В. Кузьминых, 2001 г.).

Широко расставленные лопасти перекрестья – признак кинжалов восточной части скифского мира, но у тагарских кинжалов лопасти перекрестья обычно гораздо более узкие. Навершье в виде головок козлов, разделенных стерженьком, уникально. Вероятнее всего, кинжал алтайского происхождения, хотя черты головок козлов (глаза в виде ямок, обведенных

выпуклыми колечками, изображение колец на рогах) характерны и для тагарского звериного стиля. Дата кинжала как раз и определяется этими чертами звериного стиля, а также формой клинка с параллельными лезвиями в верхней части клинка и небольшим расширением в нижней его трети (ср., например, Членова, 1967, табл. 3, 16, 19; и кинжалы из раннетагарских могильников Подгорное озеро, Черновая I, Моисеиха, VII–VI вв. до н.э. – см. Членова, 1997, рис. 27, 5; 33, 14; 35, 1 и др.). В более позднее время, с V в. до н.э., клинки кинжалов из Минусинской котловины, Алтая и Тувы – треугольной формы. Уже приходилось писать о сходстве бронзовых вещей тагарской культуры и Алтая в VII–VI вв. до н.э. (Членова, 1997, с. 28). Вероятно, между этими районами существовали постоянные связи. Об этом говорит, в частности, навершие бронзового тагарского ножа VII–VI вв. до н.э., увенчанного двумя головками хищных птиц, разделенных таким же стерженьком, как головки козлов на кинжале из с. Мало-Угренево (рис. 1: 5). Мне известны еще два подобных ножа, с плоской ажурной ручкой, заполненной ромбами и такими же головками птиц, разделенными стерженьком. Один из них происходит из «Минусинского края» (точнее неизвестно). Он хранится в Минусинском музее (инв. № 3891), второй хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 1123-15, место его находки неизвестно, но скорее всего он также тагарский.

Возвращаясь к публикуемому кинжалу из Мало-Угренево, отметим, что кинжалов или ножей с навершиями в виде головок козлов, опущенных вниз, в рассматриваемом регионе в раннескифскую эпоху вообще неизвестно, за единственным исключением: это нож с подобной же головкой козла, найденный «в устье р. Чодра» (или Чодро – *Н. Ч.*), правого притока р. Чулышман, впадающей с юга в Телецкое озеро (рис. 1: 2, 3) (Членова, 1967, табл. 34, 44, 44-а; Членова, 1972, с. 124). Нож хранится в ГИМ, инв. № 24148/91, оп. 1554/XXXII. Место находки установлено по: Архив ИИМК, ф. 1, д. 46 за 1883 г., л. 14.

Сходство головки козла с этого ножа с головками козлов с акинака из Мало-Угренево удивительно; как будто бы они изготовлены одним мастером: такие же глаза в виде круглых ямок, обведенных выпуклым кантом, так же изображены ноздри и на роге – так же показаны кольца. Различия состоят в том, что у козла с р. Чодра – маленькое и округлое ухо, кольца показаны только в нижней части рога, а детали морды – ноздри и подбородок – проработаны тщательнее, чем у головок козлов из Мало-Угренево. Этот нож был найден вместе с другим ножом, с овальным кольцом-навершием (рис. 1: 4). Полной уверенности в том, что оба ножа составляют единый комплекс нет, но это очень вероятно (хотя полностью исключить тот факт, что эти ножи – не комплекс, все же нельзя). Нож с овальным кольцом я отнесла к группе 14 карасукских ножей (одной из самых поздних). В вопросе же о дате ножей с р. Чодра я колебалась: в книге (Членова, 1972, с. 124) я отнесла их к VII–VI вв. до н.э., а в более поздней книге (Членова, 1994, рис. 3: 21, 22 и с. 16) – к VIII–VII вв. до н.э. Сейчас я считаю, что дата VII–VI вв. до н.э. для ножей с р. Чодра – более правильна, исходя из того, что такие же головки козлов имеются на акинаке из Мало-Угренево (акинаки известны лишь с VII в. до н.э.) и из того, что и карасукские ножи группы 14 синхронны ножам группы 15 и их находят в одних и тех же комплексах VII–VI вв. до н.э. (Членова, 1972, с. 124 и 129).

По карте (рис. 2) видно, что р. Чодро является притоком р. Чулышман, впадающей в Телецкое озеро с юга, а д. Мало-Угренево находится на р. Бие, вытекающей из северного конца Телецкого озера. Весьма вероятно, что сходство головок козлов на ноже с р. Чодро и на акинаке из Мало-Угренево объясняется передвижением людей на лодках с юга на север вниз по р. Чулышману, затем по Телецкому озеру и далее – вниз по р. Бия.

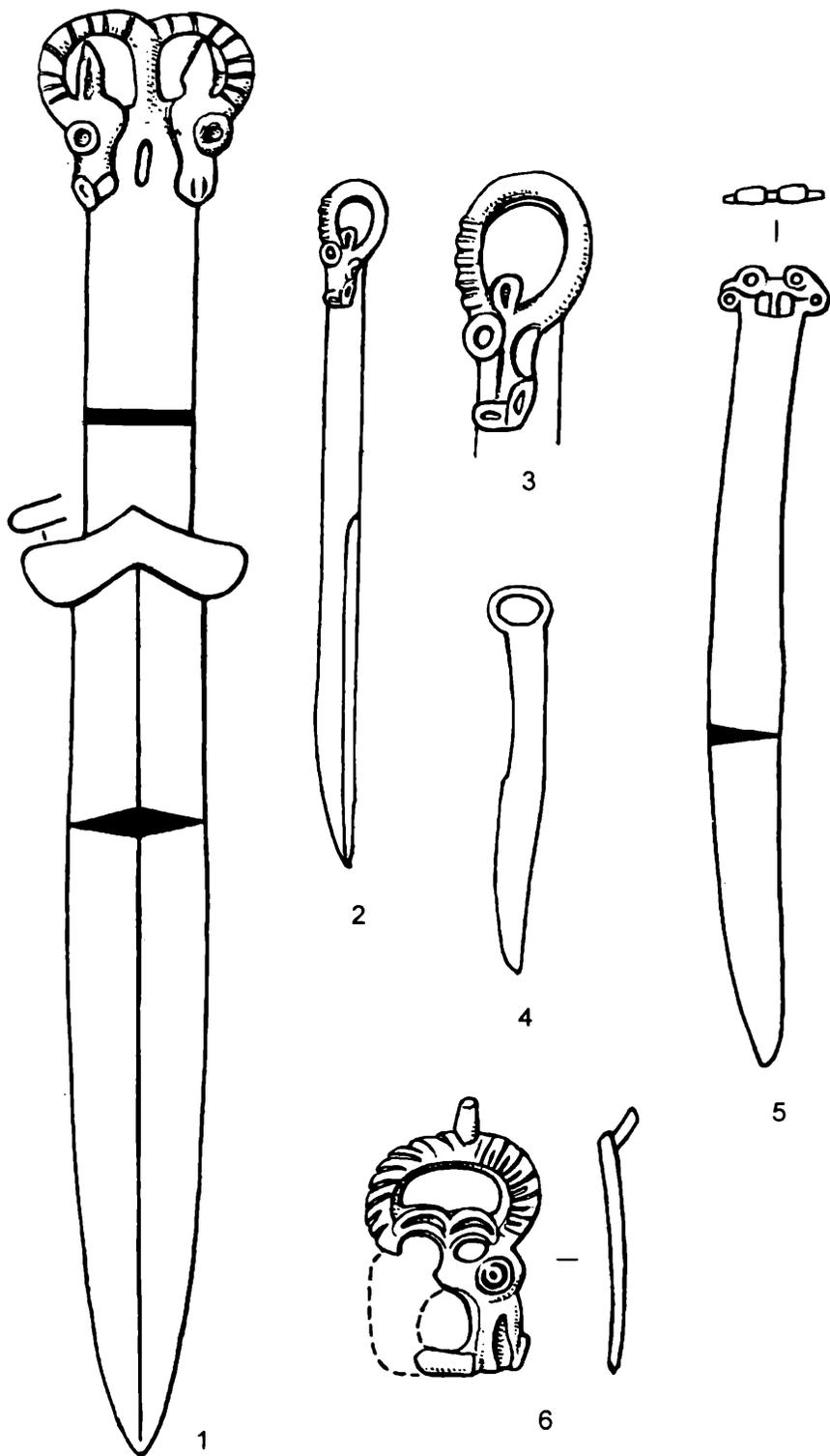

Рис. 1. Находки раннескифского времени из региона Телецкого озера.

1 – Кинжал-акинак из с. Мало-Угренево (Бийский музей); 2–4 – ножи, найденные в устье р. Чодро (ГИМ); 3 – деталь ножа 3; 5 – нож из Минусинской котловины (Минусинский музей); 6 – пряжка из могильника у пос. Рубцовский. 1–6 – бронза. 1–5 – рис. Н. Л. Членовой разных лет; 6 – по: Абдулганеев, 1998. Масштабы изображений различны.

Основной водной трассой, пересекающей Горный Алтай с юга на север в скифскую, да и в другие эпохи была р. Катунь, второй, кроме р. Бия исток р. Оби. Катунь расположена западнее р. Бия и именно на ней в последние два десятилетия открыто много памятников раннескифской эпохи (Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, 1997). Но публикуемые в этой статье вещи свидетельствуют о том, что и в восточной части Алтая существовал водный путь от верхнего Чулышмана через Телецкое озеро на р. Бия и далее, видимо, вниз по Оби. Заметим, что путь этот был важен и в качестве связующего Горный Алтай с югом Минусинской котловины: от пос. Яйлу на северо-восточном краю Телецкого озера (см. карту) идет на восток тропа, выходящая к истокам р. Абакана, левого крупного притока Енисея. Тропа эта существует и по сей день. Может быть, это был один из путей, по которому и в VII–VI вв. до н.э. осуществлялись связи Горного Алтая и Минусинской котловины, объясняющие большое сходство бронз тагарской культуры и культуры Алтая раннескифской эпохи, на что уже приходилось обращать внимание (Членова, 1997. С.28).

Возвращаясь к изображениям головок козла на акинаке и ноже из Восточного Алтая, отметим, что в 1997 г. М. Т. Абдулганеевым была раскопана могила у пос. Рубцовский (рис. 2), где был найден кувшин с орнаментом, имитирующим швы на кожаных сосудах и обломок пряжки с головками двух козлов, морды которых опущены вниз, пасти раскрыты, а рога обеих головок соединены и образуют единый рог. Ушей либо нет совсем, либо они превратились в дугообразные лепестки за затылками животных (рис. 1: б). Глаза, по-видимому, изображены не ямками, а двумя концентрическими кружками с точкой посередине. Всеми этими деталями головки козлов (сохранилась лишь одна головка, вторая обломана) на пряжке из пос. Рубцовский отличаются от головок на акинаке из Мало-Угренево и показывают деградацию мотива. Автор раскопок М. Т. Абдулганеев (1998, с. 173, 174) по сосуду с орнаментом, имитирующим швы на кожаных сосудах, датирует это погребение, а с ним и пряжку в пределах V–III вв. до н.э., с чем можно согласиться. Пос. Рубцовский расположен на правом берегу р. Каменка (Абдулганеев, 1998, с.172), впадающей слева в низовья Катунь, почти в месте ее слияния с р. Бия, немного западнее г. Бийска. М. Т. Абдулганеев (1998, с.173) пишет, что «близкая аналогия» зооморфной пряжке имеется в могильнике Енисейское 4 (V (IV) – III вв. до н.э.) у с. Енисейское, на р. Бие, в 20 км восточнее г. Бийска (Енисейское, с. 896). Он ссылается при этом на статью М. Т. Абдулганеева и А. Л. Кунгурова 1996 г. (рис. 1: а, с. 154), которая осталась мне недоступной.

Но даже оперируя тремя имеющимися вещами – кинжалом из с. Мало-Угренево, ножом с устья р. Чодро VII–VI вв. до н.э. и пряжкой из пос. Рубцовский на р. Каменка, – можно утверждать, что путь по р. Чулышману – Телецкому озеру – р. Бии – Верхней Оби существовал в течение VII – V–III вв. до н.э. Пока трудно сказать, что за культура существовала в раннескифское время в восточной части Алтая, та же ли, что на р. Катунь в это время. Даже культуру, хорошо известную по памятникам р. Катунь, исследованным в последние годы, Ю. Ф. Кирюшин и А. А. Тишкин (1997, с. 112) не называют майэмирской (название, предложенное М. П. Грязновым для юго-западных памятников Алтая – Грязнов, 1947), а считают, что она заслуживает какого-то другого наименования. М. Т. Абдулганеев и Д. В. Папин (1999, с. 5, 7 и далее) пишут о раннескифской культуре междуречья Бии и Катунь, как о чем-то едином и даже называют этот район «Бикатуньем», хотя на стр. 12 той же работы сообщается, что «в целом этнокультурная карта северных предгорий Алтая раннескифского времени выглядит достаточно пестрой». На представленной в их работе карте видно, что основная масса памятников расположена в западной части Алтая – по Катунь и

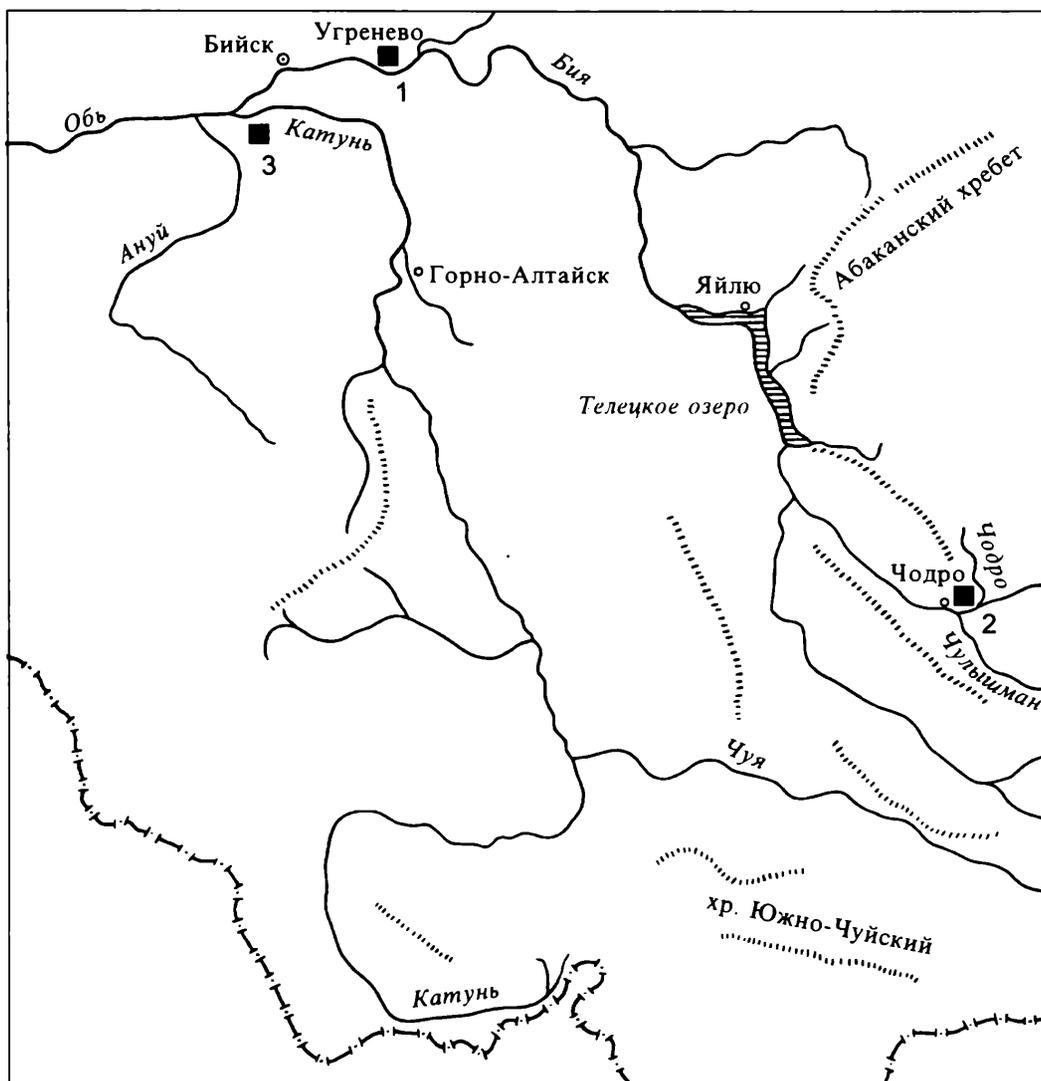

Рис. 2. Карта региона Телецкого озера, рек Чулышмана и Бии.

1 – Мало-Угреново; 2 – устье р. Чодро, притока р. Чулышман; 3 – пос. Рубцовский.

еще западнее (и здесь представлены далеко не все памятники), в то время как по Бие ранних памятников совсем мало (Абдулганеев, Папин, 1999, рис. 2: 1, 2, 5, 7, 9). Там же представлена керамика с городища Солонцы III и поселения Солонцы I на р. Бие (в 60–70 км выше г. Бийска), она очень похожа на керамику культуры большереченской, выделенной М. П. Грязновым (1956) для верхней Оби, но этот материал происходит из предгорий Алтая, да определения культурной принадлежности описанных выше кинжала и ножа и не входит в нашу задачу.

Цель данной статьи – обратить внимание исследователей на восточную часть Горного Алтая, где проходил упомянутый выше путь, и произвести там работы, чтобы выровнять диспропорцию между количеством раннескифских памятников на западе и востоке Алтая, или убедиться в том, что действительно восточная часть Алтая в VII–VI вв. до н.э. была слабо заселена.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулганеев М.Т., 1998. Могильник у поселка Рубцовский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. IX. Барнаул.
- Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., 1999. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Грязнов М.П., 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII.
- Грязнов М.П. 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48.
- Енисейское // Сибирская советская энциклопедия. Т. I. М. 1929.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул.
- Тишкин А.А., 1996. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время. Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул.
- Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Членова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.
- Членова Н.Л., 1994. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.
- Членова Н.Л., 1997. Центральная Азия и скифы. I. М.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 211. 2001 год.

В. В. Седов

ПРЕДЫСТОРИЯ БЕЛОРУСОВ

Не подлежит сомнению, что белорусский язык является одним из восточнославянских и сформировался на основе древнерусского языка. Еще в 1822 г. известный славист К. Ф. Калайдович на основе изучения старобелорусских (западнорусских) текстов и современного белорусского языка установил между ними преемственную связь, подчеркнув общность происхождения белорусов и русских (Калайдович, 1822, с. 67–80). Особенно очевидно это стало после публикации западнорусских актов документов (Акты..., 1846–1853). Эта точка зрения получила признание в научных изданиях большинства филологов и историков последующего времени. В середине XIX в. увидела свет первая монография по истории Белоруссии, в которой демонстрируется неразрывная связь истории и культуры белорусов с населением Древней Руси (Турчинович, 1857). Тогда же началось этнографическое изучение Белоруссии, выявившее с самого начала общую подоснову культуры и быта белорусов и других восточнославянских народов (Шпилевский, 1858; Шейн, 1887–1902). Наконец, капитальным исследованием белорусского языка и его исторического развития, выполненным Е. Ф. Карским, было надежно определено место белорусов среди восточнославянских народностей (Карский, 1903–1922).

В письменных источниках какой-либо конкретной информации о происхождении белорусов нет. В исторической литературе сложилось мнение, согласно которому основной причиной, нарушившей древнерусскую этноязыковую общность и приведшей к образованию белорусов, стало включение западной части древнерусских земель в состав Литовского государства.

Последователем этой точки зрения был и В. О. Ключевский (1956, с. 284–294, 335). Под ее влиянием оказался и Е. Ф. Карский, впервые на научной почве попытавшийся разобраться в проблеме становления белорусского этноса.

На основе анализа комплекса языковых данных этот исследователь показал, что начало сложения белорусской этноязыковой общности относится к XIII–XIV вв., а окончательное оформление произошло в последующие столетия. Е. Ф. Карский считал, что белорусы сформировались как результат скрещения восточнославянских племен – дреговичей, радимичей, полочан и кривичей и частично неславянских – ятвягов и голяди. Сближение их началось в период феодальной раздробленности Древней Руси, а сплочение в единую народность обусловлено распространением на будущие белорусские земли литовского владычества в XIII–XIV вв. Балтские лексические элементы в белорусском языке, по представлениям Е. Ф. Карского, относятся ко времени вхождения западнорусских земель в состав Великого Литовского княжества.

В разное время в литературе высказывались и иные мнения. Согласно А. А. Шахматову, язык белорусов, сформировавшийся на общерусской основе, в отличие от великорусов характеризуется некоторыми «ляшскими» особенностями. Исследователь объяснял участие в генезисе белорусов радимичей, которых считал «ляшским» племенем (Шахматов, 1899, с. 324–384; 1916). Совсем несерьезными представляются утверждения о принадлежности белорусов к польскому этносу (А. Рыпинский, С. Линде).

Высказывались догадки и о том, что древнерусские племена, локализуемые на этнографической территории белорусов, жили обособленно от остальных восточных славян. Историк и этнограф В. Ластовский таковыми считал кривичей и дреговичей, полагая, что основную роль в становлении белорусов сыграли кривичи и созданное ими Полоцкое княжество. Он утверждал, что предков белорусов звали волотами, вельтами (Ластовский, 1910). По представлению П. А. Расторгуева, первоначальное ядро белорусов, составили дреговичи и радимичи, которые будто бы истари характеризовались чертами, свойственными белорусскому языку (Расторгуев, 1918–1920, с. 244–251). Эти и им подобные мнения, не имеющие под собой серьезного обоснования, ныне представляют исключительно историографический интерес.

Историки XX в., в той или иной степени затрагивавшие проблему становления белорусов, продолжали считать, что этот процесс консолидации части восточнославянских племен в белорусскую народность обусловлен вхождением западных областей Руси в состав Литовского государства. К политическому фактору некоторые исследователи добавляли экономический, предполагая (без каких-либо оснований) активизацию экономических связей основной массы населения Белоруссии в XIII–XV вв. (Пичета, 1946, с. 5–6; 1961, с. 595–632; Канстанцінаў, 1946; Пьянкоў, 1948).

Ситуация существенным образом изменилась во второй половине XX в., когда археологией было накоплено достаточно материалов, чтобы подключиться к решению проблемы происхождения белорусов (Седов, 1967, с. 112–129; 1969, с. 105–120; 1970, с. 196–190). Достоверно установлено, что древним населением этнографического ареала белорусов были балты, в языковом отношении близкие к славянам. На древней балтской территории в раннем железном веке выделяются три группы (Седов, 1970, с. 11–62; 1980, с. 14–21; Sedov, 1992). Срединную часть современной Белоруссии заселяли племена культуры штрихованной керамики, ареал которых охватывал также восточную Литву и юго-восточную Латвию. Это было ядро балтов. Прямыми потомками их являются литовцы и латыши. С запада к этому ареалу примыкали земли западных балтов (предки сред-

невековых пруссов, ятвягов, галиндов и куршей), представленных культурой западнобалтийских курганов (области, примыкающие к Балтийскому морю от нижней Вислы до р. Вента). Восточные области древней балтской территории заселяли племена близких между собой культур – днепро-двинской, юхновской (деснинской) и верхнеокской культур. Это – днепровские балты, растворившиеся позднее в восточнославянском этносе.

В Среднем Поднепровье в начале железного века получила распространение милоградская культура, принадлежавшая также балтам. Во II в. до н.э. ее сменила зарубинецкая культура, этническая атрибуция которой дискуссионна. Ее приписывают и славянам, и балтам, и бастарнам, и скифам. Более вероятной представляется мысль о принадлежности зарубинецких племен окраиннобалтскому диалекту, близкому к говорам западных балтов и занимавшему некоторое промежуточное положение между ними и славянами. В дальнейшем носители этой культуры мигрировали в верхнеднепровские земли и достигли бассейна верхней Оки (мощинская культура), где источниками фиксированы под именем голядь. В южной части Днепровского левобережья потомки зарубинецкого населения смешались с ираноязычными жителями и в III–V вв. н.э. были представлены киевской культурой (голтескифы Иордана).

Балтская атрибуция древностей раннего железного века на будущей территории белорусов устанавливается прежде всего археологическими методами – эволюционная преемственность между ними и достоверно славянскими культурами раннего средневековья отсутствует. А языковая принадлежность носителей этих культур надежно подтверждается лингво-топонимическими материалами – на всей территории их распространения отчетливо выделяется мощный пласт древней балтской гидронимии, на который наложился раннеславянский слой (Bugа, 1924, s. 22–35; Vasmer, 1932, s. 637–666; 1941; Топоров, Трубачёв, 1962).

Начиная с периода великого переселения народов, будущая территория белорусов постепенно осваивается славянами. В конце IV – V в. в лесной полосе Восточно-Европейской равнины расселяется крупный массив среднеевропейского населения, принесшего сюда серию ранее неизвестных вещей, более совершенные типы серпов, жернова и культуры ржи и овса. В римское время население Висло-Одерского бассейна было полиэтническим, поэтому в составе переселенцев могли быть славяне, пруссо-ятвяги, летто-литовцы и германцы. Последующая история показывает, что доминирующим в составе среднеевропейских переселенцев были славяне, а иные племена в течение веков были ассимилированы ими. Аборигенное население (балтское в Подвинье и Верхнем Поднепровье, финноязычное в Ильменско-Псковском регионе и междуречье Волги и Клязьмы) при этой миграции, как свидетельствует археология, в основном не покинуло мест своего обитания. Все культуры раннего железного века в областях, затронутых миграционными потоками, исходившими из Средней Европы, прекращают свое развитие. На новых местах проживания среднеевропейцы в контакте с местным населением создают новые культуры, генетически не связанные с древностями раннего железного века (Седов, 1999, с. 91–117).

Одним из новообразований, имеющим непосредственное отношение к предыстории белорусов, является тушемлинская культура (IV–VII вв. н.э.). Она сформировалась в Смоленском Поднепровье и Полоцко-Витебском Подвинье в областях, заселенных прежде частью носителей культуры штрихованной керамики, частью племенами днепро-двинской культуры. Население тушемлинской культуры составили местные балты и среднеевропейцы. О наличии славянского этнического компонента говорят находки браслетообразных височных колец, не свойственные балтским племенам и ставшие в X–XIII вв. важнейшим этнографическим маркером восточно-

славянских племенных образований. Тушемлинскую культуру, таким образом, следует рассматривать как метисную, славяно-балтскую. Не исключено, что в ее ареале развивалось двуязычие. Сказать же, как конкретно протекали здесь этноязыковые процессы пока невозможно.

В VIII в. в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье наблюдается новый прилив славянского населения (из ареала псковских длинных курганов), результатом чего стало формирование культуры смоленско-полоцких длинных курганов, которую можно определенно считать кривической. В материалах этой культуры проявляются и славянские, и балтские элементы. Однако можно предполагать в это время активизацию процесса славянизации балтов, так как курганные древности IX–X вв. демонстрируют доминирование славянского (древнерусского) этноса в Смоленской и Полоцкой землях. Впрочем, процесс ассимиляции еще не завершился. Балтские элементы все же затухающе фиксируются в курганных материалах XI–XIII вв. По-видимому, островками балты проживали среди массы славянского населения и в период расцвета Древнерусского государства, что документируется и письменными источниками (Соболевский, 1911, с. 1051–1054).

В V–VI вв. славяне другой диалектно-племенной группы, характеризующиеся пражско-корчакской культурой, заселяют правобережные земли Среднего Поднепровья. К IX в. из среды этих славян складываются известные по летописям волыняне, древляне, поляне и дреговичи (Седов, 1982, с. 90–122). В IX–XI вв. наблюдается широкая инфильтрация волынян и дреговичей на север в среду балтского населения. Дреговичи заселяют области левых притоков Припяти и в бассейне Свислочи встречаются с кривичскими колонистами. Волыняне осваивают Среднее Побужье (куда проникли и группы дреговичей) и достигают южных районов Понеманья. В то же время славяне с юга поднимаются вверх по Днепру, а бассейн Сожа заселяют радимичи.

Безусловно, что те части кривичей, дреговичей и радимичей, которые заселяли древний балтский ареал и последующую территорию формирования белорусов, приняли участие в их генезисе. В то же время потомки других частей кривичей и дреговичей, проживавшие вне этого ареала, вошли в состав великоруссов и украинцев, поэтому мысль о каком-то своеобразии этих племен несостоятельна.

Аборигенное балтское население при миграциях славян в основной массе не покидало мест своего обитания. Большой разницы в уровнях развития экономики, культуры и социальных отношений между балтами и славянами не было. Взаимоотношения между ними носили преимущественно мирный характер. И те, и другие были земледельцами, а участков для пахотных земель было предостаточно. В результате на будущей этнографической территории белорусов складывается балто-славянский симбиоз. Этому способствовало то, что славяне и балты на бытовом уровне могли объясняться между собой. Ассимиляционные процессы на первых порах были слабыми и в разных регионах могли иметь неодинаковые направления. Однако процесс физической ассимиляции населения все же начался, имели место и брачные связи между пришлыми и местными жителями. Вскоре на Восточно-Европейской равнине создается мощное государство, строится множество городов, быстро формируется яркая древнерусская культура, ведущее место в которой принадлежит славянам. Это стало решающим в завершении процесса славянизации балтов.

Специфику культуры IX–XII вв. сельского славяно-балтского населения этнографической территории белорусов характеризуют курганные древности (Седов, 1970, с. 77–171). В целом они заметно выделяются среди остальной массы восточнославянских курганов. Еще Л. Нидерле подме-

тил, что славянские захоронения характеризуются безынвентарностью и малоинвентарностью. Умерших погребали (в период господства обряда трупосожжения клали на погребальные костры) головами на запад, лицом навстречу лучам восходящего солнца. Таков был языческий ритуал древних славян.

На территории формирования белорусов наряду с доминирующей западной ориентировкой в древнерусских курганах встречаются погребения, обращенные головами к востоку. Это – явное наследие местного балтского похоронного ритуала. В тех же курганах найден целый ряд предметов, не свойственных восточнославянским захоронениям. Таковы шейные гривны типов, весьма распространенных среди летто-литовских древностей; звездообразные (лучистые) пряжки, украшения, оформленные на концах в виде змеиных головок, костяные привески в виде уточек и другие. Предметы балтских типов встречаются в курганных захоронениях как с восточной, так и с западной ориентацией. В отдельных погребениях, положенных головами к востоку, обнаружены типично славянские украшения. Очевидно, метисация населения к этому времени зашла слишком далеко. Наличие среди древнерусских курганов белорусской этнографической территории названных элементов можно рассматривать только как наследие балтской культуры.

Таким образом, археология достаточно определенно свидетельствует, что на белорусской этнографической территории в отличие от других земель Руси восточнославянское население формировалось в условиях славяно-балтского симбиоза. И это не могло не отразиться на его языковом развитии. Согласно изысканиям Е.Ф.Карского, свыше 80% белорусских лексем имеет общие корни со словами балтских языков. Особенно много таких слов в сельскохозяйственной, рыболовческой и бортнической терминологии. Балтское субстратное воздействие проявляется не только в словарном фонде белорусского языка, но также в его фонетике и морфологии (Я. Розвадовский, К. Буга, В. Вондрак, Я. Станкевич, Ю. Шерех, Т. П. Ломтев и др.).

Специфические особенности белорусского языка фиксируются в основном в памятниках письменности XIV–XVI вв., но впервые выявляются в договорной грамоте Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., то есть до вхождения западнорусских земель в состав Литовского государства. Следует решительно отказаться от мысли, что оформление днепро-двинско-неманского славянства в отдельную этноязыковую общность обусловлено включением его территорий в состав этого государства. Политический фактор никак не мог быть основой возникновения новых языковых явлений, хотя в XIV–XVI вв. и имел немаловажное значение.

Археологические данные дают все основания считать, что особенности, свойственные белорусскому языку, стали зарождаться в днепро-двинско-неманском ареале в условиях славяно-балтского симбиоза. В период древнерусской государственности носителями этих диалектных явлений, нужно полагать, было сельское население. В городах, в особенности таких крупных как Полоцк, Смоленск, Минск, Гродно, население которых в большей степени было затронуто древнерусской культурной и языковой интеграцией, эти диалектные особенности проявлялись, видимо, весьма и весьма слабо, поэтому они и не фиксируются письменными документами XI–XII вв.

Во второй половине XIII – XV в. ситуация коренным образом изменилась. Жители западнорусских земель оказались в политическом, экономическом и культурном отношении оторванными от других областей Руси. Жизнь в городах западнорусских земель на первых порах хиреет, часть их вообще прекратила существование. Высокоразвитая древнерусская культу-

ра в пределах Литовского государства прекратила свое развитие. Постепенно восстанавливаемая городская жизнь была уже не общерусской, а ориентировалась на Литву. Теперь множество элементов отличало ее от культуры Новгорода Великого и Северо-Восточной Руси и эти различия со временем усиливались.

В условиях изоляции западнорусского населения его диалектные особенности, порожденные славяно-балтским симбиозом, стали развиваться. Историческая специфика западнорусского ареала создала предпосылки и для зарождения новых региональных инноваций в фонетике и грамматике, для распространения балтских лексем. Началось самостоятельное языковое развитие днепро-двинско-неманского славянства, приведшее к становлению отдельного восточнославянского языка.

Теория становления белорусского этноса в условиях внутрирегионального славяно-балтского взаимодействия прежде всего обосновывается данными современной археологии. Вместе с тем, она находит подтверждение в материалах лингвистики. В современном белорусском языке согласно «Диалектологической карты русского языка в Европе», составленной Московской диалектологической комиссией (Опыт..., 1915; Дурново, 1924), выявляются две основных группы говоров – северно-белорусская и южно-белорусская. Образование их невозможно объяснить никакими иными мотивами, кроме отдаленного влияния разных субстратов. Южнобелорусская диалектная зона территориально соответствует части ареала культуры штрихованной керамики, затронутого славянским расселением. Днепровские балты стали основой севернобелорусской диалектной зоны (Седов, 1999, с. 272–274).

В течение двух тысячелетий (до XI в.) на территории проживания белорусов господствовал обряд трупосожжения, поэтому антропология не располагает какими-либо надежными материалами для решения рассматриваемой проблемы.

В 60–70-х годах XX в., когда для освещения этногенеза белорусов мною впервые были привлечены археологические материалы (Седов, 1963, с. 27–31; 1966, с. 301–309), положение о влиянии балтского субстрата на формирование этого этноса в Белоруссии оказалось нежелательным. Научная конференция по этногенезу белорусов, в которой предполагалось участие ученых Москвы, Ленинграда, Минска, Вильнюса и Киева, была запрещена (Этногенез..., 1973). И позднее публиковались работы, в которых данные археологии и топонимики игнорировались, становление белорусского этноса обуславливалось сближением населения западной части Руси в результате развития торговых связей и роста товарно-денежных отношений в границах Великого княжества Литовского (Гринблат, 1968; Бондарчик, 1976, с. 63–69; Пилипенко, 1981, с. 59–64; Этнагафія, 1985, с. 43–119). В том же контексте В. К. Бондарчиком изложена проблема зарождения белорусов в последней монографии, посвященной этому этносу, в которой достижения современной археологии не принимаются во внимание (Белорусы, 1998, с. 60–64).

Не выдерживает критики и новая гипотеза М. Ф. Пилипенко (Піліпенка, 1994), согласно которой предками белорусов были не кривичи, дреговичи и радимичи, расселившиеся на древней балтской территории, а отличные от них этнографически гипотетические «белорусцы», заселявшие двинско-днепровский регион, и «полищуки», жившие на Припяти. Весьма неконкретно изложена этногенетическая история белорусов А. Рогалевым. Он полагает, что зарождение этнических и языковых черт белорусов обусловлено политическими и экономическими факторами – вхождением части древнерусского населения в состав Литовского государства, но и не исключает, что предками белорусов были балты, и даже финно-угры и иранцы (Рогалев, 1994).

Для археологов положение об участии балтского компонента в формировании белорусской этноязыковой общности представляется несомненным. Не считается с археологическими материалами уже нельзя. Впереди – детальная разработка обстоятельств славяно-балтского взаимодействия по данным археологии (Мядзведзеў, 1998, с. 10–15).

ЛИТЕРАТУРА

- Акты..., 1846–1853. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I–V. СПб.
Белорусы, 1998. М. Серия «Народы и культуры».
Бондарчик В.К., 1976. До проблеми этногенезу беларусів і критика теорії «балтского субстрату» // Народна творчість та етнографія. Київ. № 1.
Гринблат М.Я., 1968. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории. Минск.
Дурново Н.Н., 1924. Введение в историю русского языка. М.; Л.
Калайдович К.Ф., 1822. О белорусском наречии // Труды Общества любителей русской словесности при Московском университете. Ч. I. Кн. 1.
Канстанцінаў Ф., 1946. Аб паходжанні беларускага народа. Мінск.
Карский Е.Ф., 1903–1922. Белорусы. Т. I–III. Варшава.
Ключевский В.О., 1956. Сочинение в восьми томах. Т. 1. М.
Ластовскі В.Ю., 1910. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня.
Мядзведзеў А., 1998. Да пытання аб паходжанні беларусаў (па дадзеных археалогіі і мовазнаўства) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. Мінск.
Опыт..., 1915. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии. Составили Н.Н.Дурново, М.Н.Соколов и Д.Н.Ушаков. М.
Піліпенка М.Ф., 1994. Узнікненне Беларусі. Навая канцепцыя. Мінск.
Пичета В.И., 1946. Образование белорусского народа // ВИ, № 5–6.
Пичета В.И., 1961. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М.
Пьянкоў А.П., 1948. Паходжанне беларускага народа. Мінск.
Расторгуев П.А., 1918–1920. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии // Курс белорусского языка. М.
Рогалев А., 1994. Белая Русь и белорусы (в поисках истоков). Гомель.
Седов В.В., 1963. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М.
Седов В.В., 1966. О происхождении белорусов // Древности Белоруссии. Минск.
Седов В.В., 1967. К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) // СЭ, № 2.
Седов В.В., 1969. Еще раз о происхождении белорусов // СЭ, № 1.
Седов В.В., 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
Седов В.В., 1980. Балты и славяне в древности (по данным археологии) // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.
Седов В.В., 1999. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.
Соболевский А.И., 1911. Где жила Литва? // Известия АН, серия VI. СПб.
Топоров В.Н., Трубачев О.Н., 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
Турчинович О., 1857. Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб.
Шахматов А.А., 1899. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП, № IV. СПб.
Шахматов А.А., 1916. Введение в курс истории русского языка: Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг.
Шейн П.В., 1887–1902. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. I. СПб., 1887; Т. II. 1892; Т. III. 1902.
Этнаграфія..., 1985. Этнаграфія беларусаў. Гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя. Мінск.
Этногенез... 1973. Этногенез белорусов. Тезисы докладов на конференции по проблеме «Этногенез белорусов» 3–6 декабря 1973 г. Минск.
Buga K., 1924. Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung // Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924. Buga K. Rinktiniai raštai. T. 3. Vilnius, 1961, psl.
Sedov V., 1992. Balti senatne. Riga.
Vasmer M., 1932. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas: 1. Die Ostgrenze der baltischen Stämme // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.
Vasmer M., 1941. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung // Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Heft 5. Berlin.

А. А. Юшко

ЭТАПЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОСВОЕНИЯ СЛАВЯНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Московская земля – особый регион, поскольку в определенный период своего развития он превращается в центр русской государственности. Поэтому особенно важно проследить те особенности его освоения, которые прослеживаются в предшествующий период. Письменные источники здесь помогают мало, поэтому опираться приходится на данные археологии.

Долгое время одной из нерешенных проблем археологии Москворечья являлась хронологическая лакуна в 3–4 столетия, образуемая периодом между окончанием жизни на дьяковских городищах (VII в.) и появлением первых славянских поселений (XI в.). Исторически это обстоятельство объяснению не поддается. Плотность населения эпохи позднего железа была в бассейне Москворечья достаточно высокой, как и в славянское время.

Решение этой проблемы могло двигаться в двух направлениях: либо следует пересмотреть датировки дьяковских поселений, либо искать в Подмосковье славянские памятники старше XI в. И по обоим этим направлениям в последние два десятилетия наметился позитивный сдвиг.

В 1982 г. вышла работа И. Г. Розенфельдт, в которой произведен тщательный анализ и датировки вещей, встречаемых на дьяковских городищах (Розенфельдт, 1982). В результате этого анализа исследовательница пришла к заключению о том, что «жизнь на дьяковских поселениях не завершается в V–VII вв., а продолжается вплоть до X – начала XI в.» (Розенфельдт, 1982, с. 176). К сожалению, выводы автора основаны на датировках отдельных категорий вещей, а не памятников в целом, а ведь поздние вещи могли попадать на поселения дьяковцев и в более позднее время.

Поэтому нам представляется, что более прав К. А. Смирнов, который датирует заключительный этап дьяковской культуры временем от конца VI – начала VII в. до начала IX в. (Смирнов, 1994, с. 95).

Что касается ранних поселений славян (IX–XI вв.) на территории Подмосковья, то к настоящему времени их зафиксировано уже около двух десятков (рис. 1). Основная их часть размещается по течению р. Москвы, что свидетельствует о путях продвижения славян в Московский регион. Освоенной оказывается и такая внутренняя река региона, как Пахра и частично Истра и Клязьма.

В настоящее время количество таких ранних поселений славян в Подмосковье увеличивается почти с каждым годом, так что постепенно начинает заполняться та хронологическая лакуна, о которой речь шла выше. Однако следует отметить, что плотность славянского населения в этот ранний период, видимо, была невысокой, поскольку это время – период первичной инфильтрации славян в изучаемый регион. Преобладающим типом заселения для этих ранних поселений являлся приречный, реже – мысовой.

Оседали славянское население также и на небольших площадках дьяковских городищ, зачастую перестраивая их систему обороны (Тушков,

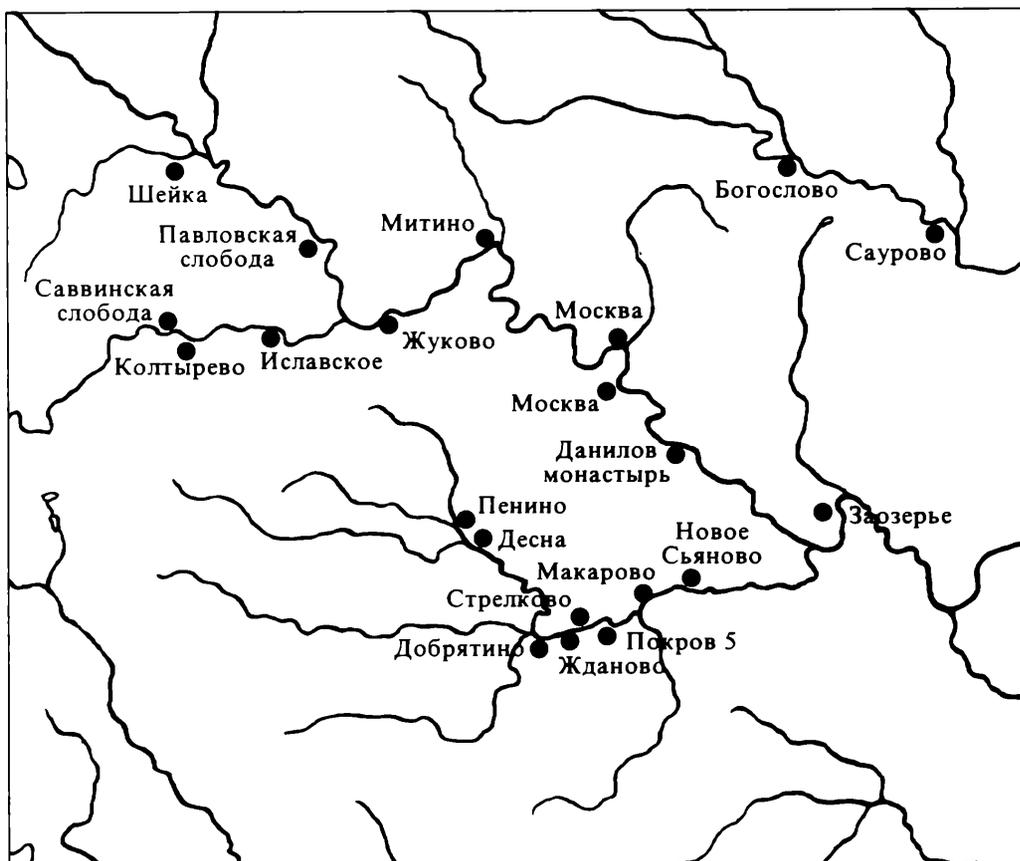

Рис. 1. Славянские памятники IX–XI вв. на территории Подмосковья.

Луковня, частично Москва). Основная часть городищ, имеющих слои XI в., также размещается по р. Москве (Тушков, Старая Руза, «Связист», Успенское, Москва, Дьяково, Боровский курган).

Результаты исследований ранних сельских поселений в Подмосковье приведены в специальной статье (Юшко, 1998, с. 323–338). Наиболее полные раскопки были проведены на Жуковском селище (Векслер, 1965) и на селище Покров 5. Жуковское селище – сложный многослойный памятник, не сохранивший остатков жилых сооружений. В прибрежной части поселения в нижних горизонтах выявлена нехарактерная для Подмосковья лепная слабопрофилированная керамика.

Селище Покров 5, расположенное на правом берегу р. Пахры, относится так же, как и Жуковское, к типу мысовых. А. К. Станюковичем раскопано 33 кв. м (Станюкович, 1977), А. А. Юшко – 175 кв. м. Раскопки велись в прибрежной части поселения. Выявлены остатки жилых сооружений, представляющих собой западины преимущественно подпрямоугольной формы глубиной 0,1–0,25 м. В одном из жилых сооружений прослежены остатки нишеобразной глиняной печи и следы глиняной обмазки пола. Видимо, это были наземные срубы слегка заглубленные в материк.

Особенно показательна керамика селища Покров 5. Абсолютно преобладают сосуды лепных форм. В уровне зачистки поверхности материка они составляют 94%. Это толстостенная, грубая с шершаво-бугристой поверхностью из-за примесей дресвы и кварцитов керамика, имеющая слабо профилированные венчики (рис. 2). Аналогичная посуда встречена на Новотроицком городище, в слоях Авдеевского селища на р. Сейм (раскопки

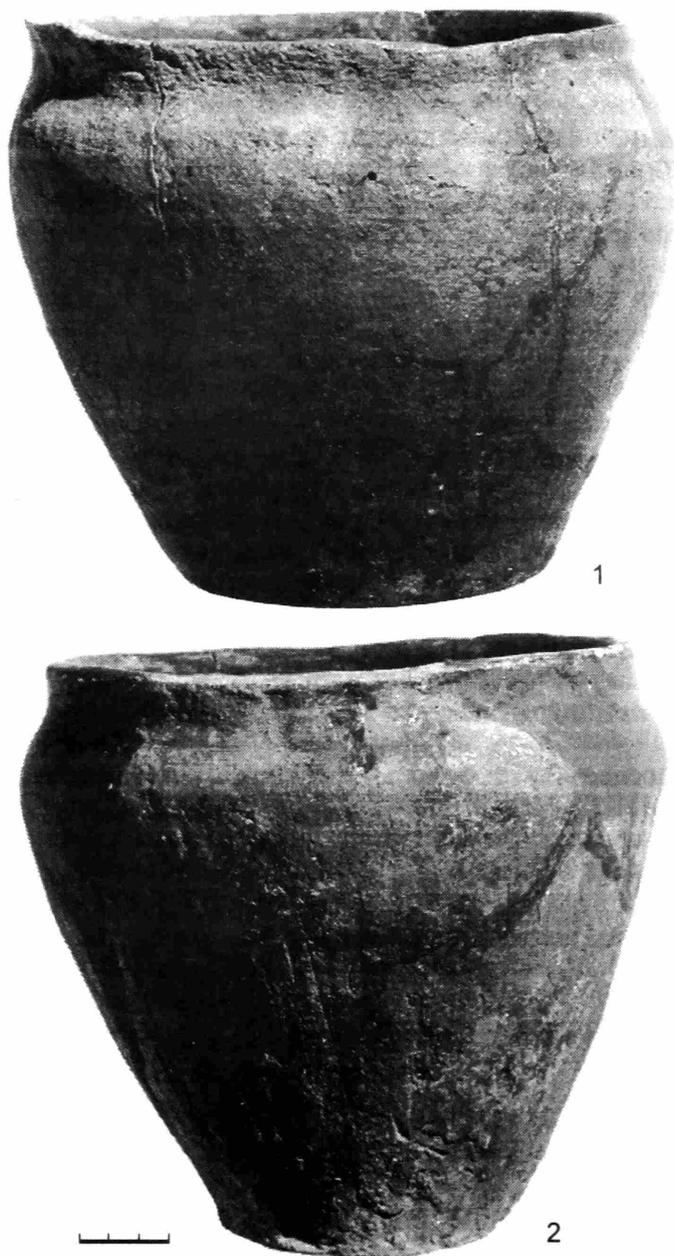

Рис. 2. Селище Покров 5. Сосуды из сооружения 4.

А. Е. Алиховой), роменский слой которого датируется IX–X вв. (Алихова, 1963). В этой связи думается, что за нижнюю дату селища Покров 5 следует признать IX в. и отнести его к памятникам роменской культуры, отстоящим далеко на восток от основного региона этой культуры.

В конце 90-х годов большие разведочные и раскопочные работы на предмет изучения ранних славянских памятников в среднем течении р. Пахры были проведены экспедицией ГИМ (Гоняный, 1999, с. 128–146). В результате этих работ выяснилось, что здесь располагался целый куст раннеславянских поселений (Добрятино, Жданово, Стрелково, Новое Съяново, Макарово – рис. 1). М. И. Гоняный объясняет это обстоятельство причинами природного свойства: этот участок течения Пахры изобилует широ-

кими плодородными пойменными долинами, удобными для земледелия. Одно из таких поселений (Жданово 1) было в значительной степени исследовано. Выявлены остатки жилой, как считает М. И. Гоняный, двухкамерной постройки, от которой, как и на селище Покров 5, сохранилась лишь неправильной формы западина в материке. Прослежены остатки печи, сложенной, видимо, из камней на глиняном растворе. В жилище прослежены остатки меднолитейного производства (медный шлак, льячка, весы). В целом, исследователь датирует поселение серединой – второй половиной XI в.

Уже в конце этого раннего периода освоения Московской земли намечаются сгустки памятников, центрами которых являлись крупные поселения (Заозерье – 30 тыс. кв. м, Десна – 30 тыс. кв. м), являвшиеся, очевидно, центрами сельских территориальных общин, из которых происходило освоение близлежащей территории (Юшко, 1991, с. 32–34). Существовала такая община, видимо, и на средней Пахре.

Следующий, второй этап освоения территории Московской земли (конец XI – XIII в.) знаменуется массовым притоком сюда славянского населения. Плотность его настолько велика, что нет возможности опубликовать археологическую карту Подмосковья этого периода из-за сильной ее перегрузки. Наиболее плотно заселенными оказывается течение рек Москвы (до 30 памятников на 100 кв. км), Пахры (до 20 памятников на 100 кв. км) и некоторые другие участки.

Наиболее многочисленным типом сельских поселений этой поры является приречный тип (более 56%), когда селище вытянуто полосой вдоль реки. Однако поселения этого типа располагаются в основном на внутренних реках региона – Пахре, Воре, Северке, в то время как более защищенные поселения мысового типа размещались по течению таких транзитных рек, как Москва, Клязьма (Юшко, 1991, с. 25–29).

Наиболее распространенным типом застройки (около 65%) являлся прибрежно-рядовой, когда селище вытянуто одной, либо двумя полосами вдоль реки.

Так или иначе, подавляющая часть селений домонгольской поры размещалась по берегам рек, служивших главными транспортными артериями, по которым шли основные миграционные и колонизационные потоки славянского населения.

Размеры селищ варьируют очень значительно – от 200 кв. м до 72 тыс. кв. м, однако преобладают поселения небольших размеров площадью до 18 тыс. кв. м.

Принцип освоения славянами бассейна Москворечья в этот период оставался, видимо, тот же, что и для первого периода: сначала происходило сложение территорий сельских общин с крупными поселениями и могильниками в центре, а затем происходило освоение окрестных земель. Всего для этого периода удается пока наметить около 20 таких гнезд поселений, площадь которых составляла 20–30 кв. км (Юшко, 1991, с. 46). Следует, однако, отметить, что выделение этих древних общинных земель следовало бы делать на основе сплошных археологических обследований, но таковых участков в Москворечье крайне мало.

Что касается материальной культуры поселений этого периода, то нужно сказать, что из 127 селищ этой поры частичным раскопкам было подвергнуто всего шесть. Приемы домостроительства удалось проследить лишь на одном памятнике – селище Серафимо-Знаменский скит (Юшко, 1976, с. 73).

Как и в первый период, жилыми постройками являлись, видимо, деревянные срубы, от которых сохранились лишь неглубокие западины в материк неправильной формы с остатками печей. Одновременно с глинобит-

ными печами, характерными для предшествующего времени (селище Покров 5), появляются печи-каменки также типа нишеобразных.

Ввиду слабой изученности сельских поселений этой поры основным информативным материалом о них являются вещевые комплексы. Анализ их приводит к заключению о том, что отдельные селища (Жуковское, Серафимо-Знаменский скит) выделяются некоторыми особенностями. Так, на Жуковском селище были выявлены остатки деревянных оборонительных конструкций, не свойственных обычно открытым сельским поселениям. На нем также прослежены следы разнообразных ремесел: железоделательного, кузнечного, ювелирного, а также сделаны находки цилиндрических замков, что также не характерно для рядовых селищ. Сочетание этих особенностей позволяет рассматривать этот памятник как феодальную усадьбу.

Видимо, к этому типу поселений относится и селище Серафимо-Знаменский скит. Его отличает наличие стеклянных браслетов, являвшихся, как отмечалось В. В. Седовым (Седов, 1960, с. 123) одним из признаков феодальной усадьбы. Выделяет это поселение и значительное количество предметов вооружения, в том числе фрагментов пластинчатой брони.

Из числа раскопанных сельских поселений выделяется селище Десна (Станюкович, 1977). Его отличает наличие следов ювелирного и кузнечного ремесел, а также находки большого числа предметов вооружения, таких как боевой топор, две сулицы – оружия, для сельских поселений не характерного. Видимо, этот памятник можно рассматривать как центр сельской территориальной общины, одной из основных функций которого была организация обороны от внешнего врага (Щапов, 1975, с. 13–21).

Связь этого поселения с местной общинной средой подчеркивает большое число фрагментов семилопастных височных колец (30 экземпляров или 10% общего числа находок).

Остальные раскопанные сельские поселения (Одинцово, Писково, Сходня 1) невелики по размерам и являлись, видимо, рядовыми общинными поселками.

Таким образом, несмотря на некоторую гипотетичность выделения различных типов сельских поселений домонгольской поры, проистекающую из малой степени их изученности, очевидно, что в этот период уже прослеживается некоторое расслоение в среде сельской общины и зарождение процессов феодализации.

Важным индикатором сложения государственности и становления феодальных отношений является образование городов. Как справедливо писал в свое время Б. Д. Греков, если города появились среди какого-то племени, то это значит, что племенной строй «либо совсем рухнул, либо находился в состоянии разрушения» (Греков, 1953, с. 104).

Первые сведения о городах Московской земли относятся по летописным источникам к 30–40-м гг. XII в. Это Волоколамск (1135 г.) (Московский летописный свод, 1949, с. 32), Москва (1147) (Ипатьевская летопись, 1962, с. 29). Всего на протяжении XII–XIII вв. летописи содержат упоминания о восьми городах на территории Московской земли – Волоколамске, Дмитрове, Коломне, Лобынске, Лопастне, Москве, Сверилеске, Можайске (Юшко, 1991, с. 85). Как правило, все эти упоминания связаны с военными действиями, либо междоусобными столкновениями князей, что свидетельствует об установлении границ княжеств на этой территории. И, действительно, бассейн р. Москвы оказался в этот период поделенным между такими крупными княжествами, как Смоленское, Ростово-Суздальское, Рязанское и Черниговское (Юшко, 1991, с. 108, 109), и города этого региона следует признать в качестве окраинных крепостей, поставленных князьями этих соседствующих княжеств, отнеся их согласно типологии, предложенной в свое время В. Т. Пашуто, к категории частновладельческих

(княжеских) городов (Пашуто, 1966, с. 93–98). Подавляющее их число возникает вне сгустков поселений домонгольского времени, что также подтверждает привнесенный характер их происхождения.

Печальной вехой в истории Московской земли являются завоевательные походы монголо-татарских полчищ. Первый поход хана Бату (1237, 1238 гг.) на Владимир шел через Коломну на Москву, далее Яузой на р.Клязьму. Как показали наши подсчеты по сельским поселениям домонгольского времени, расположенным на пути Батыевой рати, практически все они прекращают свое существование после этого похода (Юшко, 1991, с.22). В результате второго похода 1293 г. пали такие московские города, как Москва, Коломна, Можайск, Волок (Московский летописный свод, 1949, с.157). К сожалению, летопись умалчивает о путях движения войск, приведен лишь перечень захваченных городов.

Третий период истории заселения территории Московской земли приходится на XIV в. Это особый период в жизни региона. Москва становится столицей великого княжения (1328 г.). Происходит формирование границ Московского княжества (около 1336 г.), которые на протяжении этого столетия значительно расширяются. В градостроительной деятельности этого периода, в отличие от предшествующего, чувствуется твердая рука московских великих князей. Возникающие в этот период города четко фиксируют рубежи Московского княжества: Оболенск, Лужа, Боровск, Верея – на западе, Вышгород на Яхроме, Радонеж – на севере. Москва становится центром митрополии и общерусского летописания. В конце столетия налаживается чеканка собственной монеты. Возрождается каменное строительство (Москва, Коломна, Серпухов). Московские великие князья всячески поддерживали переселенческую политику. На «Москву» из других княжений ехали целыми большими родами, иногда с прислугой и домочадцами (род Ивана Квашни). Переселенцы на Московской земле в обмен за ратную службу получали значительные земельные наделы, которые вскоре становились основой крупного феодального землевладения. Археологические обследования десятков центров такого землевладения показывают, что в подавляющем числе случаев это были новообразования XIV в., которые не имели слоев домонгольского времени. Иными словами, сложение крупного боярского и великокняжеского землевладения, приходящееся на изучаемом регионе на XIV в., происходило на вновь освоенных землях.

К сожалению, поселения XIV в. мало пользуются вниманием археологов, а районов, сплошь обследованных в Подмосковье крайне мало. В силу этих обстоятельств археологическая карта этого периода не дает полной картины. Однако там, где такие обследования были проведены (бассейн р. Вори – С. З. Чернов) выясняется, что плотность памятников XIV в. значительно выше, чем в домонгольский период.

Структура размещения сельских поселений XIV в. мало отличается от предшествующего времени с той лишь разницей, что в домонгольский период мелкие поселения группировались вокруг крупных общинных центров, а в XIV в. – вокруг крупных феодальных сел.

Показательно, что для XIV в. резко возрастает число селений с уличной застройкой (до 30%) за счет сокращения селищ с прибрежно-рядовой застройкой. Причиной этого является возрастание роли сухопутных дорог в сравнении с речными, поскольку уличная застройка предполагает расположение жилых построек, вытянутых полосой перпендикулярно к реке. Это бывало, как правило, в тех случаях, когда реку пересекала сухопутная дорога.

Раскопки городских центров этого времени, а они исследованы более полно, чем сельские поселения, позволяют проследить остатки усадебной застройки (Москва, Звенигород), а также следы сооружения мостовых и дренажных сооружений (Москва) (Рабинович, 1971, с. 98).

С пребыванием в городах представителей княжеских семей, а также феодальной верхушки связаны находки печатей (Москва) (Рабинович, 1967, с. 8), золотых украшений (Тушков) (Рабинович, 1957), богатой поливной золотоордынской керамики (Коломна).

Города этого периода являлись средоточием ремесленного производства. Наиболее часто встречаемые мастерские – металлургические (Звенигород, Москва, Руза) и гончарные (Москва, Руза, Перемышль, Радонеж).

Выделенные таким образом этапы заселения Московского региона на протяжении пяти веков (IX–XIV вв.) свидетельствуют об интенсивном, порой скачкообразном освоении бассейна Москворечья славянским населением. Выделение этапов этого освоения сделано с помощью археологических данных. Изучение дальнейшего расселения древнерусского населения (с XV в.), связанного с процессами феодализации, должно происходить с использованием письменных источников и такие работы по отдельным районам стали появляться (Ивина, 1979; Кузнецов, 1993). Археологические данные здесь помогают мало.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е., 1963. Авдеевское селище и могильник // МИА. № 108.
- Векслер А.Г., 1965. Отчет об археологических раскопках Жуковского селища в Одинцовском районе Московской области в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3088.
- Гоняный М.И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник. М.
- Греков Б.Д., 1953. Киевская Русь. М.
- Ивина Л.И., 1979. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л.
- Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. М., 1962.
- Кузнецов В.И., 1993. Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда). М.
- Московский летописный свод. ПСРЛ. Т. XXV. М.: Л., 1949.
- Пашуто В.Т., 1966. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. М.
- Рабинович М.Г., 1957. Золотое украшение из Тушкова городка // КСИИМК. Вып. 68.
- Рабинович М.Г., 1967. О возрасте и первоначальной территории Москвы // Новое о прошлом нашей страны. М.
- Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. МИА. № 167.
- Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92.
- Смирнов К.А., 1994. Проблемы периодизации памятников городецкой и дьяковской культуры // РА. № 4.
- Станюкович А.К., 1977. Отчет о комплексных исследованиях археологических памятников в Ленинском и Луховицком районах Московской области, г. Москве и Анапском районе Краснодарского края в 1977 г. // Архив ИА. Р-1, № 6801.
- Щапов Я.Н., 1975. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М.
- Юшко А.А., 1976. Историческая география Московской земли (из предистории с. Битяговского) // КСИА. Вып. 146.
- Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.
- Юшко А.А., 1998. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология. Традиции и современность. М.

Н. В. Жилина

РУССКОЕ И ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО
ФИЛИГРАНИ¹

Необходимость выявления хронологических этапов в искусстве филигрании подчеркнула А. В. Банк. По ее мнению, необходимо выяснить, о чем свидетельствует сходство изделий по определенным признакам: о производстве ли в одной мастерской или их круге, или же о совпадении во времени. А. В. Банк предложена хронологическая расстановка основных памятников сканного искусства Византии с опорой на имеющиеся хронологические ориентиры и общую характеристику стиля (Банк, 1978, с. 159–165).

Русские сканные произведения рассмотрены в работе Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси». При этом уделено внимание вопросам их атрибуции и датировки, проанализировано влияние культуры Востока и Византии на русское ювелирное дело (Рыбаков, 1948, с. 330–342, 640–645). М. М. Постникова-Лосева, подробно рассмотрела русские произведения со сканью XIV–XVII вв. (Постникова-Лосева, 1974; 1981). В работах Т. В. Николаевой изучены сканные памятники Московской Руси (Николаева, 1976). Мы ставим цель определить стилистические этапы как византийской, так и русской скани, и сравнить их.²

Стилистический этап искусства скани, к которому принадлежит то или иное произведение, является важным показателем стадильности развития или относительной хронологии. Стиль сканного орнамента складывается из использования определенных орнаментальных элементов или мотивов в устоявшихся композициях. Сходство какого-либо мотива и его одинаковое использование в композиции скорее говорит о единовременности бытования, а не об изготовлении памятников в одном центре.

Давая характеристику византийской скани, исследователи не раз подчеркивали ее сухой геометрический характер. Часто в этом звучит отрицание свойственности каких-либо растительных элементов или композиций для византийской скани, и в то же время рождается представление о нехарактерности геометрического строя для русской скани. Исследованиями О. М. Дальтона и В. П. Даркевича хорошо показаны роль и объем в византийском орнаменте растительного компонента: виноградной лозы, как принципа организации и семантики орнамента; лотоса и аканта, как отдельных его мотивов и элементов (Dalton, 1925, р. 534–536, 685; Даркевич, 1975, с. 215–222).

По-видимому, дело не в некоей изначальной свойственности для Византии геометризма, а для Руси растительного орнамента, а в этапе разви-

¹Работа выполнена при финансовой поддержке Института Открытое Общество сети фондов Сороса, грант 686/1999.

²Выводы, изложенные в статье, стали одной из основ при выполнении двух плановых тем в Отделе славяно-русской археологии, законченных в 1998 и 2000 гг.: «Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование» и «Древнерусский скано-зерненный узор в XI–XIII вв.» Доклад по теме статьи был сделан на конференции в честь 50-летия выхода в свет книги Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», организованной на кафедре археологии МГУ в 1998 г.

тия сканного орнамента. Мастер может укладывать сканные орнаменты, исходя из принципа заполнить пространство, как удастся, не следя за симметрией, равновеликостью, или правильным соотношением элементов. Сканщик может математически организовать то пространство, которое он украшает сканью, до абсолютной правильности. Геометризм является показателем развитости орнамента, его культуры. Правильная рассчитанность реалистичного вьющегося стебля, сообщающая орнаменту некоторую сухость, в основе своей тоже имеет геометризм.

Орнаментальная культура Византии опережала русскую практически во все периоды их параллельного существования и влияла на нее. Наблюдая византийские произведения, вышедшие из мастерских Афона, русские мастера в XV в. не могли подражать им по стилю, характеризующемуся высокой геометрической организацией, поскольку сами находились еще на предшествующей ступени. Если это подражание осуществлялось, произведения носили эклектичный характер. Однако в чуть более позднюю эпоху русские мастера создавали произведения высокой орнаментальной культуры и чистоты стиля. Постараемся подтвердить это представление с помощью составленных линий стилистического развития византийской и русской скани.

Византия. В V–VII в. византийские мастера филигранного дела используют самое простое, в буквальном смысле слова «элементарное» (т.е. поэлементное) нанесение орнамента: расположение простых элементов в ряд (бордюр), группировку в розетках по 4 и 6 элементов (рис. 1: 1–6). Используется ромбический контур, праобраз сетки (рис. 1: 7). Эти группировки идеально соответствуют внешнему контуру маленьких предметов, а именно: бляшек, звеньев цепочек, замочных бляшек, сережных подвесок и др. (рис. 1: 3–9). Основные элементы орнамента: кружки, простые завитки и петельки. Сердцевидные, петлевидные, волютообразные и s-видные фигуры, образованные попарным сложением завитков в разных вариантах, это уже чуть более сложные производные элементы.

В периоды X–XI в., XII в. и на рубеже XII–XIII в. господствовал принцип заполнения сканью того небольшого пространства, которое имеют некрупные украшения и предметы культа: колты, серьги и оправы образков и крестиков (рис. 1: 11–13). Используются несколько более сложные элементы: завиток усложняется до маленькой спирали в один полтора оборота, крупные полукруглые завитки заполняются мелкими простыми завитками, или фигурами, возникшими от их попарного соединения (рис. 1: 14–16) (Byzance, №77, 83; Splendeur de Byzance, p. 202, 203, O: 21; Dumbarton Oaks Catalogues, pl. B: 6. XXXVI: 45; XXXVIII: 46, 47; The Walters Art Gallery, pl. LXVIII: 427; LX: 434; LXI: 435; LXII: 432; Ornamenta Ecclesiae, Bd. 3. N: 32, 37. P: 113, 114, 119, 120; Byzantine art, № 434; Кондаков, 1896, с. 196, 197, табл. XIV).

Бордюры постепенно отделяются по назначению от основного орнамента. Их задача разделять части украшения, и в этом – дальнейшее орнаментальное развитие. Многие византийские бордюры: восьмеркообразный, бегущая волна и др. устоялись в ювелирном деле и разошлись по другим землям. Яркий пример – золотой колт из собрания И. П. Балашова, он имеет как зоны мелких бордюров, так и пространство оправы, заполненное сканью свободно, контуры и размер каждого элемента орнамента теряются в общем впечатлении (рис. 1: 16) (Кондаков, 1896, табл. XIV). При этом, если имеется больший участок, укладывается крупный элемент, если меньший – то мелкий.

Бордюры из простых и плоскостных сканных элементов (чаще всего из s-видных завитков) могут обрамлять небольшие иконки и образки. Этот небогатый неброский декор не нарушает восприятия религиозных сюже-

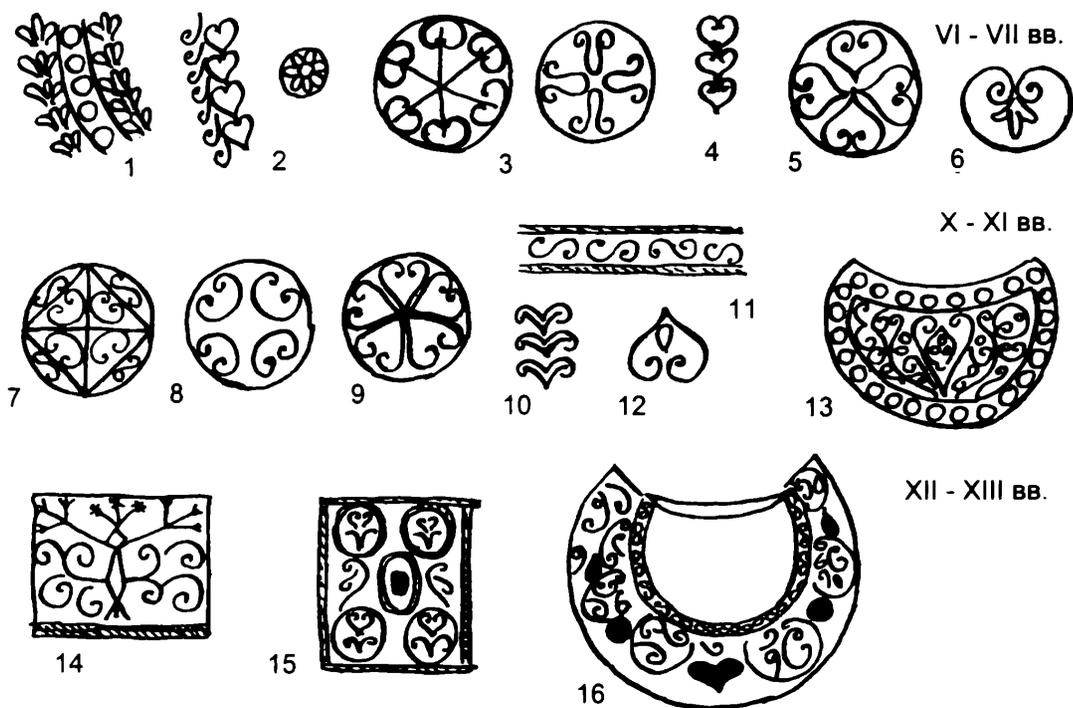

Рис. 1. Византийские филигранные орнаменты периодов V–VII и XII–XIII в.

1 – медальон V в.; 2 – ушная подвеска VII в. (Сирия); 3 – бляшки на концах цепочки-кольце VII в.; 4 – крест на цепочке VII в. (Константинополь или Сирия); 5 – бляшка VII в. (Константинополь или Сирия); 6 – браслет VII в. (Египет); 7–10 – бляшки цепочки V–VI в.; 11 – наушница X–XI в.; 12 – крест реликварий X–XI в.; 13 – серьга X–XI в. (Мистра); 14 – наконечник креста-реликвария начала XII в. (скань и гравировка); 15 – наконечник креста-реликвария конца XII в.; 16 – колт из собрания М. П. Балашова (вероятно, XII в.).

тов. Но в то же время такая скань, характеризуется иногда несколько примитивным характером выкладки орнамента.

Необходимость сочетать украшение сканью с драгоценными вставками иногда приводит к тому, что сами сканные элементы группируются в подражание вставкам в круги, а также сердцевидные фигуры и оформляются линейным контуром (рис. 1: 14).

Во второй половине XIII–XIV в. византийская линия развития филигранного искусства явственно показывает рождение вводных мотивов на базе группировок простых сканных элементов, известных по предыдущему периоду, но теперь – отделенных от общего фона линейным контуром. Эти вводные мотивы являются геометрическими и формируются до появления в сканном искусстве такого элемента, как большая многовитковая спираль.

Этот этап представлен афонскими памятниками (оклады икон с Христом и Богородицей из Ватопедского монастыря, мозаичная икона Святого Николая, напрестольный крест Протатского собора, оклад иконы Спаса Нерукотворного из Генуи и др. (Grabar, 1975, R: 32, 33, 35, 38). Среди вводных элементов присутствуют праобразы известных по более позднему этапу акцентированных розеток, сегнеровых колес и плетенок (рис. 2). Более ранние не контрастируют с остальным фоном, состоят из полукруглых петель. Геометричность вводных мотивов диктует и геометризм общего построения орнамента, доходящий до сетки (рис. 2: 1г). Этот лаконичный стиль скани наиболее соответствует роли фона и роли оклада иконы, креста, евангелия. Афонская скань XIII–XIV в. наиболее отвечала роли свя-

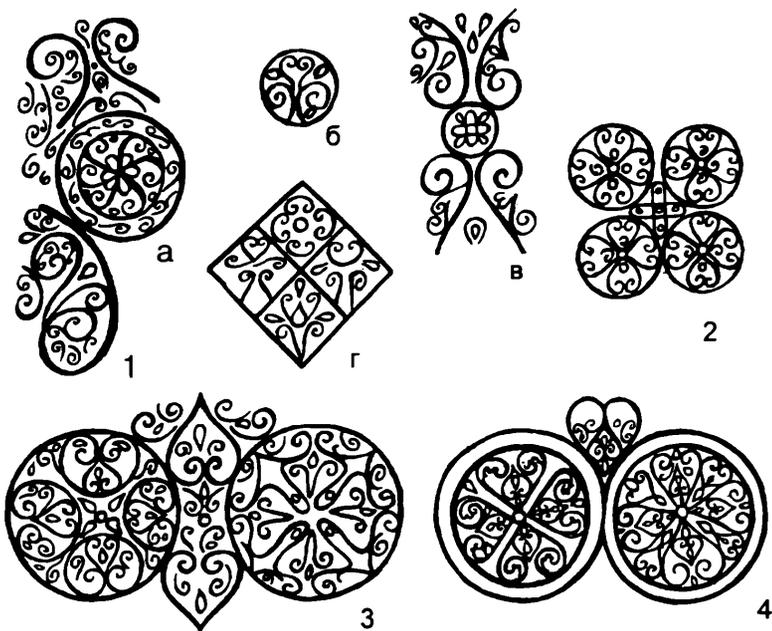

Рис. 2. Филигранные орнаменты византийских памятников XIII–XIV вв.

1 – оклады икон Христа и Богородицы из Ватопедского монастыря на Афоне (а – в – оклад иконы Христа; г – оклад иконы Богородицы); 2 – оклад иконы Иоанна Богослова из Лавры на Афоне; 3 – оклад иконы Спаса Нерукотворного из Генуи; 4 – оклад иконы Троицы из Афона.

щенного покрыва или завесы, создавая «драгоценный образ драгоценного», усиливавший благоговение перед святыней (Стерлигова, 1997, с. 27; 2000, с. 5).

В других видах прикладного искусства, связанных с художественной обработкой металла с конца XIII в. также наблюдается такое яркое и активно развивающееся явление, как орнаментальные клейма (Банк, 1978, с. 157–159). Порой оно трактуется только как появление чеканных резных дисков с плетением. Но, по видимому, его следует определить более широко, как применение в орнаменте выделенных, акцентируемых вводных мотивов правильной геометрической формы. Таким образом, мы наблюдаем процесс их зарождения в сканном искусстве Византии. Акцентированность вводных геометрических мотивов ярко видна на примере оклада иконы Троицы из Ватопедского монастыря на Афоне (рис. 2: 4). Византийская скань создала геометрические вводные мотивы и развила их до такой степени, что они почти заменили остальной сканный фон, как например, на Протатском кресте (Кондаков, 1902, с. 216, табл. XXIX).

Развитие сканного завитка в многовитковую спираль, заполненную маленькими простыми завитками предоставляет сканному искусству новые стилистические возможности. Промежутки между большими спиралями имеют криволинейный контур и позволяют ввести между ними орнаментальные элементы растительного характера. Используя большую спираль, византийское искусство не отказалось и от прежних принципов, диктуемых геометрическим построением.

По византийским произведениям палеологовского времени, преимущественно XIV–XV вв. мы можем наблюдать взаимодействие двух стилей: прежнего геометрического и связанного с многовитковой сканной спиралью – растительного. Произведения демонстрируют варианты этого взаимодействия (рис. 3).

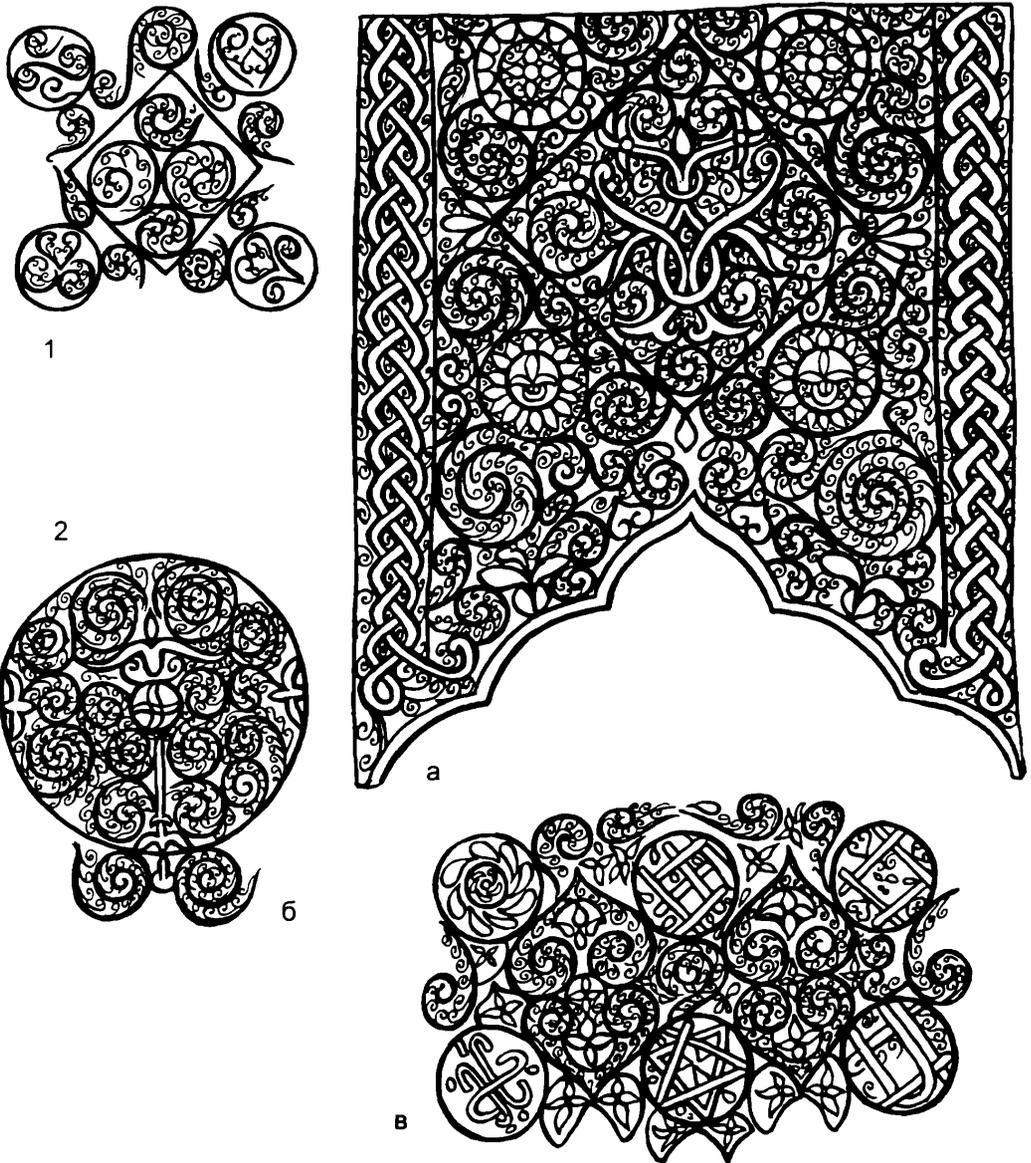

Рис. 3. Филигранные орнаменты византийских памятников XIV–XV в.

1 – оклад иконы Благовещения из Ватопедского монастыря на Афоне; 2 – пластины оклада иконы Владимирской Богоматери.

1. Большая спираль вводится в композицию с геометрическими вводными мотивами и обрамляется линейным контуром (т.е. исходя из прежних стилистических принципов). На окладе иконы Благовещения группировки из большой спирали окружены ромбической рамкой. Можно датировать эту стадию, исходя из того, что она позже мозаичной иконы Св. Николая, где использован тот же принцип рамочной организации, но для более простых элементов. По-видимому, это начало XIV в., а, возможно, и рубеж столетий (рис. 3: 1) (Grabar, 1975, p. 70–72, fig. 105–108; Филатов, 1969, с. 226–232).

2. Внутри рамочных раппортов большой спирали «вырастают» развитые растительные мотивы. Раппорт из больших спиралей воспринимается как центральный клеймообразный мотив, прежние геометрические ввод-

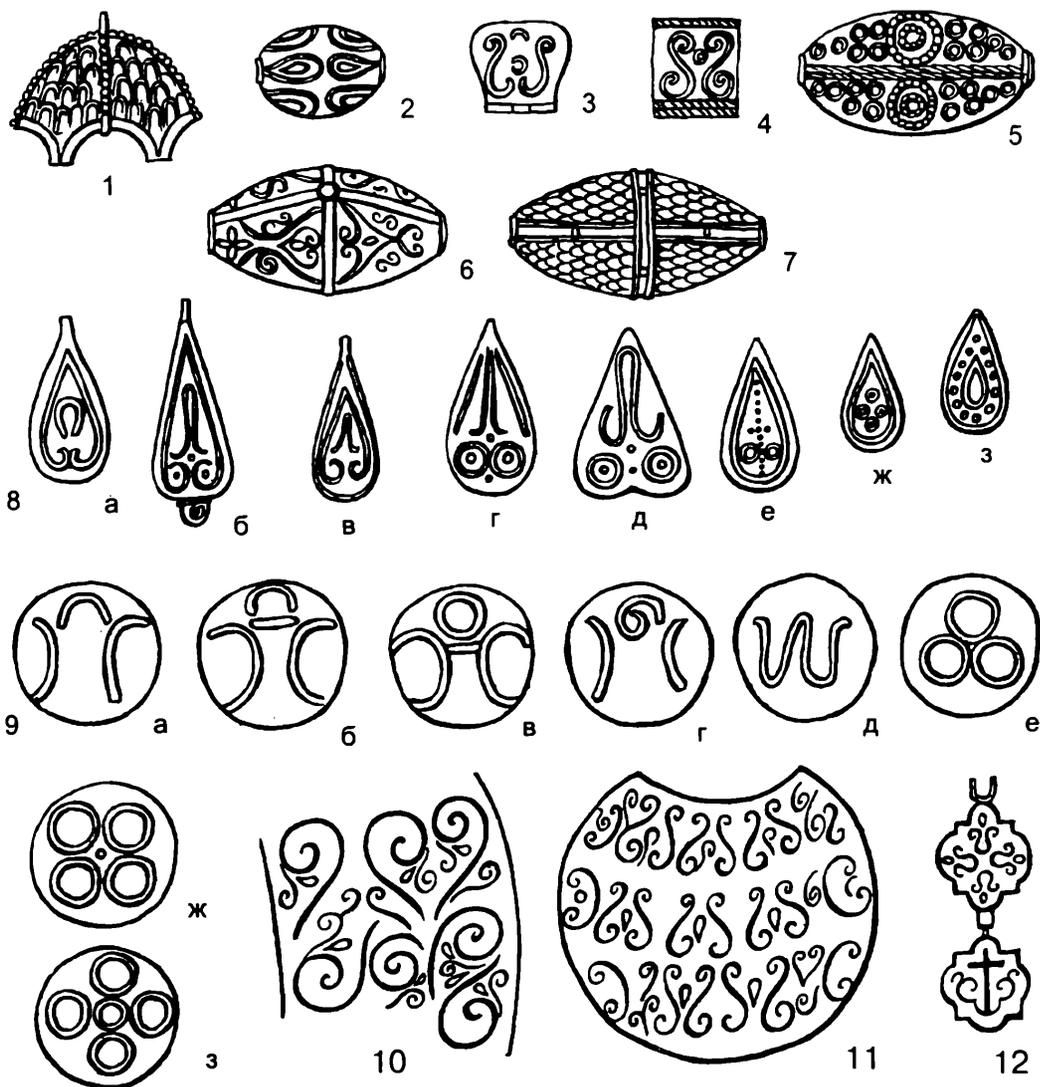

Рис. 4. Сканные орнаменты украшений из древнерусских кладов.

1 – подвески-«сионцы»; 2 – бусы (Старая Рязань, клад 1822 г.); 3 – ушко подвески-«сионца» (Киев, клад 1887 г.); 4 – наконечник креста (собрание М. П. Боткина в Гос. Русском музее); 5 – бусы (Киев, клад 1986 г.); 6, 7 – бусы (Старая Рязань, клад 1822 г.); 8 – концевые бляшки колоколовидных рясен (а, в – Новгород; б, з – Старая Рязань; г, д – Кресты Тульской обл.; е – Смела; ж – Ярополч Залесский); 9 – рисунок ростка на оборотной стороне колтов и его схематизация (а, б – Тверь; в, г, з – Старая Рязань; д – ж – Москва); 10 – оправа колтов с Борисом и Глебом из Старой Рязани (клад 1822 г.); 11 – оборотная сторона колта из Старой Рязани (клад 1992 г.); 12 – бляшки рясен-цепей из Старой Рязани (клад 1868 г.).

ные мотивы продолжают использоваться в одном геометрическом порядке с раппортом из больших спиралей. Бордюры сохраняются, однако новый более свободный фон из больших спиралей позволяет бордюрам несколько потерять свою отделенность от остального фона и частично войти в него (рис. 3: 2а).

3. Рамочный принцип раппортизации продолжает существовать, однако клеймообразные вводные мотивы имеют гораздо меньшее значение по сравнению с развивающимися из промежутков растительными вводными мотивами (рис. 3: 2б).

4. Четкая раппортизация и фона и вводных мотивов произведена традиционно с использованием сердцевидной фигуры. Продолжается приме-

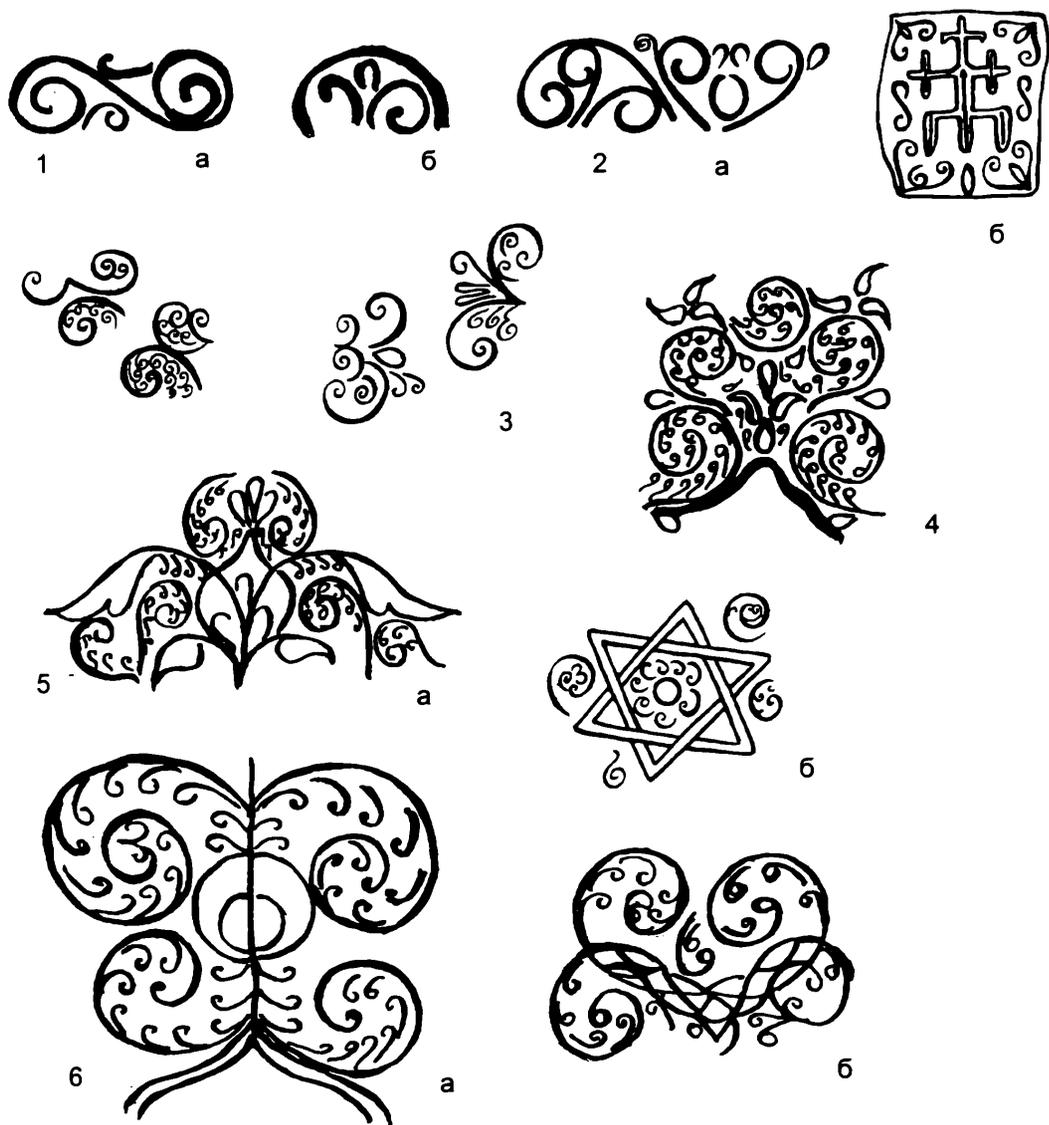

Рис. 5. Орнаменты русской скани XIV – начала XV в.

1 – потир Моисея (а – орнамент чаши, б – орнамент поддона); 2 – оправы иконы XIV в. «Никола, Козьма и Дамиан» (а – орнамент оправы, б – орнамент оглавия); 3 – ковчег Дионисия; 4 – оклад Евангелия Федора Кошки; 5 – оклад Евангелия Успенского собора; 6 – оклад Евангелия Троице-Сергиева монастыря первой трети XV в. из Российской государственной библиотеки.

нение мелких вводных мотивов растительного характера. Расположение кабошонных вводных мотивов осуществлено по новому принципу: в промежутках между раппортами из больших спиралей. (рис. 3: 2в).

Русь. На ювелирных произведениях со сканью элитарного характера домонгольского времени применяются орнаментальные принципы и стиль, характерные для Византии. Мы имеем в виду украшения из старорязанских кладов 1822, 1868 и 1992 гг., киевского клада 1887 г., а также – отдельные другие произведения из кладов или случайные находки. Это вещи, изготовленные явно под влиянием византийского искусства, может быть, в ряде случаев, византийскими мастерами (рис. 4).

Используются те же простые элементы и их производные от попарного сложения (сердцевидные, петельные и т.д.), также господствует простой

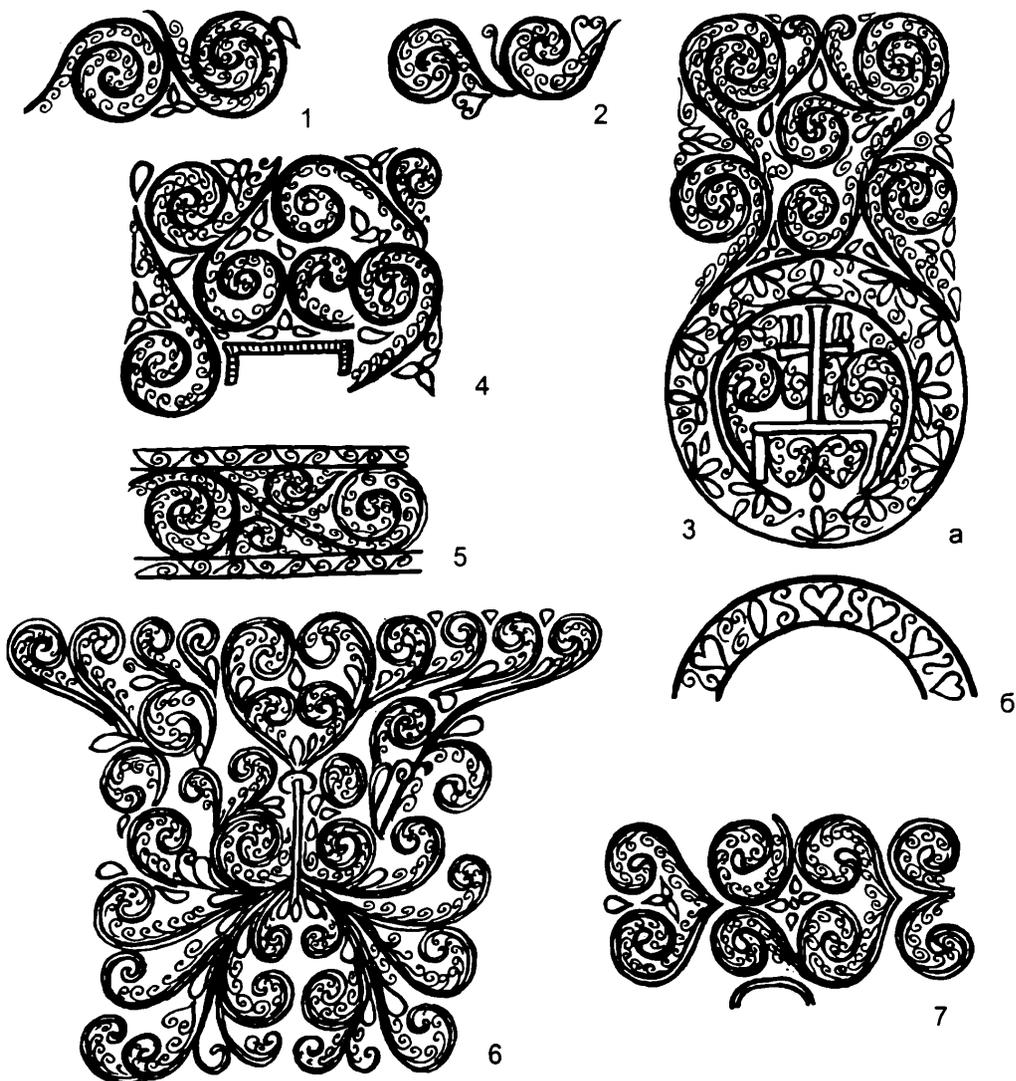

Рис. 6. Орнаменты русской скани середины – второй половины XV в.

1 – потир Ивана Фомина 1449 г.; 2 – панагия середины XV в. из Серпуховского Владычного монастыря.; 3 – триптих Амвросия из Троице-Сергиева монастыря, 1456 г. (а – фрагмент левой створки, б – бордюр вводного мотива правой створки); 4 – ковчег-мошевик Вассиана Рыло 1463 г.; 5 – накладной венец московской работы; 6 – Оклад Симоновского Евангелия 1498–1499 г.; 7 – Христофорово Евангелие из Кирилло-Белозерского монастыря середины XV в.

принцип заполнения поверхности. Простая оправа небольшой иконы Бориса и Глеба XIII в. орнаментирована s-видными завитками. На колтах с изображением князей-мучеников из старорязанского клада 1822 г. сердце-видные фигуры уже заполнены более мелкими завитками, так что вся фигура воспринимается как развернутый крин (рис. 4: 10; 5: 1).

Аналогично искусству Византии, древнерусское ювелирное дело использует сначала строгий стиль (рис. 4: 1, 2, 7, 8), а затем – «пышный», характеризующийся более сложными многовитковыми завитками и крупными элементами (рис. 4: 6, 10). На Руси представлен и объемный, или ярусный этап этого стиля. Прежде всего, это нагрудные медальоны из старорязанского клада 1822 г. в необыкновенно крупных и пышных оправках. В этом же кладе имеется небольшой образок с Распятием, также характеризующийся пышной сканью (рис. 5: 2). Пышная спиральная скань укра-

шает накладную венец-корону к иконе Боголюбской Богоматери XIII в. Многоярусная скань создает объемный ковровый декор, который с эстетической точки зрения следует считать одной из вершин искусства филигрании (Жилина, 1998).

На русских серебряных украшениях – звездчатых колтах, височных подвесках к женскому головному убору, пронизанному еще языческой символикой, имеется рисуночное изображение кривизны из скани на сплошном фоне из накладных колечек на обороте украшения. Не это ли древнейший и самостоятельный в древнерусском искусстве растительный вводный мотив? Такое изображение характерно для колтов начала эволюционного ряда, т.е. для первой половины XII в. На завершающих этапах оно орнаментализируется до нескольких окружностей, вписанных в круг. Таким образом, низовая линия серебряной филигрании и более самостоятельна (рис. 4: 9).

На первых из известных нам русских произведениях со сканью XIV–XV вв. скань остается в целом нерегулярной, однако стремится к созданию раппорта растительного характера (рис. 5).

1. Скань Потира Моисея (1329 г.) это уплощенная скань «рязанских барм». Из многоярусной возникает плоская многовитковая спираль (рис. 5: 1а). На поддоне потира – орнамент другой, знакомый по русско-византийскому искусству XII в., состоящий из заполненных крупных завитков (рис. 5: 1б).

2. Скань ковчега Дионисия (1383 г.) особенно хорошо показывает ступень спорадического рождения растительного раппорта (рис. 5: 2). Оставшись без византийского влияния, русское филигранное дело на стадии орнаментации из простых элементов не достигло геометрического совершенства, и это помогло более плавно и естественно перейти к новым стилистическим принципам, связанным с внедрением в сканное искусство многовитковой спирали. Заполненная мелкими завитками, большая спираль делается основным элементом фона.

3. На окладе Евангелия боярина Ф.Кошки (конец XIV в.) среди спиралей существует не очень сложный, но естественно вытекающий из промежутков фона растительный вводный мотив. Фон орнаментально не организуется (рис. 5: 4).

4. Русские памятники XV в. показывают влияние византийского стиля клеймообразных вводных мотивов. Русская и византийская скань в этот период испытывают обратные, но одинаково ведущие к созданию эклектичных произведений процессы. Византийская скань, геометризованная клеймами, вбирает в себя большую спираль. Русская скань, естественно выработавшая большую спираль и вытекающие из нее растительные вводные мотивы, знакомится с геометрическими вводными мотивами Византии, и они несколько искусственно вводятся в орнамент. Примером является Евангелие Успенского собора («Морозовское»). Дробление самой плоскости оклада способствует задаче передать противоречащие друг другу и русские и византийские достижения. На одних пластинах оклада мы видим растительные композиции (рис. 5: 5а), на других – изменивший свою форму клеймообразный мотив (рис. 5: 5б).

Однако развитие многовитковой спирали приводит к стиранию границ между вводными мотивами и фоном.

5. Вводные мотивы и спиральный фон буквально срастаются в единых древовидных композициях, где происшедшее от растительного вводного мотива дерево становится осью, пронизывающей всю композицию. Этот этап мы можем наблюдать на примере Евангелия Троице-Сергиева монастыря (рис. 5: 6а). Плетеные элементы орнамента, ранее выделявшиеся из фона, на этом этапе «срастаются» с большими спиралями фона (рис. 6: 6б).

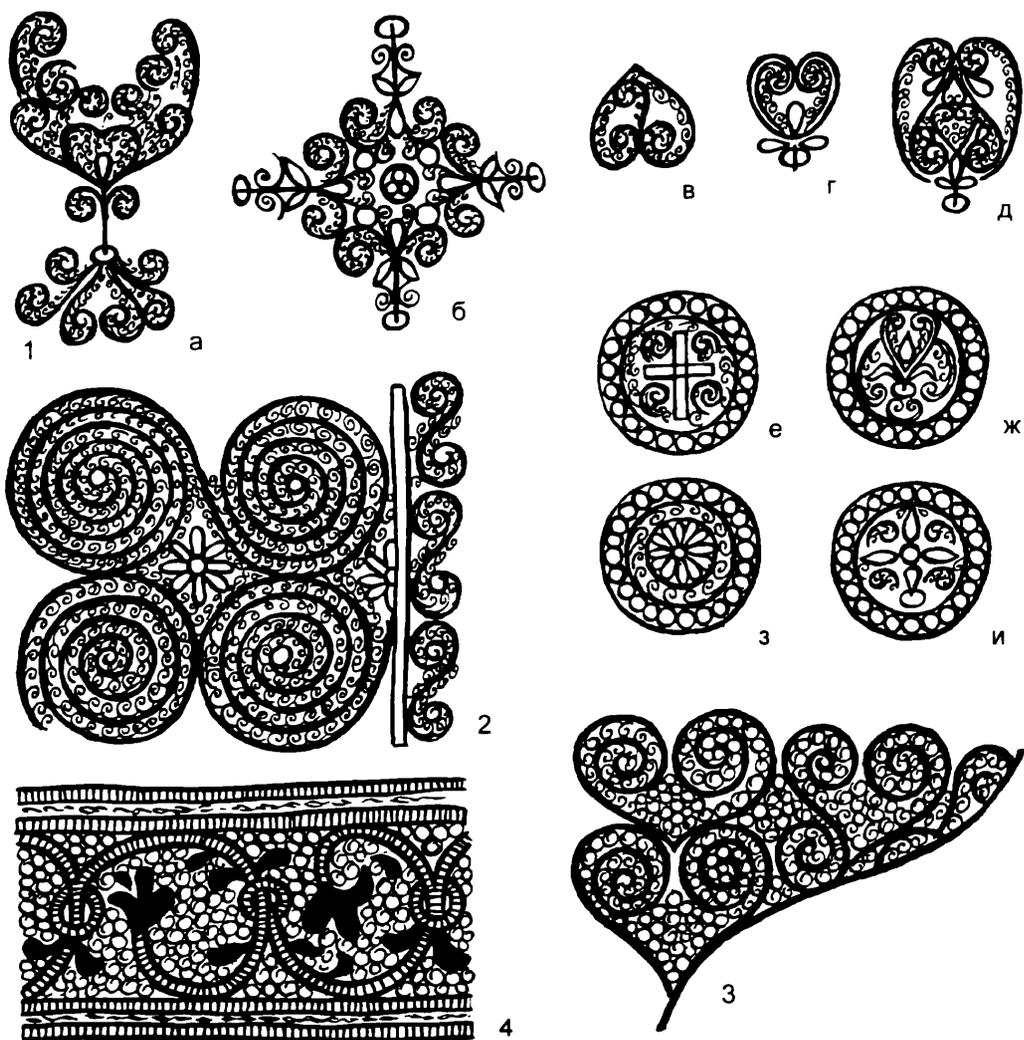

Рис. 7. Орнаменты русской скани XVI–XVII вв.

1 – Мстиславово Евангелие (а – д – раппорты из спиральных завитков; е – и – вводные мотивы); 2 – оклад Евангелия Ивана Попова-Новгородца из Троице-Сергиева монастыря; 3 – оклад Евангелия Пафнутаевского Боровского монастыря 1532–1533 гг., Новгород; 4 – напрестольный крест 1592 г., Новгород.

Декоративная и эстетически выигрышная большая спираль продолжает переключать внимание на себя. «Древо-ось» тонет в ее завитках.

6. Памятники второй половины XV–XVI в. (оклад евангелия 1499 г., серебряный сканный венец московской работы XV в., потир Ивана Фомина, панagia из серпуховского монастыря середины XV в.) демонстрируют, как витковая линия спирали начинает становиться основной композиционно-строющей, или рисующей линией (рис. 6). Вводные мотивы из промежутков почти не заметны, отходят на второй план. Памятник 1533 г. Христофорово евангелие имеет в качестве вводных мотивов только маленькие листочки, рисующая линия спирали здесь практически возникла (рис. 6: б). На сканных окладах произведений мастера Амвросия из Троице-Сергиевой Лавры вводные мотивы довольно крупны и выделены, но спираль воспринимается в первую очередь. Вводные мотивы «пропадают» эстетически (рис. 6: з).

Таковы же вводные мотивы и на Мстиславовом евангелии. Однако, ступень, демонстрируемая этим памятником, характеризуется раппортиза-

цией самой многовитковой спирали, т.е. орнаментальной организацией фона (рис. 7: 1а).

7. Раппортизация фона из большой спирали происходит разными путями. На Мстиславовом евангелии древо становится раппортом и складывается в крестообразные композиции (рис. 7: 1б). Раппорты разнообразны, а сама организация фона непоследовательна (рис. 7: 1г, в, д). На других памятниках образуются раппорты из большой спирали: крупные s-видные завитки оклада евангелия Попова-Новгородца 1527 г. визуально воспринимающиеся как круги (рис. 7: 2); сердцевидные фигуры на окладе евангелия Николо-Песношского монастыря (рис. 7: 3). Маленькие цветочки в промежутках между спиралями на окладе Евангелия Попова-Новгородца демонстрируют реликты вводных мотивов растительного характера. Мотивы в виде клейм исчезли (рис. 7: 2). Крупные многовитковые спирали образуют такие же элементарные комбинации, которые были свойственны простым элементам на ранних этапах развития сканного искусства.

В XVII в. усилившаяся линия спирального завитка дает возможность создать растительную ветвь, подчиняющуюся строгой раппортной организации, а из бывших вводных мотивов-листочков возникают ячейки для эмали (рис. 7: 4).

Технологический аспект возникновения ленточной скани связан, по мнению Н. П. Кондакова, с формой перегородки для эмали. Затем гладкая лента использовалась для исполнения вводных мотивов в филигрании, стилистическое развитие которой на Руси в XVII в. вновь пришло к заполнению вводного мотива эмалью, или мастикой. Образно говоря, древняя византийская виноградная лоза, потерявшая свои реалии, схематизируясь, и рождая геометрические клейма своими завитками, «возродилась» из большой спирали, усиление основной витковой линии которой сформировало стебель, а «историческое» место виноградных листьев заняли русские листочки.

Изучение ремесленной стороны филигранного искусства приводит к выводу о тесной связи византийской и русской технологических школ на протяжении XII–XV в.

На основании изучения ряда византийских филигранных произведений выявляется, что ленточная филигрань изготавливалась способом спиральной навивки. Характерный для византийских памятников стандарт параметров филигранной ленты составляет 0,25 мм в толщину и 1 мм в ширину. В основу этих определений легло изучение таких произведений: агатовая чаша X в. из собрания Государственного Эрмитажа, крест из бывшего музея Штиглица, оправа камней XIII в. из собрания Киевского музея исторических драгоценностей, большинство пластин золотого оклада иконы Владимирской Богоматери.

На элитарных произведениях, известных с территории Руси, фиксируется также ленточная филигрань, изготовленная спиральной навивкой. Это характерно для оправ медальонов рязанских барм и бус из клада 1822 г., браслета из Любечского клада, группы колоколовидных рясен, накладной «коруны» к иконе «Богоматерь Боголюбская», потира Моисея, оклада Евангелия Федора Кошки» и др. Причем, можно выделить произведения весьма точно соблюдающие тонкость византийского стандарта: это, в частности, панагиар 1435 г. и оправы деревянного креста-мощевика и костяного креста XIV–XV в. из собрания Владычной палаты Новгородского музея. В целом же, для русских произведений можно отметить предпочтение более массивного стандарта с толщиной филигрании от 0,25 до 0,4 мм.

Помимо спиральной навивки при изготовлении филигрании на Руси применялось и витье из двух проволочек. Однако этот способ не позволял создать филигрань высокого рельефа. При сильном вальцевании до шири-

ны 1 мм филигранный эффект частично пропал. Такое явление наблюдается на бусах из киевского клада 1887 г. и на концевых пластинах очелья из старорязанского клада 1992 г. Для сохранения филигранного эффекта мастера, использовавшие способ витья из двух проволочек, вынуждены были останавливаться на несильном вальцевании, поэтому филигрань еще более массивна: толщина 0,5 мм, ширина 1,0 мм. Такая филигрань фиксируется на колтах с эмалевыми изображениями Бориса и Глеба из старорязанского клада 1822 г., окладе евангелия Успенского собора и др. русских произведениях.

Таким образом, выявляется и технологическое своеобразие русской филигранной школы. Наблюдение за технологическими особенностями дает основной материал о происхождении произведения, тогда как стилистическая характеристика прежде всего датирует его.

ЛИТЕРАТУРА

- Банк А.В., 1978. Прикладное искусство Византии. М.
Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. М.
Жилина Н.В., 1998. Стили и технология древнерусской зерни и скани // РА. № 3.
Кондаков Н.П., 1896. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб.
Кондаков Н.П., 1902. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб.
Николаева Т.В., 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.
Постникова-Лосева М.М., 1974. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI–XIX вв. М.
Постникова-Лосева М.М., 1981. Русская золотая и серебряная скань. М.
Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
Стерлигова И.А., 1997. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Канд. дис. М.
Стерлигова И.А., 2000. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. М.
Филатов В., 1969. Портативная мозаика «Св. Николай» киевского музея. // ВВ. Т. XXX.
Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques francaises. Musee du Louvre. 1992.
Byzantine art. An European art. Athenes. 1964.
Dalton O.M. 1925. East Christian art. A survey of the Monuments. Oxford.
Dumbarton Oaks Catalogues. Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks collection. Washington, 1965.
Grabar A. 1975. Les Revetements en Or et en Argent des icones Bizantines du Moyen age. Venise.
Ornamenta Ecclesiae Kunst und Kunstler der Romanik. Koln, 1985
Splendeur de Byzance. Musees royaux d'Art et d'Histoire. Bruxelles, 1982.
The Walters Art Gallery. Early Christian and Byzantin art. Baltimore, 1947.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 211. 2001 год.

Ю. Ю. Моргунов

О СЫРЦОВЫХ СТЕНОВЫХ КЛАДКАХ ЭПОХИ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

К настоящему времени от подавляющего большинства южнорусских крепостных сооружений X–XIII вв. сохранились остатки земляных валов с порой весьма сложным внутренним деревянным каркасом. На этом фоне резко выделяется недолго употреблявшийся в русской фортификации тип защитных конструкций с наружными кладками из сырцового кирпича.

© Ю. Ю. Моргунов, 2001 г.

Литература, посвященная этим защитным элементам, насчитывает не один десяток названий: хорошо изучена хронология их применения и строительные особенности на различных памятниках, вчерне также намечены и возможные пути их появления на Руси, тем не менее, во многом эти постройки остались загадочными.

Попробуем высказать и свои наблюдения о сущности и происхождении этого фортификационного явления.

Впервые лицевые сырцовые кладки стали широко известны после раскопок В. В. Хвойко в 1909 г. в с. Белгородке под Киевом, где размещалось городище летописного города Белгорода (Полонская, 1911). Практически одновременно фрагментированные следы таких же сырцовых конструкций были обнаружены в Киеве недалеко от Десятинной церкви, на месте «города Владимира» (Милеев, 1909, с. 132). В первые послевоенные годы подобная техника была изучена при раскопках в Переяславле-Хмельницком (Раппопорт, 1953, с. 21–23), на городище Тмутаракань (Раппопорт, 1956, с. 142) и в Заречье на Стугне (Раппопорт, 1956, с. 87). Несколько позже следы этой оригинальной кладки были обнаружены на городище летописного Воиня (Довженок и др., 1966, с. 26), в Новгороде-Северском (Куза и др., 1996, с. 5), а наилучшая сохранность этого сооружения была зафиксирована в летописном Василеве (Холостенко, 1965, с. 70; Малеев, 1984, с. 106).

В лучше сохранившемся состоянии этот конструктивный элемент представляет собой мощный панцирь из сырцовых кирпичей, выложенный в деревянном каркасе и с наружной стороны примыкавший к цепочке срубов внутривального сооружения, забутованного материковым суглинком (рис. 1: 1). Внутренний фас сырцового массива плотно и по вертикали смыкался с забутованными срубами, а на его лицевой стороне иногда прослеживается от одной до пяти ступенек (Раппопорт, 1956, с. 77, 82–88). Современная высота кладки насчитывает от 2,5 м в Заречье и до 4,3 м в Василеве; на последнем памятнике таким же сырцом на высоту 9–10 м обложен и вертикальный обрыв городищенского мыса. На всех памятниках валы с сырцовыми панцирями были включены в защитную систему детинцев, и только в Белгороде они встречались на отдельных оборонительных участках окольного города (Линева, 1984, с. 73).

Валам с сырцовыми панцирями свойственны и другие особенности, малоизвестные на других русских памятниках. В первую очередь, это – наличие укрепляющих фундаментообразных субструкций на поверхности материка или более древнего культурного слоя, поверх которого строились защитные стены. Так, в Переяславле роль фундамента играл забутованный землей и глиной специальный трехвенцовый сруб (Раппопорт, 1956, с. 85); конструктивно более простые грунтовые подушки под сырцовыми панцирями известны в Белгороде, Заречье (Раппопорт, 1956, с. 75, 87) и Василеве (Малеев, 1990, с. 52). Другой особенностью таких конструкций можно считать применение крупных гвоздей-костылей (длиной до 18 см), предназначенных для укрепления срубов (Раппопорт, 1956, с. 80, 90).

Хронология применения этой оригинальной техники к настоящему времени хорошо изучена. Так, три снабженных подобными кладками памятника (Переяславль, Белгород и Василев), согласно летописным сведениям, были построены или же реконструировались непосредственно заботами князя Владимира Святославича; культурные напластования четвертого, Заречья, датируются этим же весьма узким периодом, подкрепленным находкой сребреника начала XI в. (Рыбаков, 1965, с. 127). Время активного функционирования иных укреплений с сырцом также вполне укладывается в узкие рамки 980–1015 гг., когда этот князь-реформатор проводил в жизнь объявленную им программу защиты Руси от печенежской экспансии при помощи массового строительства южных городов (ПСРЛ. Т. 1, с. 121).

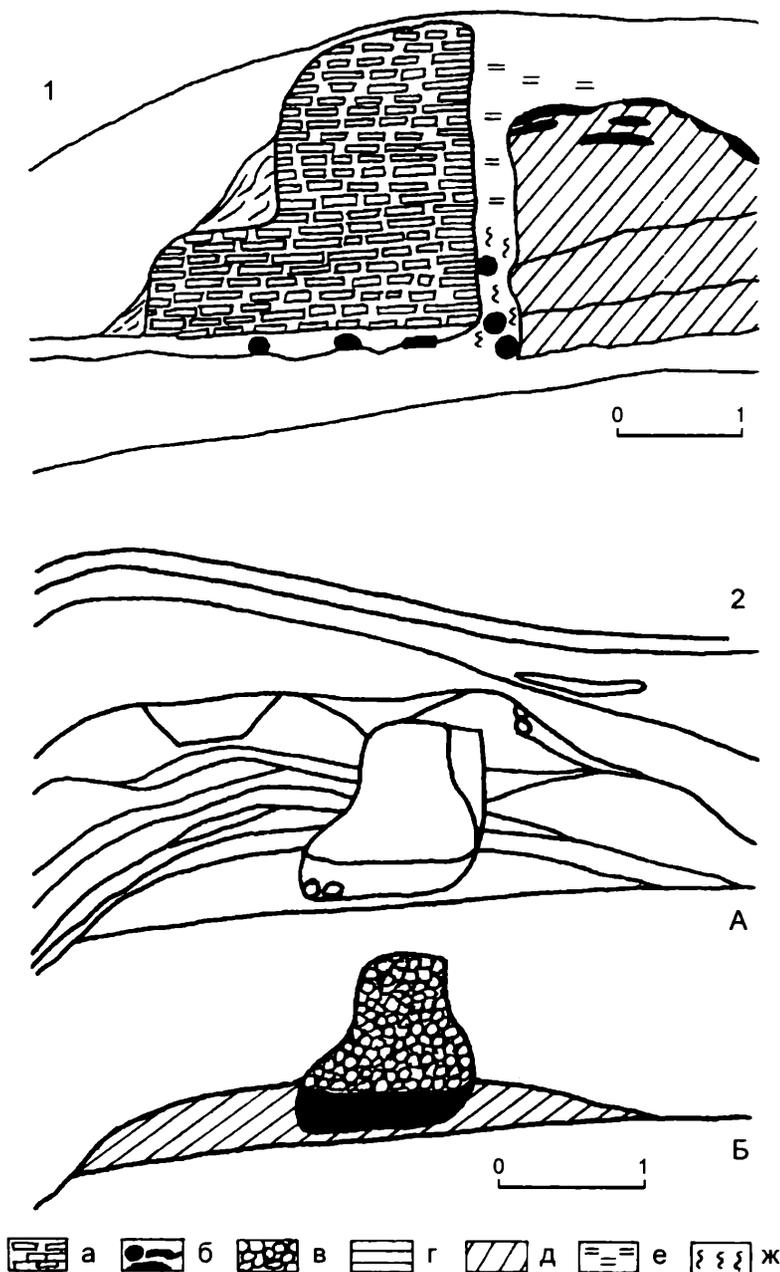

Рис. 1. «Внутривальные» стеновые конструкции с применением камня, кирпича или сырца.

1 – Заречье (по П. А. Раппопрту); 2 – Гаевщина.

Условные обозначения к рис. 1, 2: А – профили разрезов валов; Б – графическое выделение остатков стен. а – камень, сырец или кирпич; б – угли и обгоревшие бревна;

в – каменные желваки; г – пласты дерна; д – утрамбованный суглинок; е – обожженная глина; ж – древесный тлен.

В противовес этому хронологическому пласту, на других достоверно датированных, но несколько более поздних крепостях, эта техника не была встречена ни одного раза (Раппопрт, 1953, с. 24; Куза, 1985, с. 168; Малев, 1990, с. 53; Моргунов, 1999, с. 70).

Столь краткий период применения на Руси этой своеобразной техники возведения оборонительных стен и ее быстрое исчезновение из фортификационного обихода может говорить только о ее искусственном привнесении

с территорий, где использование стеновых панцирей было привычной строительной традицией.

Из истории создания крепостных сооружений известно, что письменные основы европейской фортификации восходят к трудам римского архитектора и инженера I в. до н.э. Витрувия. В свою очередь, наука о полевых укреплениях была наиболее подробно развита военным теоретиком рубежа IV–V вв. Вегецием: его трактат о военном деле пользовался широкой популярностью вплоть до XII–XIII вв. Оба автора сводили все многообразие крепостных сооружений к двум основным типам – городскому и полевому, из которых для городских были характерны двухпанцирные каменные стены с внутренней каменной или грунтовой забутовкой, а при постройке вертикальных же стен полевых укреплений чаще использовались земля и дерн, иногда упроченные деревянным каркасом (Витрувий, 1936, с. 30, 34; Вегеций, 1940, с. 242, 264, 281). Отметим кстати, что последние оборонительные сооружения как по применяемым строительным материалам, так и конструктивно, наиболее близки к общей линии развития древнерусской фортификации.

По окраинам византийского культурного круга слишком жесткая дифференциация типов укреплений, описанная позднеримскими авторами, очевидно, в полной мере не привилась, поскольку на многих укреплениях доминировала комбинированная техника с активным применением грунтовых строительных элементов. Так, в соседней с Византией Болгарии в VIII–XII вв. практиковалось возведение стен из камня и земли; среди них наиболее характерными были конструкции с лицевыми каменными кладками, а при реконструкции обрушившихся старых укреплений камнем обязательно обкладывались непрочные склоны более древних валов (Овчаров, 1975, с. 114–115; Выжарова, 1987, с. 108; Морева, 1987, с. 32). Активно использовался здесь и сырец: в Ямболе вторая крепостная стена X в. была сложена из необожженного кирпича, который затем прокалился в огне пожара (Димитрова, 1987, с. 95). Панцирные конструкции и каменные обкладки старых валов известны также на территории великоморавской Словакии и в Чехии (Раппопорт, 1956, с. 139; Шалковский, 1987, с. 126).

Надо полагать, что оборонительный комплекс повсюду слагался из конструкций стенового типа, поскольку ни Витрувий, ни Вегеций при всей подробности их описаний ничего не знали о возможности специального возведения защитных валообразных укреплений. Примером может послужить опубликованный разрез такого «вала» на болгарском памятнике Стърмен (рис. 2: 1А). Для наиболее достоверного распознавания характера его конструкции мы применили метод «графической расчистки» этого профиля от зафиксированных автором раскопок поздних отложений и перемешанных следов разрушений (Выжарова, 1987, с. 110). В итоге этого эксперимента в разрезе выявились явные остатки вертикальных стен, сложенных из плотного дернового массива, снаружи укрепленного массивной каменной облицовкой (рис. 2: 1Б).

На территорию Южной Руси в предшествующее эпохе Владимира Святославича время сложенные насухо каменные обкладки пришли в виде стенок-крепид и облицовок, укреплявших деревянные оборонительные стены с внешней стороны. Любопытно, что эта традиция прижилась в украинском Прикарпатье, в ареале, территориально наиболее близком к византийскому культурному кругу (Русанова, Тимошук, 1981, с. 35; Тимошук, 1990, с. 100).

Живучестью этой строительной традиции можно объяснить и спорадическое проникновение техники возведения подобных стен на юг Русской равнины с ее недостатком в таком привычном для греков строительном материале, как камень. Так, фрагмент остатков «внутриривальной» каменной стены был вскрыт нами на северянском городище Гаевщина (IX–X вв.) на

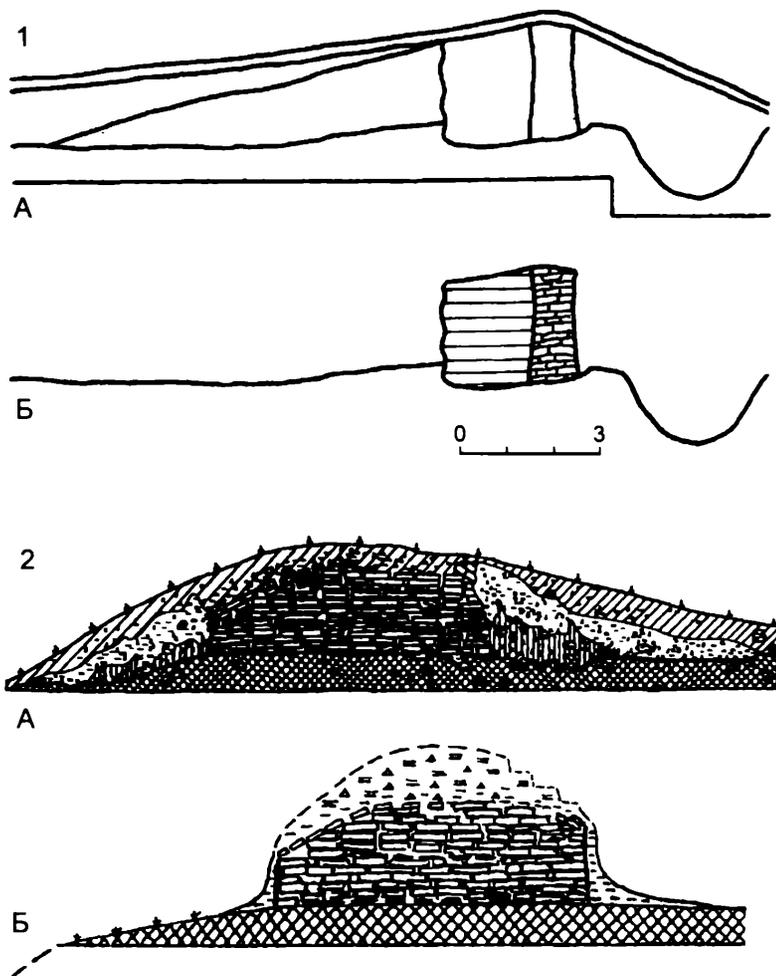

Рис. 2. «Внутривальные» стеновые конструкции.

1 – Стърмен (по Ж. Н. Выжаровой); 2 – Красное (по А. З. Винникову и С. А. Плетнёвой).
Условные обозначения – см. рис. 1.

черноземном днепровском Левобережье (рис. 1: 2). Здесь невысокая стенка-парапет, нависавшая над береговой кручей, при помощи глинистого раствора была сложена из базальтово-карбонатных желваков моренного происхождения (Моргунов, 1996, с. 69). Любопытно, что в процессе возведения этой стенки был применен полный технический ассортимент греко-болгарских аналогий: грунтовая выемка для фундаментообразующей конструкции, деревянное бревенчатое основание и ступенчатость цокольной части. Эти технические приемы были оправданы в далекой южной архитектуре для создания высоких и тяжелых защитных устройств, но применительно к преграде высотой чуть более метра, они представляются излишне реликтными.

Как мы видим, в древней фортификации устойчиво применялись защитные устройства стенового типа; и даже такие хорошо известные сооружения, как земляные валы, зачастую могут скрывать в своих недрах остатки подобных же оборонительных средств.

Вернемся к защитным сооружениям из сырца. В наиболее чистом виде они были массово распространены в среднеазиатской фортификации, где крепостные стены возводились из этого повсеместно доступного строительного материала (Воронина, 1964, с. 42). Поиск аналогий плодотворен и среди древностей, оставленных более близкими восточными и юго-вос-

точными соседями Руси. На это обращал внимание еще П. А. Раппопорт: в VIII–X вв. сырцовые оборонительные элементы встречались на памятниках Восточного Крыма (Планерское) и нижнего Дона (Кобяково и Семикоракорское городища). Применительно к X в. сырцовая стена была обнаружена Б. А. Рыбаковым в Тмутаракани, а в слоях XI – начала XII в. известна и среди развалин Саркела – Белой Вежи. На основании этих наблюдений исследователем был сделан вывод о том, что на Русь сырцовая техника была привнесена с юго-востока и, скорее всего, с Тамани (Раппопорт, 1956, с. 142).

К настоящему времени этот список можно значительно расширить. Так, среди еще более близких соседей Руси изучаемая техника нередко использовалась салтовским населением лесостепи среднего Дона в VIII–X вв. (рис. 2: 2). На городище Алексеевка срубные стены были забутованы материковым грунтом, а снаружи городской размещалась облицовка, сложенная из слабообожженного кирпича местного производства. В Муходеревке вся оборонительная стена была возведена из сырцовых блоков, а в Колтуновке оборонительный комплекс слагался из двух кирпичных панцирей с внутренней забутовкой из сырцовой кладки (Афанасьев, 1987, с. 118, 121). Аналогичная картина прослежена и на Маяцком городище: процессе раскопок в основе современных валов были выявлены невысокие стенки, сложенные из сырцового кирпича (Винников, Плетнёва, 1998, с. 36).

Как мы видим, на территории хазарских окраин широко использовался промежуточный технический вариант между классическими примерами римско-византийских двухпанцирных стен и древнерусскими древо-земляными конструкциями. В этом ряду защитные стены Алексеевки и по времени их создания, и по многим конструктивным характеристикам, наиболее близки пограничной фортификации Владимира Святославича.

В свою очередь, корни распространения подобных стен в Хазарии следует искать в византийской среде. Напомним, что при постройке в 30-е годы IX в. наиболее известного нам хазарского укрепления, Саркела, спарфорокандидату Петроне Каматиру приходилось строить специальные печи и обжигать кирпичи (Константин Багрянородный, с. 171). Логично, что в процессе распространения новой крепостной технологии по всей территории страны, а также при создании крепостей меньшей оборонительной значимости, использовался и необожженный, сырцовый кирпич, ведь в Хазарии явно ощущался недостаток в привычном для византийской фортификации прочном камне. Кроме того, начиная с IX в. местные технические вариации вполне могли появиться на местной почве по мере освоения и укрепления хазарами своих северных лесостепных окраин. А распространение отсюда новой крепостной технологии на нижний Дон, в Крым и на Тамань являлось лишь вопросом времени и коммуникабельности хазар.

Возвращаясь к лицевым сырцовым кладкам древнерусских валов эпохи Владимира Святославича, следует напомнить, что ранее на Руси ничего подобного не возводилось. На первый взгляд, можно было бы принять мнение П. А. Раппопорта о привнесении сюда фортификационных новаций с таманской окраины или, допустим, из более близкой Хазарии: все же не так давно в этих местах Святослав воевал и штурмовал Саркел – Белую Вежу и ко времени возмужания его сына могли остаться и живые свидетели этих походов. Не исключен и возможный около 989 г. факт личного знакомства Владимира Святославича с преимуществами хазарских крепостей (Срезневский, 1897, с. 6; Артамонов, 1962, с. 435). И все же, на наш взгляд, этому противоречит целый комплекс технических деталей, которыми отличались русские устройства и которые отсутствуют на лесостепных хазарских городищах: мы имеем в виду наличие фундаментных подсыпок, гвоздей и наружную ступенчатость сырцовых облицовок.

Думается, что гораздо более перспективными могут оказаться поиски истоков новой для Руси строительной технологии в глубине греко-византийского культурного круга. К такому представлению обязывают следующие наблюдения: происходившие оттуда специалисты-фортификаторы были хорошо знакомы со строительными возможностями как кирпича, так и необожженного сырца (на это указывают болгарские аналогии). Только инженеры, привыкшие к строительству высоких каменных стен, могли традиционно создавать под относительно небольшими оградами фундаментные подушки и другие уплотнения на основе деревянных каркасов. Кстати, и столь значительная и не привившаяся в дальнейшем высота оборонительных конструкций эпохи Владимира Святославича свидетельствует о южных традициях. Даже скрепление срубов крупными гвоздями говорит о том, что руководившие стройками иноземные инженеры не владели исконно привычной на Руси техникой шипового соединения срубных деревянных элементов. И, наконец, ступенчатость внешних фасадов сырцовых облицовок полностью соответствует византийским прототипам в их каменном воплощении (Овчаров, 1982, с. 109).

Полтора столетиями раньше, в условиях печенежской экспансии, усилиями греческих фортификаторов воспользовалась Хазария, в результате чего государство обзавелось доселе неизвестным типом оборонительных сооружений, который затем был достаточно гибко приспособлен к различным местным особенностям. Очевидно, в сходных внешнеполитических условиях по этому же пути пошел и Владимир Святославич для осуществления декларируемой им антипеченежской оборонительной программы.

Еще в процессе осады построенного из камня крымского города Корсуня Владимир Святославич мог убедиться в преимуществах греческого строительного опыта: осуществить задуманное тогда помогло Владимиру только предательство местного жителя (ПСРЛ. Т. 1, с. 109). Случай же пригласить византийских мастеров мог представиться великому князю на следующий год после осады Корсуня и женитьбы на византийской принцессе Анне: уже под 989 г. в Повести временных лет означено сообщение о приглашении мастеров для возведения каменной Десятинной церкви, а под 991 и 992 гг. сообщено о постройке Белгорода и реконструкции укреплений Переяславля, в составе оборонительных стен которых вместо камня военными инженерами был употреблен сырцовый кирпич (ПСРЛ. Т. 1, с. 121–123). В итоге этих защитных мероприятий города Владимира, обустроенные при помощи ранее неизвестной на Руси мощной и трудоемкой фортификации, во многом помогли Руси выстоять против грандиозного печенежского натиска (Моргунов, 1999).

С окончанием эпохи Владимира Святославича почти на всей территории Руси, где при возведении укреплений применение камня или его заменителей в массе не являлось нормой, полностью возобладали более простые древо-земляные защитные устройства. Они представляли собой результаты приспособления сложных византийских оборонительных устройств к местным условиям. В те времена на Руси не применялись технические осадные приспособления, штурмовые способы не отличались греческой изощренностью, поэтому и особой необходимости в столь прочных и высоких стенах не ощущалось.

В заключение перед нами неизбежно возникает вопрос о конструктивной сущности владимировых укреплений. Для византийской военной архитектуры была приемлема только одна форма защиты города, это – вертикальные стены. Именно стеновые кирпичные конструкции воздвигались Петроной в Саркеле, таково же происхождение каменно-земляных «валов» Болгарии и сырцово-земляных – в лесостепной Хазарии. На наш взгляд, конструктивный смысл земляных валов эпохи Владимира, смысл, заложен-

ный в сходной исторической обстановке и созданный мастерами сходной технической ориентации, мог заключаться только в создании вертикальной преграды стенового типа.

Для такого представления имеются и самостоятельные формальные основания. Так, внутри владимировых «валов» сочленение бревенчатых срубов с глиняной крепидой повсеместно имеет строго вертикальный абрис: такую же картину можно наблюдать как при раскопках развалившихся каменных стен, так и среднеазиатских оборонительных стен из сырцового кирпича или пахсы. Отличие заключается только в меньшей прочности русских стен, из-за которой они и разрушались значительно сильнее, со временем приобретая облик земляных валов.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной полосы бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.
Вегетий, 1940. Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела // ВДИ, № 1.
Винников А.З., Плетнева С.А., 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж.
Витрувий, 1936. Об архитектуре. М.
Воронина В.Л., 1964. Из истории среднеазиатской фортификации // СА. № 2.
Выжарова Ж., 1987. Древнеславянские поселения (селища, городища и городища-крепости) на территории Болгарии // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 1. М.
Димитрова Д., 1987. Средневековая крепость в г. Ямболе // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Вып. 2а. М.
Довженок В.И. и др., 1966. Довженок В.И., Гончаров В.К., Юра Р.А. Древньоруське місто Воїнь. Київ.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М, 1989.
Куза А.В., 1985. Фортификация // Древняя Русь. Город. Замок. Село (Археология СССР). М.
Куза А.В. и др., 1996. Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород-Северский: итоги и перспективы исследований // На Юго-Востоке Древней Руси. Воронеж.
Линева Е.А., 1984. Вопросы развития и типологии Белгорода Киевского // Древнерусский город (материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. Киев.
Малеев Ю.Н., 1984. Охоронні розкопки м. Василева (до 1000-річчя пам'ятки) // Археологія. Вип. 48. Київ.
Малеев Ю.Н., 1990. Применение сырцовой кладки в древнерусском военном зодчестве // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев.
Милеев Д.В., 1909. ИАК. Прибавление к вып. 32.
Моргунов Ю.Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.
Моргунов Ю.Ю., 1999. О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // РА. № 3.
Морева Р., 1987 – Оборонительная система Пловдива в XII–XIV вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Вып. 26. М.
Овчаров Д., 1975. Нови данни за укрепителна система на Преслав // Архитектура на Первата и Втората Българска Държава. София.
Овчаров Д., 1982. Византийски и Български крепости V–X век. София.
Полонская Н.Д., 1911. Археологические раскопки В.В.Хвойко 1909–1910 гг. в м. Белгородке // Труды Московского Предварительного комитета по устройству XV АС. М.
Раппопорт П.А., 1953. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки // КСИИМК. Вып. 4.
Раппопорт П.А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52.
Русанова И.П., Тимошук Б.А., 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород.
Рыбаков Б.А., 1965. Владимировы крепости на Стугне // КСИА. Вып. 100.
Срезневский В.И., 1897. Память и похвала князю Владимиру и его Житие по списку 1494 г. // Записки Имп. Академии наук по историко-филологическому отделу. Т. 1. № 6. СПб.
Тимошук Б.А., 1990. Восточные хорваты // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов. М.
Холостенко М.В., 1965. З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. Т. XIX. Київ.
Шалковский П., 1987. Великоморавские городища Словакии // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 26. М.

ПУБЛИКАЦИИ

В. И. Кулаков, О. В. Иов

НАКОНЕЧНИКИ НОЖЕН МЕЧА ИЗ КУРГАНА 174
МОГИЛЬНИКА КАУП И С ГОРОДИЩА ФРАНОПОЛЬ

Осенью 1932 г. были проведены самые широкомасштабные раскопки хрестоматийного для викингских древностей юго-восточной Балтии курганно-грунтового могильника Кауп (ehem. Kaup bei Wiskiauten, Kr. Samland, Ostpreussen, ныне – пос. Моховое Зеленоградского р-на Калининградской обл.). Как выяснилось в результате археологических исследований, проведенных в урочище Кауп в 1979 г., данный могильник связан с торгово-ремесленным центром Кауп, интернациональное население которого с начала IX в. по 1016 г. контролировало проходивший по Янтарному берегу отрезок неманского торгового пути (Кулаков, 1996а, с. 140). В раскопках, проведенных на Каупе в 1932 г. под руководством Б. Нермана и В. Герте, участвовал молодой в то время археолог П. Паульсен, вскоре ставший известнейшим исследователем стилистики раннесредневекового искусства Северной Европы. Среди прочих насыпей П. Паульсен раскопал курган 174 (Inv. Nr. Prussia-Museum VII, 431, 12802), ныне для удобства именуемый К-174. Инвентарь мужского погребения, обнаруженного под его насыпью, кратко опубликованный в послевоенное время Б. фон цур Мюлен (Mühlen, 1975, S. 138, Taf. 18, 8; 44, 4, 5), включал следующие находки: три бронзовые пряжки, фрагменты керамики, фрагмент орнаментированного рогового (?) гребня, ажурный бронзовый наконечник ремня группы I класса XVI (Мурашёва, 2000, с. 66, 67, рис. 101), распространенный в Восточной Европе до второй половины X в., малый (аналогичный по типу?) наконечник ремня, наконечник ремня, железные (?) накладки и дужка ведра, бронзовые накладки, меч и его обломки, фрагмент бронзового ажурного наконечника ножен меча, два ланцетовидных наконечника копий, в том числе с врезным пламевидным орнаментом на втулках, характерным для древностей Каупа в основном 900–950 гг., но доживающий до третьей четверти X в. (Кулаков, 1989а, с. 93, 95), боевой топор, обломки железного предмета (умбон щита?), кольчатые удила, стремя, две (?) шпоры. Общий состав погребального инвентаря кургана, присутствие в нем наконечника копья с пламевидным орнаментом и топора позволяют этот комплекс с высокой долей уверенности датировать временем около 950–975 гг. (Кулаков, 1989а, с. 92, 93).

Особое внимание в составе погребального инвентаря (рис. 1) привлекает наконечник ножен меча, аналоги которому отсутствуют как в скандинавских древностях эпохи викингов, так и в синхронном материале юго-восточной Балтии. Орнамент в сохранившейся нижней части наконечника из Каупа выполнен в стиле Еллинг. Декорированные таким образом нако-

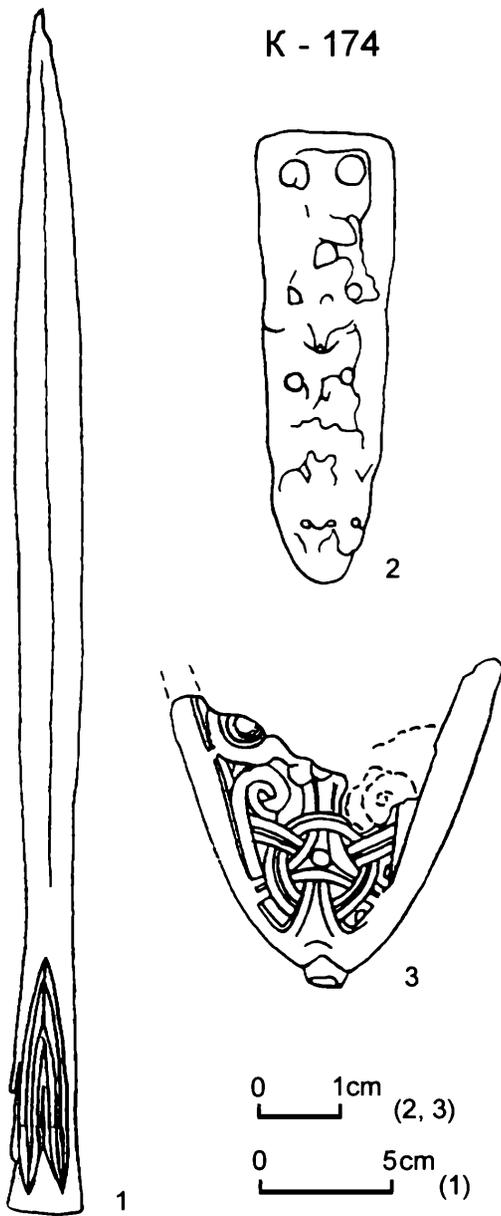

Рис. 1. Инвентарь кург. 174 могильника Кауп:

1 – наконечник копья (Mühlen B., 1975, Taf. 18, 6); 2 – бронзовый ажурный наконечник ремня, до реставрации (Mühlen B., 1975, Taf. 44, 4); 3 – фрагмент бронзового наконечника ножен меча (экспозиция зала 5 бывш. Prussia-Museum, ныне в фондах Калининградского Историко-художественного музея; Mühlen B., 1975, Taf. 44,5).

двух исследователей – В. Казьявичюса и Н. В. Ениосовой. Если первый из них вслед за П. Паульсеном датирует погребение 8 в целом XI в. (Kazakevičius, 1998, p. 296), то Н.В. Ениосова относит его к началу XI в. (Ениосова, 1994, с. 104). Эти датировки неактуальны прежде всего ввиду присутствия в составе инвентаря этого погребения меча группы 12 вариан-

нечники, по справедливому мнению П. Паульсена, появляются в Скандинавии незадолго до середины X в. (Paulsen, 1953, S. 35). Наиболее ранним наконечником, на котором в стиле Еллинг изображен S-видно изогнутый зверь, является артефакт (наконечник «шведской группы» – Paulsen, 1953, S. 41) из погребения 8 грунтового могильника Линкунен (Linkuhnen, ehem. Kr. Niederung, Ostpreussen, ныне – пос. Ржевское Славского р-на Калининградской обл., рис. 2: 1), содержавшего, судя по составу инвентаря, останки мужчины-воина и женщины. Навершием наконечника служит плоскостное изображение направленной носом вверх головки собаки/волка, отвечающее нормам стиля Борре и являющееся завершением тулова зверя. Иконографический тип изображения, представленный на данном артефакте, является серийным стандартом, что показывают, в частности, находки, сделанные в Западной Литве и на территории России (Kazakevičius, 1998, p. 296, 297). Этому наконечнику ножен меча в комплекс сопутствовали три согнутых ланцетовидных наконечника копий с пламевидным орнаментом на втулках и три меча (в том числе с пагодообразным навершием и типа X по Я. Петерсену), в целом датируемые серединой – второй половиной X в. Эту, если не более раннюю, дату для погребения 8 Ржевское указывают входящие в состав его инвентаря кольчатые удила с трехчастным трензелем и пара стремян вытянутых очертаний, с уплощенными сторонами. Эти детали конского снаряжения подчеркивают связи западных балтов с миром степей (Кулаков, 1986, с. 143, 144; 1994а, рис. 33). Данный комплекс в послевоенное время привлек внимание лишь

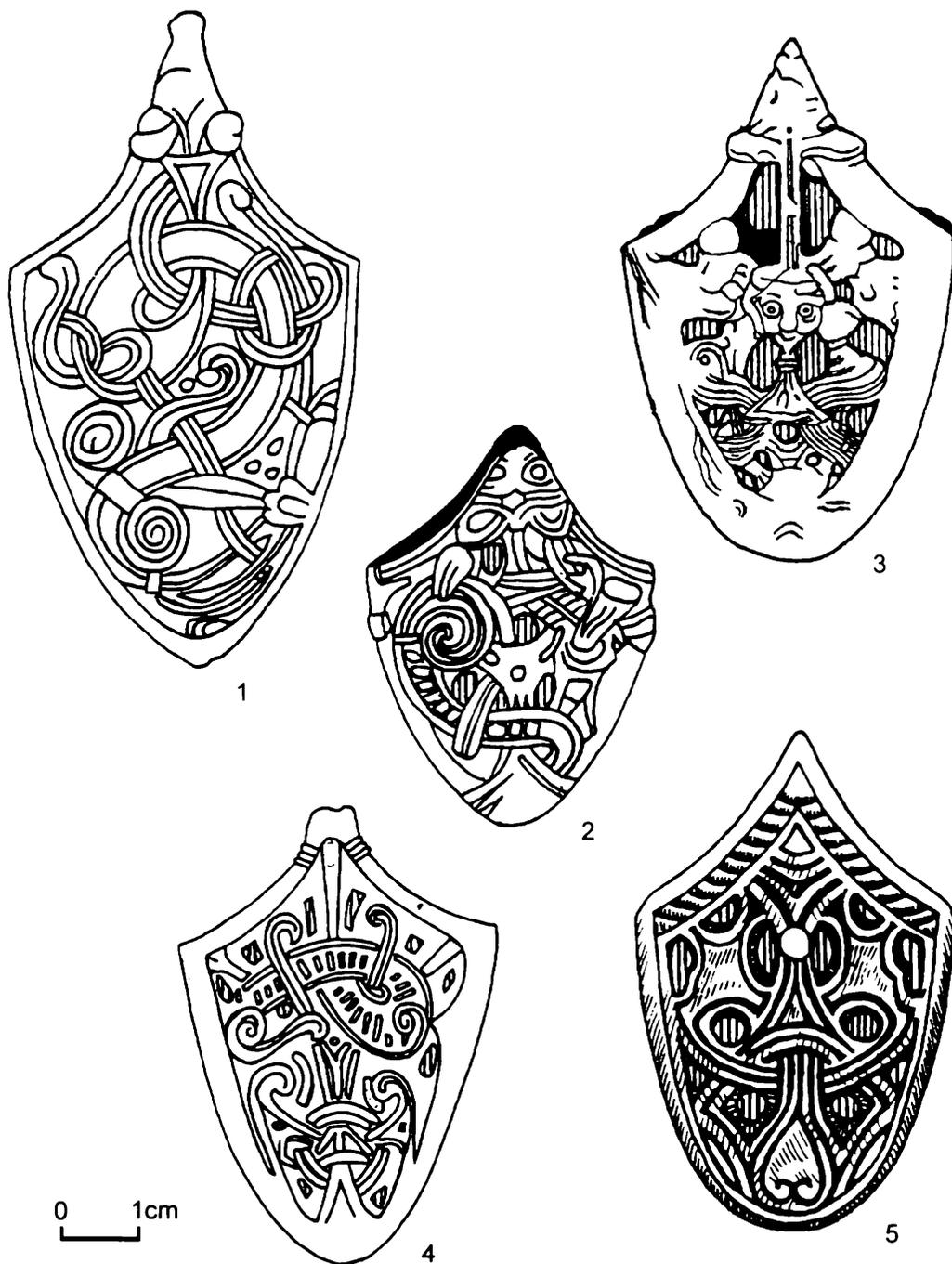

Рис. 2. Бронзовые наконечники ножен мечей с изображением змея/дракона (1, 2, 4) и «языческой иконы» Одина (3, 5).

1 – погребение 8 грунтового могильника Линкунен (Engel C., La Baume W., 1937, Abb. 40, a); 2 – Готланд, Швеция (Thunmark-Nylén L., 1998, Taf. 232, 2); 3 – курган 42(10) курганного могильника Шестовицы Черниговской обл. Украины (Бліфельд, 1977, с. 140, рис. 20, Фонды Черниговского исторического музея, инв. номер ЧИМ № 3-98); 4 – городище Франополь (Иоў, 1993, с. 72, рис. 9); 5 – погребение 94 могильника Жасинас. Плоскость оборотной стороны наконечника залита черным цветом, сквозные отверстия лицевой стороны наконечника заштрихованы вертикально (Vaitkunskiene L., 1983, 3 pav., 4).

та II, убедительно отнесенного А. Гайбиг ко второй половине X в. (Geibig, 1991, S. 146).

Дальнейшая фаза развития наконечников ножен меча с фигурой зверя, представленной в стиле Еллинг, реализована наконечником ножен меча (рис. 2: 2) с о. Готланд (Thunmark-Nylén, 1998, Taf. 232: 2). Изображение зверя на этом артефакте претерпело изменения: головка-навершие является весьма примитивным дериватом аналогичной детали более раннего наконечника из погребения 8 Ржевское, от S-видно изогнутого туловища сохранилась лишь его верхняя часть, связь которой с весьма схематизированной головкой собаки/волка утеряна. Справа от изгиба этого туловища представлена треугольная геометрическая фигура, фактически являющаяся центром композиции наконечника. Такая же фигура, окруженная двойным округлым жгутом «плетенки», ясно видна на наконечнике из К-174, который, скорее всего, является дальнейшей формой развития декорированных в стиле Еллинг деталей ножен викингских мечей.

Начиная с середины X в. мастера, использующие при изготовлении наконечников ножен меча с деградированным изображением зверя, начинают совмещать этот образ с набиравшим популярность образом вертикально взлетающей хищной птицы – ворона, ставшего в начале завершающей фазы движения викингов символом воинов разноэтничных дружин (Кулаков, 1988, с. 106–117). Пример такого своеобразного «компаративного» творения неизвестного мастера обнаружен в погребении 496 могильника Бирка в Швеции (Nerman, 1940, Taf. 5, 8f, 8b), датируемого временем около 950 г. (Ениосова, 1994, с. 105). Напротив, наконечники ножен меча с распластанной (точнее – «распятой») птицей (по П. Паульсену, «скандинавская группа» наконечников ножен меча – Paulsen P., 1953, S. 17–22) традиционно венчаются уже не раз упоминавшейся выше головкой собаки/волка, никак не связанной с фигурой «распятой» жертвенной птицы.

Полным аналогом находке из К-174, является, к счастью, целый наконечник ножен меча из городища Франополь (Брестский р-н Брестской обл. Белоруссии, раскопки О. В. Иова 1988–1991 гг.). Это укрепленное поселение расположено на мысу левого берега р. Рыта. Округлая в плане площадка городища диаметром 30 м окружена валом высотой от 1,5 до 2,5 м. В ходе раскопок на городище вскрыта площадь в 286 кв. м. Культурный слой на городище практически полностью состоит из остатков пожарища, мощность слоя на краю площадки городища достигает 0,5 м, к центру площадки сходит практически на нет. На материке найдены следы срубных клетей, примыкавших к валу изнутри. Выявлен колодец, песчаные стенки которого были укреплены камнями, а дно покрыто настилом из дубовых плах толщиной до 5 см. На материке вне клетей расчищены остатки очага, сложенного из колотых камней. Очаг содержал большое количество обломков керамики и обожженные зерна проса. Пожар уничтожил городище Франополь внезапно, о чем свидетельствуют многочисленные находки обожженных развалов керамики и целых горшков, в ряде случаев – с просяной кашей. Кроме керамики, на площадке городища найдено значительное количество предметов вооружения: наконечники копий и стрел, топоры, перекрестие меча. К этой категории находок относятся и остатки ножен меча, выявленные на площадке городища на уровне материка. Они представлены бронзовым наконечником, на внутренней стороне которого сохранились остатки кожи, рядом с наконечником прослежены плохо сохранившиеся тонкие бронзовые пластины – оковка верхней части ножен. Дата гибели возникшего в 950–1000 гг. городища Франополь – рубеж X–XI вв. Это подтверждается позднейшими находками в его культурном слое желтых лимонovidных бусин (Иоў, 1993, с. 71, 72). Такие городища весьма редки в Белоруссии (Кухаренко, 1961, с. 31–36), как правило, использовались в

качестве святилищ и мест народных собраний населения отдельных волостей. Скорее всего, городище Франополь было уничтожено внезапным набегом вражеской дружины.

Изображение на артефакте из Франополя – утративший всякий облик змея/дракона завиток «плетенки», треугольная фигура в нижней части артефакта, ставшая центром композиции, полностью «дегенерированная» голова волка/собаки, венчающая наконечник, – полностью подтверждает высказанное выше мнение об этапах трансформации наконечников с фигурой зверя. Треугольная фигура в центре композиции на предметах из Каупа и Франополя сближает эти находки с балтскими по своему происхождению наконечниками из погребений 62, 94 (рис. 2: 5) могильника Жасинас Шилальского р-на Литвы (Kazakevičius, 1992, fig. 3,3,4) и погр. 117 могильника Ирзекапинис (ehem. Wiekau, Kr. Samland Ostpreussen, ныне – пос. Клинцовка Зеленоградского р-на Калининградской обл.). Дата последнего – начало (скорее, середина) X в. (Кулаков, 1999, с. 255). В юго-восточной Балтии происходит слияние скандинавских и местных изобразительных традиций, симбиоз которых отразился в изображениях на наконечниках ножен мечей из К-174 и Франополя, аналогом которым является наконечник ножен меча, обнаруженный в Burgholm, Latvija (Ениосова, 1994, рис. 10). В этих артефактах отражен встречный импульс балтских традиций, толкнувший мастеров этих наконечников сделать центром их композиции треугольный элемент, который вероятнее всего следует трактовать на наконечниках из Жасинаса и Ирзекапиниса как туловище мужской фигуры. Вызывает удивление объявление этой вполне четко читаемой фигуры «искаженным изображением птицы и плетеным рисунком» в новейшей археологической литературе (Ениосова, 1994, с. 106). На самом деле на изделиях мастеров эпохи викингов эта фигура является местной репликой восходящей еще к традициям эпохи переселения народов «языческой иконы» Одина, обеими своими руками обнимающего двух своих мистических спутников – воронов Хугина и Мунина (рис. 2: 3). В X в. эта «языческая икона» представлена на скандинавских деталях ножен мечей, обнаруженных, в частности, в Шестовицах (рис. 2: 3) и на Готланде (Ениосова, 1994, рис. 10, а), соответствуя варианту 2 канона Одина (Кулаков, 1995а, с. 73). В балтской среде в этом каноническом изображении вороны заменены здесь драконами. Видимо, именно их фигуры, стилизованные в виде изогнутых сдвоенных линий, отдаленно напоминающие крылья птицы, представлены справа и слева от треугольной фигуры на наконечниках из Каупа и Франополя (рис. 1: 3; 2: 4). Такого рода взаимный обмен иконографическими новациями характерен для мастеров, удовлетворявших художественные вкусы полиэтничной дружины второй половины X в. Правда, весьма стилизованное изображение на наконечнике из Франополя не позволяет с полной уверенностью утверждать соответствие фигур, не воронам Одина, а драконам.

Аспект сложнейших процессов взаимного влияния скандинавских и балтских традиций остался незамеченным наиболее серьезным современным исследователем наконечников ножен мечей эпохи викингов В. Казакявичюсом, включившим наконечник из К-174 в массив наконечников варианта 1b3. Их декор представляет собой деградированное изображение распластанной жертвенной птицы и широко датируется X–XI вв. (Kazakevičius, 1998, p. 292, 8 pav., 8). Правда, обнаружение на наконечнике ножен однолезвийного (?) меча в Катучю Шилутского р-на Литвы с одной стороны – фигуры распластанной птицы, с другой – деградированную фигуру зверя (обе являются оттисками в глиняной форме двух более ранних и, соответственно, более качественно выполненных артефактов) указывает на синхронность бытования (во всяком случае – в Балтии) обо-

их изобразительных мотивов (Kazakevičius, 1998, 11 pav.). Самое раннее изображение данного варианта корпуса пернатого датируется в Восточной Европе 950–1000 гг. и является символом «...власти князя, приносившего жертву богам для процветания подвластной ему дружины» (Кулаков, 1994б, с. 6).

Представленный выше анализ находок из Каупа и Франополя и близкого им иконографического материала эпохи викингов позволяет реконструировать этапы появления одного из редчайших вариантов наконечников ножен меча, встреченных в комплексах третьей четверти X в. (возможно, шире – второй половины X в.) в древностях Балтии и Западной Белоруссии и выявить семантику представленных на этих артефактах образов. Ранее подобные аспекты развития изображений на наконечниках меча рассматривались сугубо утилитарно. Неправомерно считалось, что скандинавские оружейники в оформлении ножен меча механически воспроизводили «маски» и «плетёный орнамент» овальных фибул и подвесок, являвшихся деталями женского (!) убора (Ениосова, 1994, с. 105, 107). На самом деле такая важная конструктивная деталь вооружения, как наконечник ножен меча викинга, магическое значение которого трудно переоценить (Кулаков, 1996б, с. 30, 31), должна была обладать не только сугубо прикладной функцией. Изображения на этих артефактах носят как эстетической, так и семантический характер. Этапы появления особого варианта наконечников ножен меча (Кауп, Франополь, Бургхольм) выглядят следующим образом:

1. К середине X в. в Скандинавии, Балтии и Восточной Европе в среде викингов распространяется серия достаточно стандартных наконечников «шведской группы» (по П. Паульсену). Генезис этой группы артефактов (рис. 2,1) заслуживает специального исследования, однако семантика изображения на этих наконечниках достаточно ясна: на них представлен образ «большого зверя», характерного для искусства последнего столетия эпохи викингов. Максимальный пафос обретают такие изображения, представленные в стиле Рингерике на штурмовых значках викингов XI в., времени заката славной эпохи морских воинов. На примере этого вексиллологического материала установлено тождество изображения «большого зверя» образу волка Фенрира, в день Рагнарек повергшего царя богов Одина (Кулаков, 1989, с. 68). Кроме «фоновой» семантики Рагнарека, с которым викинги могли сопоставлять каждый свой бой, могущий стать для них последним, изображение Фенрира на нижней оконечности ножен меча могла иметь особый смысл. Каждый раз, когда воин после схватки погружал свой клинок в ножны, он тем самым имитировал нанесение своим клинком, кеннинг которого звучал как «огонь Одина» (Младшая Эдда, с. 153), тех ударов, которыми «Отец побед» поражал Фенрира. Общеизвестно то, что меч наряду с копьем – обязательный атрибут владыки скандинавского пантеона. Стремясь по ножнам острием вниз, меч викинга тем самым как бы вонзался в тело фигурки Фенрира, представленного на наконечнике ножен меча как раз пастью вверх, навстречу острию меча. Таким образом реализовался феномен симпатической магии, где практическое действие имитировало и мистически воссоздавало процессы нетривиального уровня. Примеров подобной магии масса, один из наиболее известных – вращение молящимися буддистами цилиндра с написанными на нем молитвами (монг. «манигдонг»), что имитирует их прочтение и, что естественно для верующих, их магическую реализацию.

2. Параллельно с наконечниками «шведской группы», однако в гораздо меньшем числе в викингской среде южного берега Балтики в середине X в. распространяются наконечники ножен мечей с «языческой иконой» Одина (рис. 2: 3). Вскоре этот вариант канона начинает использоваться балтскими оружейниками (рис. 2: 5). Элемент изображения на этих арте-

фактах – треугольный торс Одина – появляется на наконечниках ножен меча с деградированным (укороченным) изображением Фенрира (рис. 2: 3). Таким образом мастера пытались изобразить ключевой для Рагнарека поединок Фенрира и Одина, смертельный для последнего. При этом образы мирового зверя и Царя богов, извечных противников в рамках индоевропейской мифологии, по принципу *pars pro toto* изображался лишь деталью их канонических изображений. Упомянутый выше эффект симпатической магии (мистическое поражение реальным острием меча пасти Фенрира) уже не принимался в расчет.

3. Итак, в третьей четверти X в., видимо, не без влияния традиций балтских мастеров складывается иконографическая схема, реализованная на наконечниках ножен мечей из Каупа (рис. 1: 3), Франополя (рис. 2: 4) и Бургхольма. Это изображение, значительно дистанцированное от своего прототипа на наконечниках «шведской группы», фактически превратилось в идеограмму. На ней нашли себе место предельно стилизованные тулова Фенрира и Одина, а также мистические существа (вороны или драконы), сопровождающие Отца побед и Владыку павших. Показательно, что эти мифологические персонажи были актуальны для викингов не только Скандинавии, но и Балтии. Это еще раз подчеркивает интернациональный характер дружинной культуры пруссов, фиксируемый уже на материале VII в. (Кулаков, 1995б, с. 105). Обращает на себя внимание уникальность находок на Каупе, во Франополе и Бургхольме. Возможно, эти наконечники вышли из одной мастерской, их находки в далеко отстоящих друг от друга пунктах маркируют те непростые пути, по которым вела прусских (?) дружинников их полная смертельных опасностей судьба.

Вся представленная трансформация одного из вариантов изображений на наконечниках мечей викингов произошла в пределах одного поколения и укладывается в пределах 950–975 гг. Полный распад схемы этого изображения зафиксирован на наконечнике из Гнэдова (вторая половина X – начало XI вв.), где уже отсутствует схематизированный образ Одина, а профильная голова Фенрира повернута не вверх, а вправо (Енисова, 1994, с. 107, рис. 15, а).

Количественно малая серия наконечников с «идеограммой» последней битвы Одина и Фенрира показывает поиски изобразительных образов мастерами, работавшими на закате эпохи викингов. Видимо, эти образы должны были отвечать потребностям эстетических и, что важнее, культовых запросов воинов полиэтнических дружин эпохи крушения священных идеалов язычества на широких просторах от Янтарного берега до Поднепровья. Нет сомнений в том, что это крушение казавшихся незыблемыми духовных устоев воспринималось современниками как земное отражение гибели богов в день Рагнарёк.

ЛИТЕРАТУРА

- Бліфельд Д.І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці, Київ.
Енисова Н.В., 1994. Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М.
Иоу А.В., 1993. Археалагічны комплекс X ст. каля вёски Франопаль // Берасцейшчына. Помнікі гісторыі і культуры Брэстчыны: праблемы вывучэння, аховы і выкарыстання. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі. Брэст.
Кулаков В.И., 1986. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов // Волжская Булгария и Русь. Казань.
Кулаков В.И., 1988. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // СА. № 3.
Кулаков В.И., 1989а. Кауп // Становление европейского средневекового города. М.
Кулаков В.И., 1989б. Знамена дружин Балтийского региона // СА. № 4.
Кулаков В.И., 1994а. Пруссы (V–XIII вв.). М.
Кулаков В.И., 1994б. Предшественники эмблемы Византии // Гербовед. № 5-6. М.

- Кулаков В.И., 1995а. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности, вып. 2. СПб.
- Кулаков В.И., 1995б. Прусская дружина в V–XII вв. // Элита и этнос средневековья. М.
- Кулаков В.И., 1996а. Трусо и Кауп (протогородские центры в земле пруссов) // РА. № 3.
- Кулаков В.И., 1996б. Военная магия мечей викингов // Артквадрат. № 1. Калининград.
- Кулаков В.И., 1999. Ирзекапинис // Stratum plus. № 5. СПб.; Кишинёв; Одесса.
- Кухаренко Ю.В., 1961. Средневековые памятники Полесья. М.
- Младшая Эдда. Л. 1970.
- Мурашова В.В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.
- Engel С., La Baume W., 1937. Atlas der Ost- und West-Preussischen Landesgeschichte, Bd. 2: Kulturen und Völker der Frühzeit in Preussenlande, Königsberg.
- Geibig A., 1991. Beiträge zur morphologisch Entwicklung des Schwertes im Mittelalter. Neumünster.
- Kazakevičius V., 1992. Sword chapes from Lithuania // Studia Baltica Stockholmiensia. Vol. 9. Stockholm.
- Kazakevičius V., 1998. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makštų galų apkalai) // Lietuvos archeologija. T. 15. Vilnius.
- Mühlen B., 1975. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Nr. 9.
- Nerman B., 1940. Birka. Bd. I. Die Gräber. Stockholm.
- Paulsen P., 1953. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart.
- Thunmark-Nylén L., 1998. Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. II. Typentafeln.
- Vaitkunskienė L., 1983. Skandinaviški elementai žemaičių kulturoje X-XI a. // Lietuvos istorijos metraštis 1982 metai, Vilnius.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 211. 2001 год.

С. Д. Захаров

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ¹

Одной из важных составных частей любого археологического комплекса, наряду с данными о характере, стратиграфическом и планиграфическом членении культурного слоя, является вещевая коллекция. Именно вещевой материал служит основой для решения большинства стоящих перед археологом задач, а точность и надежность выводов не в последнюю очередь зависит от количества обнаруженных находок. При этом количество и набор происходящих с памятника предметов обычно рассматривается как некая данность, как объективная реальность, адекватно отражающая все его особенности, и практически не ставится вопрос о том, какие коррективы в это распределение может вносить изменение применяемых при раскопках методических и технических приемов.

Более полное извлечение находок из культурного слоя возможно при использовании разных методов, среди которых в первую очередь необходимо назвать промывку и просеивание слоя на металлических ситах и промывочных столах. В полевой археологии этот метод известен давно. Он с успехом применяется при изучении памятников эпохи первобытности, а в последнее время получил признание и в средневековой археологии (Носов и др., 1995, с. 17; Френкель, 1997, с. 130). Однако большая трудоемкость подобных работ и отсутствие детальных публикаций не позволяют в должной мере оценить эффективность его применения.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 99-06-80177.

Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в ходе работ на городище Белоозеро и селище Минино в Вологодской обл. накоплен некоторый опыт промывки и просеивания культурного слоя средневековых поселений, дающий представление о преимуществах и недостатках этого метода.

Белоозеро – один из древнейших городских центров Северо-Восточной Руси. В 1949–1965 гг. Белозерской экспедицией под руководством Л. А. Голубевой на городище вскрыто около 5,5 тыс. кв. м. После реконструкции Волго-Балтийской водной системы значительная часть памятника была затоплена и началось продолжающееся до сих пор размывание культурного слоя. Поэтому основным содержанием возобновленных в 1990 г. исследований стал сбор подъемного материала. Среди применяющихся для этого разнообразных приемов наиболее результативной стала промывка перетолженного слоя на круглых металлических ситах с ячейкой 1 мм. Во многом благодаря ее применению вещевая коллекция, собранная на памятнике за 8 лет, насчитывает 10 987 находок.

К сожалению, провести детальное сравнение состава коллекций, найденных при раскопках и промывке культурного слоя Белоозера невозможно, поскольку часть полевых отчетов Белозерской экспедиции не содержит коллекционных описей, а в монографии Л. А. Голубевой (1973), ставшей основным источником информации о раскопках, для ряда находок цифровые данные не приведены. С другой стороны, невозможно определить и разницу в количестве находок на единицу площади или объема культурного слоя, поскольку точную площадь, с которой происходит подъемный материал, установить нельзя. И все же некоторое представление об эффективности использования промывки может дать анализ количества вещей по категориям находок.

Всего в материалах из раскопок и промывки представлено более 210 категорий индивидуальных находок. Из них в 47 категориях обнаруженные при промывке находки численно преобладают над аналогичными вещами, найденными при раскопках. В 27 категориях – соотношение обратное. Для 21 категории цифры примерно равны (наиболее многочисленные категории находок приведены в табл. 1). 39 категорий находок встречены только при промывке, 28 – только при раскопках. По 50 категориям данные о количестве находок в раскопках отсутствуют.

Рассматривая эти цифры, необходимо иметь в виду, что отсутствие или малое количество ряда категорий находок в промывке обусловлено хронологическими причинами. Современная береговая линия лишь на отдельных участках затрагивает культурные напластования раннего времени. Вместе с тем, при анализе табл. 1, некоторые закономерности прослеживаются достаточно явно. В раскопках значительно преобладают крупные и легко находимые вещи – фрагменты амфор, грузила, зубила, шиферные пряслица. При промывке больше найдено мелких и средних по размерам вещей. Особенно показательно соотношение количества пломб, печатей, деталей поясного набора, нательных крестов, энколпионов, монет, перстней из цветных металлов, стеклянных бус, кольчужных колец. Таким образом, даже неполный анализ результатов раскопок и промывки культурного слоя Белоозера выявляет значительные преимущества использования промывки не только по количеству находок, но и их категориальному разнообразию.

Более детальная информация получена при раскопках поселения Минино I, в ходе которых осуществляется масштабная промывка и просеивание культурного слоя. В течение пяти сезонов в пяти раскопках общей площадью 234 кв. м был вскрыт культурный слой толщиной от 0,4 до 0,8 м. Минино – многослойный памятник, имеющий сложную структуру. Средневековая часть слоя представляет собой темно-серую супесь, интенсивно

Таблица 1. Вещевые коллекции, полученные при раскопках и промывке культурного слоя Белоозера*.

Категория находок		Раскопки 1949-65 гг.	Работы 1990-97 гг.
преобладают в подъемном материале	Пломбы свинцовые	2	75
	Кольчужные кольца	1	23
	Детали поясного набора (пряжки, накладки, наконечники)	8	124
	Денарии, дирхемы	2	26
	Подвески крестоспиральные	-	11
	Застежки книжные	-	11
	Подвески шумящие плоские и объемные	1	9
	Печати свинцовые	1	8
	Металлические наконечники каменных крестов	-	7
	Подвески-топорики	-	6
	Гирьки весовые	-	6
	Энколпионы	4	21
	Кресты из цветного металла, камня, глины, кости	34	174
	Перстни из цветного металла	36	184
	Подвески зооморфные плоские и объемные	6	26
	Бусы стеклянные	892	3378
	Фрагменты поливных глиняных сосудов	19	67
	Ножи железные	313	989
	Пряжки железные	18	56
	Иконки из цветного металла, камня	3	9
примерно равны	Браслеты из цветного металла	32	93
	Яйца-писанки	6	17
	Перстни стеклянные	52	147
	Спицы от прялок	7	10
	Гривны	4	5
	Кресала	23	26
	Серпы	8	8
	Браслеты стеклянные	613	600
преобладают в раскопках	Светцы	17	14
	Бубенчики	18	14
	Грузила от вертикальных ткацких станков	34	-
	Наконечники стрел костяные	17	-
	Игрушки глиняные	13	1
	Грузила рыболовные	234	30
	Зубила	13	2
	Фрагменты амфор	479	74
	Втоки	5	-
	Ложки роговые	10	2
	Расчески и гребни	155	33
Тигли	25	8	
Фрагменты стеклянных сосудов	56	18	
Пряслица каменные	679	261	

*Учтены как целые предметы, так и их обломки.

насыщенную печными камнями, фрагментами печной обмазки, костями животных и рыбы.

Хорошая сохранность культурного слоя предполагала особое отношение к качеству проведения полевых работ. Раскопки велись по пластам толщиной 0,1 м. Культурный слой разбирался лопатами и совочками, горизонтальными зачистками толщиной 1–2 см, с последующей переборкой

Таблица 2. Качество и производительность работ при использовании разных способов промывки и просеивания.

Метод работы	Среднее количество		Средние показатели	
	находок из 100 литров грунта	литров грунта на человека в день	качество	производительность
Промывка на промывочном столе	4,8	120	1	1
Промывка на больших ситах с ячейей 2-4 мм	3,4	350	0,72	2,92
Промывка на круглых ситах с ячейей 1 мм	3,4	65	0,72	0,54
Просеивание на больших ситах с ячейей 3-5 мм	2,7	340	0,57	2,83

руками. Места скопления печных камней, занимавших значительную часть площади раскопов, разбирались совочками и ножами с ручной переборкой. После переборки часть земли промывалась и просеивалась, остальная – пробрасывалась через металлические сетки с ячейей 1,5 x 2 см. При этом на всех этапах ставилась задача повышения в первую очередь качества, а не скорости проведения работ.

Необходимо подчеркнуть, что земля для промывки и просеивания бралась только после ручной переборки. Промывка велась несколькими способами. В 1996–1998 гг. для этого применялись круглые сита с ячейей 1 мм, опробованные на Белоозере. В 2000 г. промывка велась на больших прямоугольных ситах размерами 1 x 0,5 м, на которые натягивалась металлическая сетка с ячейей от 2 до 4 мм. Просеивался слой на таких же ситах, но с более крупной ячейей – от 3 до 5 мм. В 1999–2000 гг. помимо сит использовался промывочный стол, представлявший собой наклонную плоскость с бортиками, на которую непрерывно подавалась регулируемая струя воды. Примерная оценка производительности и качества работы при использовании этих способов представлена в табл. 2.

При работе на ситах производительность труда во многом зависела от опыта рабочих и состава грунта. Наличие опыта оказывало существенное влияние и на качество работы. В контрольной промывке из одинакового объема земли рабочие, в течение нескольких сезонов работавшие на Белоозере, извлекли в два раза больше находок, чем их менее опытные коллеги. При работе на промывочном столе наличие или отсутствие опыта практически не влияло на качество и скорость работы. Вероятно поэтому на промывочном столе получены наилучшие показатели качества промывки. Однако наиболее производительным и наиболее оптимальным по соотношению качество – скорость работы, стала промывка на больших ситах с ячейей 2–3 мм. Близкую скорость удалось достичь и при просеивании грунта, но качество работы здесь оказалось наихудшим. Отмечены случаи пропуска крупных находок, поскольку даже при небольшой влажности земля на сите начинает скатываться в комки, налипать на камни и находки. Это обстоятельство, особенно при наличии мелких камней в культурном слое, существенно затрудняет поиск находок.

Всего в Минино было промыто и просеяно 28 372 литра культурного слоя. Промывке подвергалась только средневековая часть слоя. Тем не менее, в первые годы раскопок из-за значительной трудоемкости процесса, она велась не во всех пластах. Лишь в 1999–2000 гг., благодаря использованию больших сит и промывочных столов, удалось в той или иной мере охватить всю толщу средневековых напластований. Результаты работы

Таблица 3. Сведения о промытой и просеянной части культурного слоя селища Минино I.

Раскоп, год	Площадь (кв. м)	Всего в промываемых пластах			Всего в промывке				Доля промытой земли в общем объеме промываемых пластов (%)	Доля находок из промывки в общей коллекции находок из промываемых пластов (%)
		литров	находок*	плотность находок (штук на 100 л. слоя)	литров	находок	литров на находку	литров на находку с учетом плотности находок		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1-1996	60	19530	383	2	1266	58	21,8	10,8	6,5	15,1
2	6	1955	76	3,9	478	45	10,6		24,5	59,2
1-1997	32,5	13890	425	3,1	2665	149	17,9	17,4	19,2	35,1
1-1998	32	17360	334	1,9	2822	94	30		16,3	26,1
3	30	17900	940	5,3	2293	221	10,4		12,8	23,5
4	30	13020	399	3,1	2516	89	28,3	34,4	19,3	22,3
1-2000	33,5	17900	718	4	12743	416	30,6		71,2	57,9
5	10	5425	292	5,4	3589	131	27,4		66,2	44,9
Всего	234	106980	3567	3,3	28372	1203	23,6	25,6	26,5	33,7

*Учтены все находки.

отражены в табл. 3. Для получения более объективной картины в нее включены сведения только о тех пластах, из которых бралась земля для промывки, но полученная выборка является достаточно представительной: из этих пластов происходит более 94% всех находок. Расчет общего объема земли (стлб. 3) основан на предположении о том, что объем пласта толщиной 10 см на площади в 1 кв. м равен 100 литрам. При этом был введен поправочный коэффициент, учитывающий две разнонаправленные тенденции – увеличения объема земли при рыхлении (объем возрастает на 18–20%) и уменьшения объема при извлечении печного камня, занимающего в слое от 6 до 11%.

В табл. 3 наиболее интересные данные содержатся в столбцах 8–11. Важны цифры, показывающие сколько промытых литров грунта приходится на одну находку (стлб. 8). Это значение, с учетом насыщенности слоя находками (стлб. 5), позволяет судить о качестве раскопок. Действительно, чем меньше плотность находок в слое и выше качество раскопок, тем больше литров грунта необходимо промыть для получения одной находки. Если ввести поправочный коэффициент, учитывающий плотность находок, то все раскопы по этому показателю разделятся на три группы (стлб. 9). В группе А (раскопы 1-1996 г. и 2) он равен 10,8 литрам, в группе Б (раскопы 1-1997 г., 1-1998г. и 3) – 17,4, в группе В (раскопы 1-2000 г., 4 и 5) – 34,4. Поэтому можно утверждать, что наиболее качественно полевые работы проведены на раскопах группы В, где учитывался опыт предшествующих лет и велась масштабная промывка слоя, а наименее качественно – на раскопах группы А, где большая часть рабочих впервые принимала участие в раскопках.

Приведенные сведения необходимо учесть при рассмотрении рис. 1, на котором в виде точечной диаграммы представлено соотношение объема промытой земли и количества находок, происходящих из него (стлб. 10 и 11 табл. 3). Выбранный способ представления данных позволяет построить линии тренда для выделенных групп раскопов и предсказать их поведение, вычисляя предполагаемые значения переменных на основе уже известных

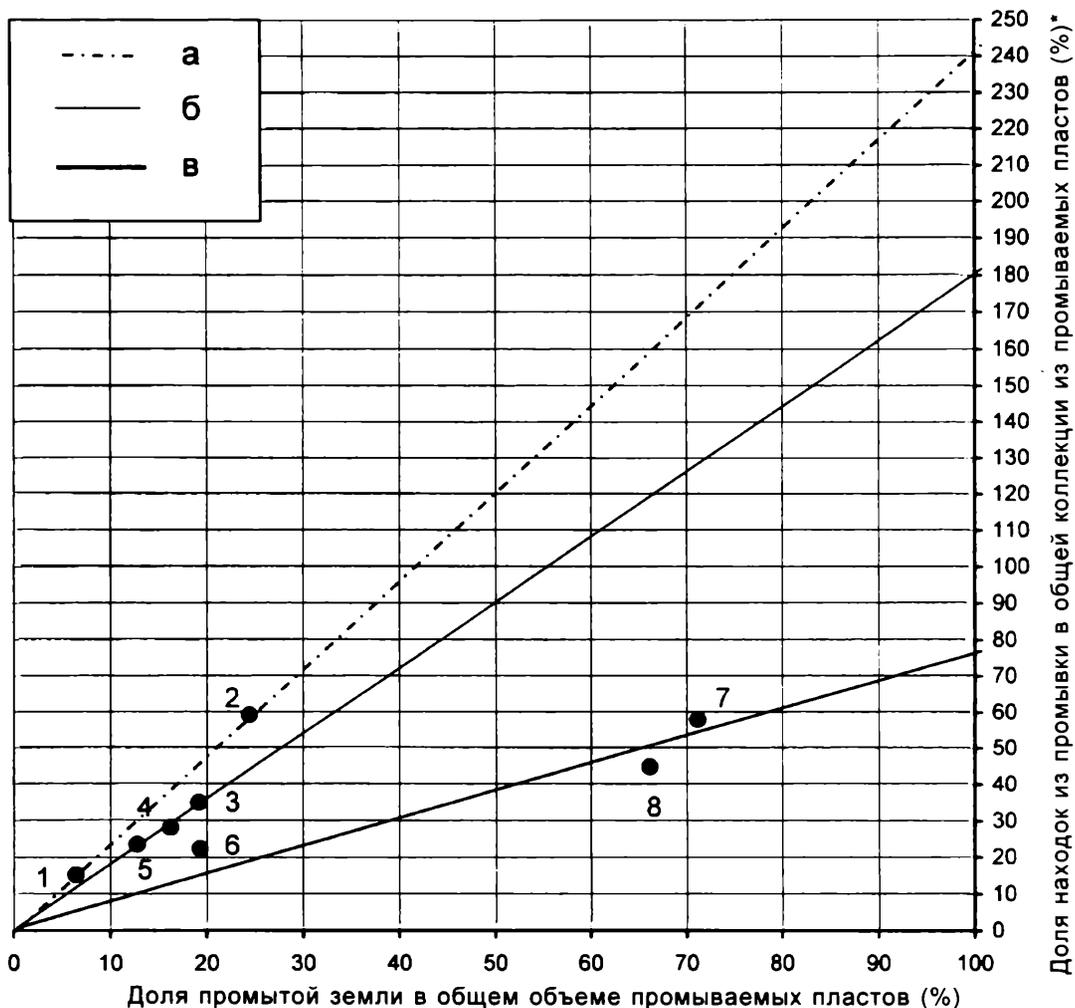

Рис. 1. Расчет количества находок, которые можно получить при промывке и просеивании всего объема средневекового культурного слоя селища Минино I.

Реальные показатели по раскопам: 1 – 1-1996 г.; 2 – 2; 3 – 1-1997 г.; 4 – 1-1998 г.; 5 – 3; 6 – 4; 7 – 1-2000 г.; 8 – 5. Расчетные линии тренда по группам: а – А ($R^2 = 0,999$); б – Б ($R^2 = 0,975$); в – В ($R^2 = 0,843$).

*За 100% принято реальное количество находок, полученных из подвергавшейся промывке и просеиванию части культурного слоя.

величин.² Кроме того, используя показатель определенности³, можно оценить степень достоверности построенных графиков.

Полученные графики важны тем, что они позволяют определить количество находок, которое можно получить при промывке всего культурного слоя. Иными словами, возможно оценить количество находок, попадающих в отвалы при отсутствии промывки. Основываясь на результатах работы в Минино, можно утверждать, что в случае промывки всего слоя, доля находок из промывки, принимая за 100% общее количество реально

² Линии тренда рассчитаны по арифметической формуле, которая используется для аппроксимации данных по методу наименьших квадратов в соответствии с уравнением: $y=mx+b$, где m – угол наклона и b – координата пересечения оси абсцисс.

³ Показатель определенности, или R^2 – это число от 0 до 1, которое отражает близость значений линии тренда к фактическим данным. Чем больше величина этого показателя, тем достовернее линия тренда.

Таблица 4. Вещевая коллекция, полученная при промывке и просеивании культурного слоя селища Минино I*.

Названия находок	Количество находок (категорий) из промывки	Доля в составе коллекции из промывки (%)	Общее количество находок (категорий) в промываемых пластах*	Доля находок из промывки в общем количестве находок в промываемых
1	2	3	4	5
Изделия из стекла	529 (6)	44,0	926 (7)**	57,1
Фрагменты сосудов	1	0,1	3	33,3
Бусы	503	41,8	890	56,5
Неопределимые предметы	22	1,8	27	81,5
Перстни	1	0,1	1	100
Вставки	2	0,2	2	100
Изделия из цветного металла	285 (31)	23,7	848 (57)	33,6
Крестики	1	0,1	12	8,3
Кольца	1	0,1	11	9,1
Фрагменты сосудов	13	1,1	67	19,4
Бляшки нашивные	1	0,1	5	20
Бубенчики	3	0,2	15	20
Накладки ременные	3	0,2	15	20
Перстни	7	0,6	35	20
Предметы неясного назначения	6	0,1	24	25
Накладки на различные предметы	1	0,1	4	25
Язычки пряжек	2	0,2	7	28,6
Пластины	86	7,1	260	33,1
Гривны	1	0,1	3	33,3
Привески объемные	4	0,3	12	33,3
Шлак	1	0,1	3	33,3
Височные кольца	11	0,9	32	34,4
Пронизки спиральные	11	0,9	31	35,5
Денарии, дирхемы	4	0,2	11	36,4
Выплески металла	12	1	31	38,7
Заклепки от сосудов	15	1,2	36	41,7
Бусы	1	0,1	2	50
Обоймицы от ножей	1	0,1	2	50
Колечки-пронизки	36	3	67	53,7
Цепочки	15	0,9	22	68,2
Проволока	31	2,6	45	69
Пуговицы	9	0,7	13	69,2
Обломки украшений	8	0,6	8	100
Шпенек	1	0,1	1	100

*Учтены как целые предметы, так и их обломки.

**Учтены все находки из этого материала.

***Учтены и находки, происходящие из промывки.

Таблица 4 (окончание).

1	2	3	4	5
Изделия из железа	351 (20)	29,2	1316 (43)	26,7
Замки	2	0,2	27	7,4
Дужки котлов, ведер	1	0,1	12	8,3
Ключи	1	0,1	9	11,1
Гвозди	13	1,1	113	11,5
Клинья	7	0,6	59	11,9
Ножи	28	2,3	201	14
Топоры	2	0,2	10	20
Кольца	2	0,2	10	20
Скобы	11	0,9	48	22,9
Предметы неясного назначения	62	0,2	192	32,3
Накладки на различные предметы	1	0,1	3	33,3
Трубочки	1	0,1	3	33,3
Пластины	99	8,2	285	34,7
Шилья	13	1,1	37	35,1
Крючки рыболовные	6	0,5	16	37,5
Иглы	87	7,2	184	47,3
Язычки от пряжек	3	0,2	6	50
Кольчужные кольца	3	0,2	4	75
Проволока	9	0,7	12	75
Изделия из камня	11 (3)	0,9	102 (8)	10,8
Пряслица	3	0,2	33	9,1
Оселки	5	0,4	46	10,9
Бусы	3	0,2	9	33,3
Изделия из кости и рога	19 (5)	1,6	238 (9)	8
Заготовки, отходы производства	8	0,7	130	6,2
Наконечники стрел	1	0,1	12	8,3
Подвески из костей бобра	1	0,1	11	9,1
Гребни и расчески	4	0,3	30	13,3
Поделки, неопределимые предметы	5	0,4	29	17,2
Изделия из глины	8 (5)	0,7	137 (10)	5,8
Грузила рыболовные	1	0,1	37	2,7
Тигли	1	0,1	24	4,2
Поделки	3	0,2	40	7,5
Фрагменты красноощенных сосудов	1	0,1	11	9,1
Фр-ты печной обмазки с отпечатками	2	0,2	8	25
Всего	1203 (70)	100	3567 (141)	33,7

найденных вещей, увеличится в группе В до 76%, Б – до 180%, а в группе А – до 242 %. Другими словами, при отсутствии промывки в отвалы уходит от 56,6 (группа В) до 79,4% (группа А) всех находок, содержащихся в культурном слое. При этом степень достоверности расчетов колеблется от 0,84 до 0,99. Чрезвычайно важно отметить близость расчетной величины для группы В с реально полученной в 2000 г, когда удалось полностью промыть и просеять три пласта культурного слоя в раскопе 1 и два пласта в раскопе 5. В них на долю вещей из промывки и просеивания приходится 55% всех находок.

Выявленное соотношение касается главным образом количества, а не качества вещей. В отвалы чаще попадают небольшие по размерам находки и обломки предметов. Вместе с тем, среди крупных вещей, обнаруженных при промывке слоя в Минуно, есть целые ножи, гвозди, клинья, височ-

ные кольца, а ценность многих находок определяется не только их размерами, или степенью сохранности. С другой стороны, совершенно очевидно, что количество и размер попадающих в отвал предметов напрямую зависят от качества проведения полевых работ. Можно выделить три основных фактора, влияющих на этот показатель: скорость работы на раскопе, использование приспособлений для просеивания слоя, квалификация рабочих. Но и наиболее оптимальное сочетание этих факторов не может полностью исключить пропуск находок. Их число в отвале, как показывают наблюдения, увеличивается в конце рабочего дня, когда понижается уровень внимания, при плохих погодных условиях, когда падает освещенность или снижается температура, при наличии большого количества обгоревших вещей.

В Минино благодаря промывке получено почти 34% всех находок. Состав этой коллекции отражен в табл. 4, где находки объединены в группы по материалам и ранжированы по их доле в общем наборе вещей. Наиболее многочисленна группа изделий из стекла. В ней присутствуют все категории встреченных в Минино стеклянных находок, кроме пуговиц, а вставки и перстень обнаружены только благодаря промывке. Самая массовая категория – бусы. Из промывки происходит 41,8% всех бус. На втором месте по численности стоит группа изделий из цветных металлов. Она охватывает всего 31 из 57 выявленных при раскопках категорий вещей. Однако отсутствующие в промывке находки представлены в общей коллекции лишь единичными вещами – на их долю приходится менее 9% всех находок из цветного металла. При промывке найдено много пластин, фрагментов проволоки, колечек-пронизок. Для восьми видов находок она дала половину и более общего количества вещей. Железные находки представлены 20 из 43 зафиксированных категорий. Доля отсутствующих составляет около 4%. Обнаружено большое количество игл, пластин, разнообразных предметов, ножей. Важна находка трех из четырех зафиксированных в Минино кольчужных колец. Реже всего в отвал попадали изделия из камня, кости и рога, глины.

Рассматривая в целом собранную при промывке коллекцию вещей, необходимо отметить, что по количеству и разнообразию представленных категорий она вполне сопоставима с результатами масштабных раскопок многих древнерусских поселений. При этом важно помнить, что данные находки получены при промывке лишь четверти объема отвалов с раскопов общей площадью 234 кв. м, работа на которых велась с весьма высоким уровнем качества. О качестве раскопок можно судить уже по общим размерам вещевой коллекции – самой большой из собранных на древнерусских селищах за всю историю их раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

- Голубева Л.А., 1973. Вещь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.
Носов и др., 1995. Носов Е.Н., Горюнова В.М., Дорофеева Т.С., Плохов А.В., Хвошинская Н.В., Янссон И., 1995. Исследования Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции). Вып. 9. Новгород.
Френкель Я.В., 1997. Стеклянные бусы Сясьского городища (раскопки 1987–89 и 1996–97 гг.) // Ладога и религиозное сознание. СПб.

И. Е. Зайцева

ПОГРЕБЕНИЯ В ДЕТИНЦЕ СЕРЕНСКА

В ходе многолетних исследований детинца древнерусского города Серенска (Калужская обл., Мещовский район; площадь детинца 2500 кв. м, раскопано 1600 кв. м) на всех участках его площадки в слое были обнаружены многочисленные разрозненные человеческие кости. Наряду с ними были открыты и целые погребения. Автор раскопок Т. Н. Никольская в своих публикациях подчеркивала, что все эти останки принадлежат жителям Серенска, погибшим в 1238 г. в результате разгрома города татаро-монголами и похороненным прямо среди городской застройки (Никольская, 1981, с. 140; 1986, с. 50). Этой же точки зрения придерживалась и Г. К. Патрик, изучавшая систему застройки и планировки Серенского детинца и полагавшая, что погребения совершались вдоль стен сгоревших домов (Патрик, 1974, с. 24).

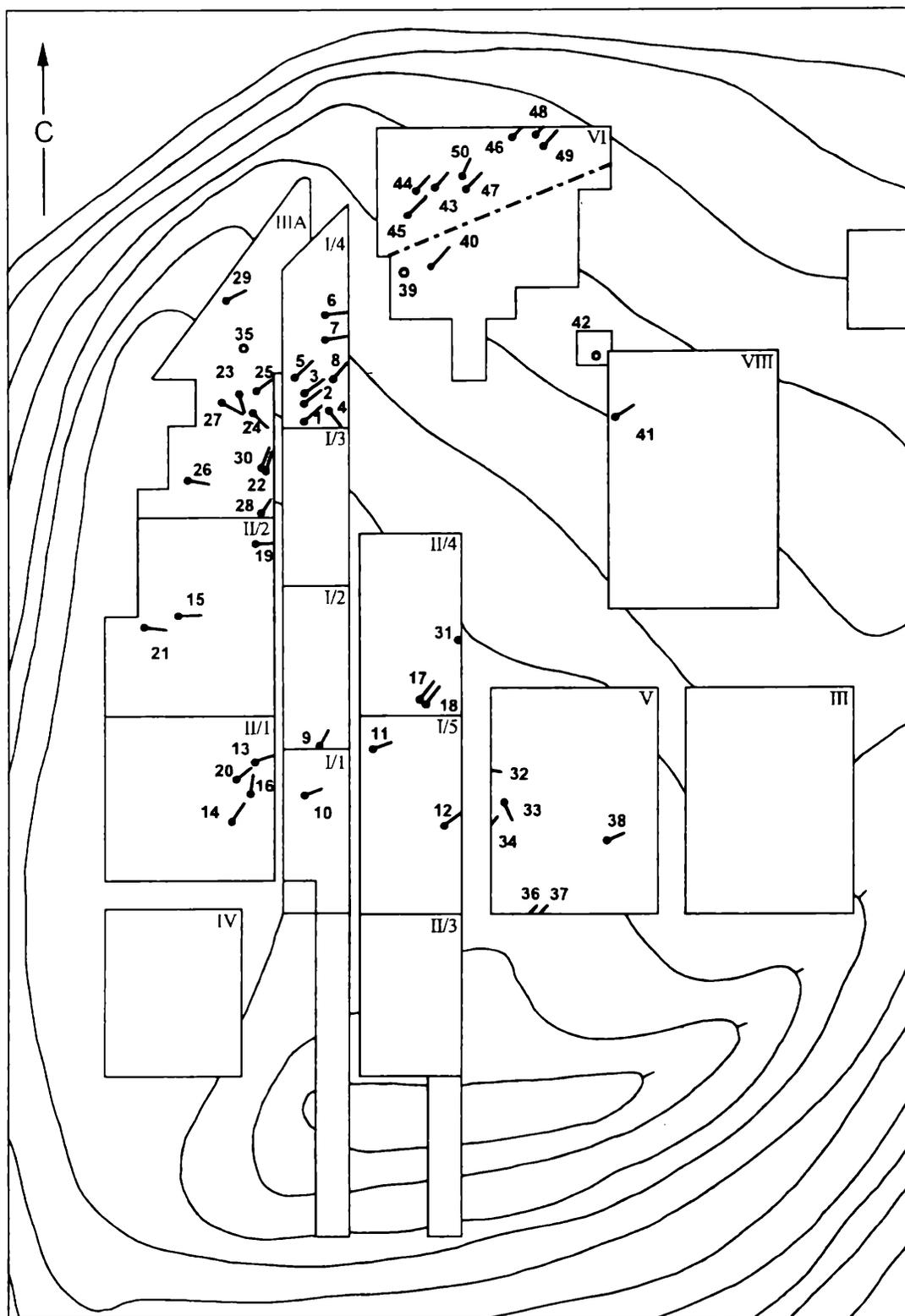
Между тем, работа по составлению плана 50 сохранившихся *in situ* погребений и их частей показывает, что такие захоронения имеются только в западной половине детинца. В его восточной части не выявлено ни одной полностью сохранившейся ингумации (рис. 1). Анализ стратиграфического положения погребений, проведенный по имеющейся полевой документации, а также наблюдения Т. В. Равдиной, руководившей работами на ряде раскопов, где было открыто значительное количество погребений, изложенные ей в полевом дневнике и тексте Отчета (Никольская, 1967, с. 27–30), тоже свидетельствуют о том, что эти погребения – не результат бессистемных захоронений погибших людей. Они производились на специально отведенных для этих целей участках и образуют кладбища. Погребения совершались не одновременно и могут быть отнесены к нескольким хронологическим периодам.

Наибольшее количество погребений (42; на рис. 1 – № 1–42) относится к грунтовому могильнику, функционировавшему на возвышенной площадке над р. Сереной до начала строительства крепости Серенск (могильник 1). Несколько костяков действительно можно связать с разгромом города татарами в 1238 г.: они принадлежали спрятавшимся в своих домах и погибшим там людям. Еще 8 компактно расположенных погребений (на рис. 1 – № 43–50) перекрывали сооружения второй половины XIII – начала XIV вв. (могильник 2).

Рассмотрим более подробно выделенные группы.

Могильник 1. Находится в западной половине площадки детинца. Погребения располагаются вдоль северо-западного и юго-западного краев площадки. Очевидно, что сохранившиеся 42 погребения составляют только часть некрополя. Только на этом участке в слое обнаружены целые семилопастные кольца или их крупные фрагменты, возможно, происходящие из разрушенных погребений. На остальной территории площадки детинца найдены лишь мелкие обломки этих украшений.

В северо-западной половине могильника хорошо видна рядность в расположении погребений в направлении север – юг с небольшим отклонением к западу. Ни одно захоронение не перекрывает другое. Все погребения

- - погребение
- - фрагменты погребения in situ
- - - граница позднего кладбища

Рис. 1. Серенск. План погребений.

бения за исключением трех случаев одиночные. Есть два парных детских захоронения и совместное погребение женщины с девочкой.

Захоронения были совершены на поверхности материка (12 погребений; 28, 6%) или в неглубоких ямах, вырытых в мощинском слое и материке. Судя по профилям раскопов, глубина могильных ям от материка составляла 10–40 см. Только одно парное погребение двух девочек (№ 22 и 30) находилось в яме глубиной 60 см. Заполнение могильных ям – смесь материкового песка с серым мощинским слоем без примеси слоя древнерусского времени (Никольская, 1967, с. 43). Часть скелетов потревожена столбовыми ямами или обрезана фундаментами построек, в том числе относящимися к самому раннему строительному горизонту середины – второй половины XII в. Например, нижняя половина погребения 33 уничтожена стеной сооружения 5 раскопа 5 (1 строительный горизонт; Зайцева, 1997, с. 102), погребения 14 и 16 перекрыты каменным фундаментом постройки 12 раскопа 2 (2 строительный горизонт).

Остатков гробов не обнаружено, только в двух случаях (№ 16 и 39) можно предполагать их наличие, так как костяки находились в слое древесного тлена и интенсивного гумуса. Преобладает юго-западная ориентировка (23 человека; 54,8%), головой на запад лежали 8 погребенных (19%), в 5 случаях засвидетельствована северо-западная ориентировка (12%), положение трех неизвестно (№ 36–37, 42), от одного погребения открыт только череп, уходящий в бровку (№ 31) и два (№ 35, 39) были разрушены постройками и сохранилось во фрагментах. Сохранившаяся полевая документация позволяет с уверенностью локализовать эти погребения в местах их обнаружения. Еще два фрагментированных погребения расчищены на раскопе 5 в углубленной части постройки 2 середины XII – первой трети XIII в., но судить с определенностью, относились ли они к могильнику и были разрушены этой постройкой, или это остатки прятавшихся в подвале людей и погибших там в 1238 г., затруднительно, поэтому в общей нумерации погребений они не представлены.

Все погребенные, за исключением двух, располагались вытянуто на спине. У большинства руки – одна или обе – были сложены, только в трех случаях засвидетельствовано вытянутое положение обеих рук.

Два скелета лежали скорченно на правом боку. Один принадлежал ребенку и был без инвентаря (№ 3), другой – женщине 20–22 лет, имевшей украшения, но без набора лопастных колец (№ 15). По наблюдениям А. П. Моци, отдельные скорченные погребения встречаются на древнерусских некрополях среди обычных ингумаций. Однако, какие-либо закономерности в их расположении на площадках могильников не выявляются (Моця, 1987, с. 89–90). Исследователь считает такие погребения захоронениями волхвов, которых хоронили в мешках или с подрезанными подколенными жилами (Моця, 1987, с. 91). В. П. Даркевич полагает, что наличие скорченных детских захоронений свидетельствует против данной гипотезы (Даркевич, Борисевич, 1995, с. 359).

Распределение погребенных по половозрастным признакам следующее (данные об антропологических определениях взяты из отчетов Т. Н. Никольской): детские – 16 (38%), женские (определенные или имеющие женский инвентарь) – 11 (26,2%), мужские определенные – 3. Остальные 9 полностью раскрытых погребений были безынвентарными и, скорее всего, принадлежали мужчинам (21,4%). Такое процентное соотношение погребений по полу и возрасту обычно для древнерусских некрополей (Макаров, 1997, с. 131) и также может служить доказательством ординарности серенского грунтового могильника.

Инвентарь погребений могильника довольно единообразен. Мужские захоронения были его, как правило, лишены. Только в двух погребениях

(№ 8 и 28) находилось по одному перстнеобразному колечку-серьге у черепа. Над костями бедер одного из погребенных (№ 28) обнаружено 11 железных криц, но, я полагаю, они не имели к умершему никакого отношения и относились к более поздней металлообрабатывающей мастерской.

Безынварными были и 7 детских захоронений (у одного из них верхняя часть костяка не сохранилась), три сопровождалась типичными вятичским женским инвентарем, остальные шесть содержали небольшое число украшений, чаще всего одно-два перстнеобразных височных кольца. В одном погребении девочки (№ 14) в ожерелье со стеклянными бусами находился бронзовый крестик с квадратным средокрестием и шариками на концах. В ногах еще одного ребенка (№ 24) – железный томар.

Среди определенных женских погребений только одно оказалось безынварным (беременная женщина, № 21), остальные имели наборы семилопастных (63,6%) и перстнеобразных (27%) височных колец, стеклянные бусы (45,5%), решетчатые перстни (45,5%), витые браслеты (27%).

В двух женских и одном детском (девочка) погребениях находились шиферные пряслица. Еще в одном 4 бронзовых пуговицы и щелевидный бубенчик.

Рассмотрим более подробно инвентарь женских и детских погребений.

Височные кольца. Семилопастные височные кольца сопровождали 10 погребенных. В трех детских захоронениях это были небольшие по размеру кольца XIV (2 погребения, 2 экз.), III и V типов (1 погребение, 3 и 1 экз.) по Т. В. Равдиной (Равдина, 1968, с. 136 и др.) в количестве 1–4 экземпляров. В женских погребениях число колец колебалось от 3 до 8. По типам они подразделяются так: III тип – 1 погребение 1 экз., IV тип – 1 погребение, 1 экз., V тип – 6 погребений, 16 экз., VI тип – 6 погребений, 13 экз., неизвестно – 5 экз. Одно кольцо было сделано из дужки сломанного семилопастного с одним боковым колечком (№ 26).

Перстнеобразные кольца обнаружены в 8 погребениях в количестве 13 экз. по 1–3 экз. в погребении. В четырех случаях они найдены вместе с семилопастными. Перстнеобразные кольца тонкопроволочные, имеют заходящиеся или сомкнутые концы. У двух колец конец загнут в виде петли, на двух сохранились незначительные фрагменты металлических бусин. Еще одно сделано из обломка витого браслета.

Браслеты. Всего найдено восемь браслетов в 7 погребениях. Один – пластинчатый загнутоконечный, остальные витые: из трех проволок – 2 экз., из 4 проволок – 2 экз., два на три – 2 экз., три на три – 1 экз.

Перстней обнаружено 12 в 8 погребениях. Из них: решетчатых 7 экз., ложнозерненных – 2 экз., витой два на три с раскованными концами – 1 экз., рубчатый – 1 экз., неизвестный – 1 экз.

Бусы стеклянные найдены в 7 погребениях. Ожерелья, как правило, содержали небольшое их количество: 2–6 экземпляров. Только в двух случаях (№ 2, 30) зафиксировано 15 и 18 бусин. В состав последнего ожерелья входили еще три раковины каури. Наибольшим числом экземпляров представлены бусы рыбовидной формы черного и фиолетового цветов и зонные: голубые, фиолетовые, желтые и бирюзовые. По одному экземпляру встречены желтая шарообразная, зеленая бипирамидальная, черная с валиками и зигзагообразным узором, фиолетовая цилиндрическая бусы. Найдены две бусины эллипсоидные черные гладкие с полихромной инкрустацией. Каменных бус довольно мало: хрустальные шарообразные – 7 экз. из двух погребений, сердоликовые бипирамидальные – 4 экз. из одного погребения.

Однотипность и малый ассортимент погребального инвентаря женских захоронений свидетельствуют о небольшом временном промежутке, в течение которого эти погребения были совершены. Сочетание типов семилопастных височных колец может быть датировано по Т. В. Равдиной первой

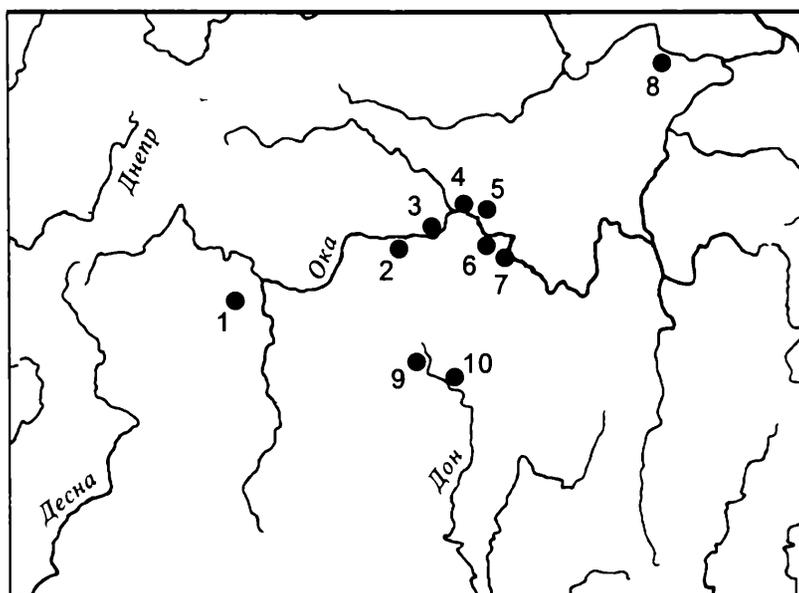

Рис. 2. Грунтовые погребения на территории средней полосы России.

1 – Серенск, 2 – Колтово, 3 – Белые Колодези, 4 – Коробчеево, 5 – Маливо, 6 – Романово-Борисоглебское, 7 – Окаемово, 8 – Ярополч, 9 – Бутырки, 10 – Кикина Протока.

половиной – серединой XII в. Надо отметить, что в культурном слое детинца встречены обломки семилопастных колец поздних типов, тем не менее, в исследованных погребениях они не представлены ни разу. Этому не противоречит и датировка стеклянных бус (Колчин, 1982, с. 167–169). Вещей с датой в пределах XI – начала XII вв. среди погребального инвентаря нет. Стратиграфическое положение захоронений грунтового могильника не позволяет датировать их временем позже середины XII в. Очевидно, их следует отнести к первой половине этого столетия.

Исследованный могильник является кладбищем сельского вятичского поселения, местонахождение которого указать в настоящее время довольно сложно. Т. В. Равдина предполагала, что оно могло располагаться на месте позднейшего посада Серенска (дневниковые записи). Из слоя западной половины детинца происходит определенное количество фрагментов керамики, относимых Г. П. Смирновой (Никольская, 1980, с. 16 и др.) и И. В. Болдиным к XI–XII вв., и предметов XI – первой половины XII вв. (например, ключи и замок типа А (Никольская, 1986, с. 49), широкосрединный кованый перстень с чеканным орнаментом (концы обломаны), однако выраженного культурного слоя этого времени пока зафиксировать не удалось.

На сегодняшний день сельские грунтовые могильники домонгольского времени в лесной зоне средней полосы России практически неизвестны. Мы имеем данные только о трех таких памятниках (рис.2). Так, А. Л. Монгайтом в западной части площадки Романово-Борисоглебского городища (р. Ока) выявлено несколько труположений в грунтовых ямах. При одном из умерших находились бронзовое семилопастное височное кольцо и витой браслет. Погребения датируются автором раскопок XII–XIII вв. (Монгайт, 1961, с. 199; АКР, 1993, с. 138–139). Исследователь полагает, что в древнерусскую эпоху это поселение имело городской характер (Монгайт, 1961, с. 199), а потому открытый некрополь мог быть городским кладбищем.

Второй такой некрополь открыт на Оке ниже Коломны в с. Маливо (Самошин, 1998, с. 11–15). Здесь исследовано три погребения (одно из них конское), в одном из которых находились многочисленные женские вятич-

ские украшения: семилопастные височные кольца, витая гривна, витые петлеконечные браслеты, решетчатые перстни, шаровидные линейнопрорезные бубенчики. С. И. Самошин относит захоронения к концу XII – первой половине XIII вв. (Самошин, 1998, с. 15).

Еще один грунтовый могильник исследован в северо-западной части площадки детинца города Ярополча (71 погребение). Здесь в женских захоронениях находились перстнеобразные височные кольца с заходящими концами, рубчатый перстень, один шиферный нательный крестик, в мужских – пуговицы от рубах. М. В. Седова датирует могильник XI – началом XII вв. и считает его кладбищем сельского поселения, существовавшем до постройки города Ярополча (Седова, 1978, с. 69).

В разных местах долины р. Оки зафиксированы отдельные грунтовые погребения с инвентарем, обнаруженные чаще всего при случайных обстоятельствах. При этом данные о наличии курганной насыпи отсутствуют. Так, на селище Колтово открыто погребение с витой шейной гривной, пластинчатым браслетом и золотостеклянными бусами (АКР, 1997, с. 68). Погребение с перстнем обнаружено в местечке Белые Колодези (АКР, 1997, с. 125–126). При расчистке ямы среди шахт старых каменоломен рядом с городищем Коробчеево обнаружена верхняя половина женского погребения, относимого М. В. Талицким к XII–XIII вв. (Талицкий, 1941, с. 64). Рядом с селищем Окаево в осыпи оврага находилось погребение с семилопастными кольцами, сердоликовыми и красными пастовыми бусами, металлическими колокольчиками, плетеным и витым браслетами, тремя рубчатыми перстнями (АКР, 1993, с. 151).

Три грунтовых некрополя с лопастными кольцами, решетчатыми перстнями и витыми браслетами раскопаны в южной части вятичской территории в Тульской области: Бутырки (исследовано 23 погребения; Гоняный, Недошивина, 1991, с. 246–254), Исаковские выселки (исследовано более 1000 кв. м; Заидов, 1997, с. 28–29) и Кикина Протока (исследовано 3 погребения; Заидов, 1988, с. 4–6). Могильник в Бутырках датируется авторами раскопок первой половиной XIII в. (Гоняный, Недошивина, 1991, с. 250), в Кикиной Протоке – первой половиной XII – XIV в. (Заидов, 1988, с. 34). Начало функционирования могильника Исаковские выселки также относится к концу XII – началу XIII вв. (Заидов, 1997, с. 29).

Большее количество грунтовых погребений домонгольского времени известно в южнорусских землях. Грунтовые некрополи открыты здесь как около городских, так и около сельских поселений. Подробный анализ этих захоронений произведен А. П. Моцей (Моця, 1990, с. 53–68 и др.). Он отмечает устойчивую на протяжении всего рассматриваемого периода традицию неглубоких (0,2–0,3 м) погребений и их рядную планировку. Могильную яму копали до светлого грунта «материка» (Моця, 1990, с. 54). Что касается погребального инвентаря, то набор украшений в грунтовых погребениях «полностью соответствует набору украшений в захоронениях курганных некрополей исследуемых территорий и времени» (Моця, 1990 с. 64).

Обращаясь к вопросам причины появления грунтовых могильников среди одновременных им курганных, все исследователи единодушно связывают этот процесс с распространением идей христианства (Моця, 1990, с. 108; Седова, 1978, с. 69; Розенфельдт, 1958, с. 92; Шинаков, 1992, с. 48). Именно поэтому большинство древнерусских грунтовых некрополей были городскими кладбищами. Вероятно, сосредоточение грунтовых погребений по берегам Оки свидетельствует о значении этой водной магистрали для связи вятичских земель с южнорусскими территориями, откуда проникала в лесную землю новая религия.

В связи с Серенском можно вспомнить один известный сюжет. В Киево-Печерском патерике сообщается об убийстве монахов монастыря – мис-

сионеров преподобного Кукши и его ученика Никона в лесной земле вятичей (Киево-Печерский патерик, с. 494–495; Жития святых, с. 483). Это событие произошло во времена святителя Феофота, епископа Черниговского (1113–1123 – Минея, 1989, с. 118). Некоторыми исследователями оно связывается с Серенском (Насонов, 1951, с. 65). Не исключена вероятность того, что, действительно, одним из центров миссионерской деятельности киевских монахов в земле вятичей стала возвышенная площадка на р. Серене, укрепленная валами еще в мощинское время. Здесь была сооружена часовенка или храм, возле которого стал образовываться погост.

В середине XII в., скорее всего, после событий 40-х годов, на площадке строится укрепленное поселение, контролирующее дорогу по р. Серене, связывающей Оку с Болвой. На месте кладбища возникает жилая и хозяйственная застройка.

С татаро-монгольским нашествием можно связать останки двух людей, спрятавшихся в своих жилищах и погибших там. Части женского скелета обнаружены на поде печи в постройке первой половины XIII в. в северо-западной части детинца. Среди костей находилось семилопастное височное кольцо типа VIII по Т. В. Равдиной (вторая половина XII – середина XIII вв.; Никольская, 1980, с. 11; Равдина, 1968, с. 140). Фрагменты другого человеческого скелета были найдены также в подполе дома этого же времени в северо-восточном углу детинца. Вокруг этого сооружения зафиксировано еще несколько скоплений пережженных костей, однако, ни в одном из них не сохранился анатомический порядок, хотя бы части скелета.

Много разрозненных человеческих костей было среди остатков каменной вымостки в юго-восточном углу детинца. На некоторых сохранились следы бронзовых окислов. На укреплявшей склон вымостке в первой половине XIII в. располагалось большое здание амбарного типа. Вероятно, обнаруженные кости принадлежали спасавшимся в нем людям и были впоследствии при разборке завалов здания разровнены. Еще два изрубленных скелета открыты в подпольной яме постройки второй половины XIII – начала XIV вв. (Никольская, 1980, с. 17) в северо-западной части детинца.

Могильник 2 располагался на северном крае площадки детинца. Составляющие его погребения совершались, когда стоявшие здесь сооружения, были уже разрушены. Многие костяки находились в слое горелого зерна (Никольская, 1980, с. 8). К югу от погребений прослежен ряд столбовых ямок. Возможно, это следы ограды кладбища. Всего к рассматриваемому могильнику можно отнести 8 погребений. Все они совершены в ямах, доходящих до материка и практически не прорезающих его. Остатки древесного тлена зафиксированы только в одном погребении (№ 48). Погребенные имеют одинаковую юго-западную ориентировку. Ни разу не отмечено вытянутого положения обеих рук вдоль тела. Половозрастное деление умерших следующее: дети – 2, мужчина – 1, женщина – 1, остальные – неизвестно.

Только в двух захоронениях обнаружены вещи. У шейного позвонка мужчины (№ 48) находился каменный крестик. В тексте отчета имеются сведения, что на руке женщины из погребения 46 был надет серебряный браслет (Никольская, 1980, с. 20), однако, ни на плане погребения, ни в описи этого предмета нет. Остальные погребения инвентаря не имели.

Датировку этого могильника определить довольно сложно. Стратиграфически захоронения расположены на месте разрушенных построек второй половины XIII – начала XIV вв.. Погребение 48 прорезает яму, в заполнении которой находился бронзовый замочек в виде фигурки лошадки золотоордынского времени (Полубояринова, 1993, с. 100). Таким образом, дата могильника не может быть ранее первой половины XIV в.

Одинаковая юго-западная ориентировка погребений второго могильника и преобладание такой ориентировки в раннем кладбище могут косвенно свидетельствовать о наличии в западной половине площадки детинца храма. На посаде Серенска еще во времена Н. И. Булычева стояла часовня, вокруг которой располагалось кладбище. В Атласе Калужского наместничества 1782 г. в Серенске упоминается церковь великомученика Георгия Победоносца с приделом обновления храма (Атлас Калужского наместничества 1782, с. 30). Не исключена возможность того, что в раннее время храм был на территории детинца.

Описание погребений.

Могильник 1.

Погребение 1 (р. 1, уч. 4, пл. 3, № 1) обнаружено в пятне коричневой глины, смешанной с галькой (материк). Оно находится на материке. Длина костяка 1,42 м. Лежит вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ. Левая рука вытянута вдоль тела, правая отсутствует. Детское. Безынвентарное.

Погребение 2 (р. 1, уч. 4, пл. 3, № 2) обнаружено в пятне коричневой глины, смешанной с галькой (материк). Погребение находится на материке, лежит вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ. Левая рука согнута на таз, правая вытянута вдоль тела. Детское (девочка). Инвентарь – семилопастное и перстнеобразное височные кольца – у левого виска, пятилопастное и два обломка перстнеобразного кольца – у правого виска, на груди ожерелье из 15 стеклянных бусин: 7 рыбовидных фиолетовых бус, 3 зонных голубых бусины, 3 фиолетовых зонных, 1 зонной бирюзовой, 1 фиолетовой цилиндрической.

Погребение 3 (р. 1, уч. 4, пл. 3, № 3) обнаружено в темном заполнении ямы, несколько углубленной в материк. Границы ямы не определены. Скорченное на правом боку, череп отсутствует. Ориентировка – ЮЮЗ. Детское. Безынвентарное.

Погребение 4 (р. 1, уч. 4, пл. 4, № 4) совершено в яме глубиной 30 см. Ориентировка – СЗ, кости рук, таза и ног не сохранились. Женское. Инвентарь – около головы обнаружены два семилопастных височных кольца и три части еще одного такого кольца.

Погребение 5 (р. 1, уч. 4, пл. 4, № 5) в неглубокой материковой яме, вытянуто на спине, руки скрещены на тазе. Ориентировка – ЮЮЗ. Пол не определен. Безынвентарное.

Погребение 6 (р. 1, уч. 4, пл. 4, № 6) в неглубокой материковой яме, головой на З. Кости таза и ног не сохранились. Пол не определен. Безынвентарное.

Погребение 7 (р. 1, уч. 4, пл. 4, № 7) в материковой яме глубиной около 10 см, головой на З. Нижняя часть обрезана бортом раскопа. Женское. Инвентарь – у головы – обломки семилопастных височных колец. На левой руке – бронзовый витой 2 x 3 браслет чуть ниже локтя. (В описи указано еще два перстня – решетчатый и неизвестный.)

Погребение 8 (р. 1, уч. 4, пл. 4, № 8) в яме незначительно углубленной в материк. Головой на ЮЗ. Нижняя часть костяка обрезана бортом раскопа. Мужское. Безынвентарное.

Погребение 9 (р. 1, уч. 2, пл. 6) в неглубокой материковой яме. Вытянуто на спине, руки скрещены на тазе. Головой на ЮЮЗ. Мужское. У плеча – серьга.

Погребение 10 (р. 1, уч. 1, пл. 6) на материке. Пол не определен. Головой на ЮЗ, отсутствуют: череп, кости рук и стоп. Без инвентаря.

Погребение 11 (р. 1, уч. 5, пл. 6, № 13) в материковой яме глубиной 30 см. Вытянуто на спине, левая рука согнута на живот, головы и правой руки нет. Ориентировка – З (с отклонением к югу). Пол не определен. Безынвентарное.

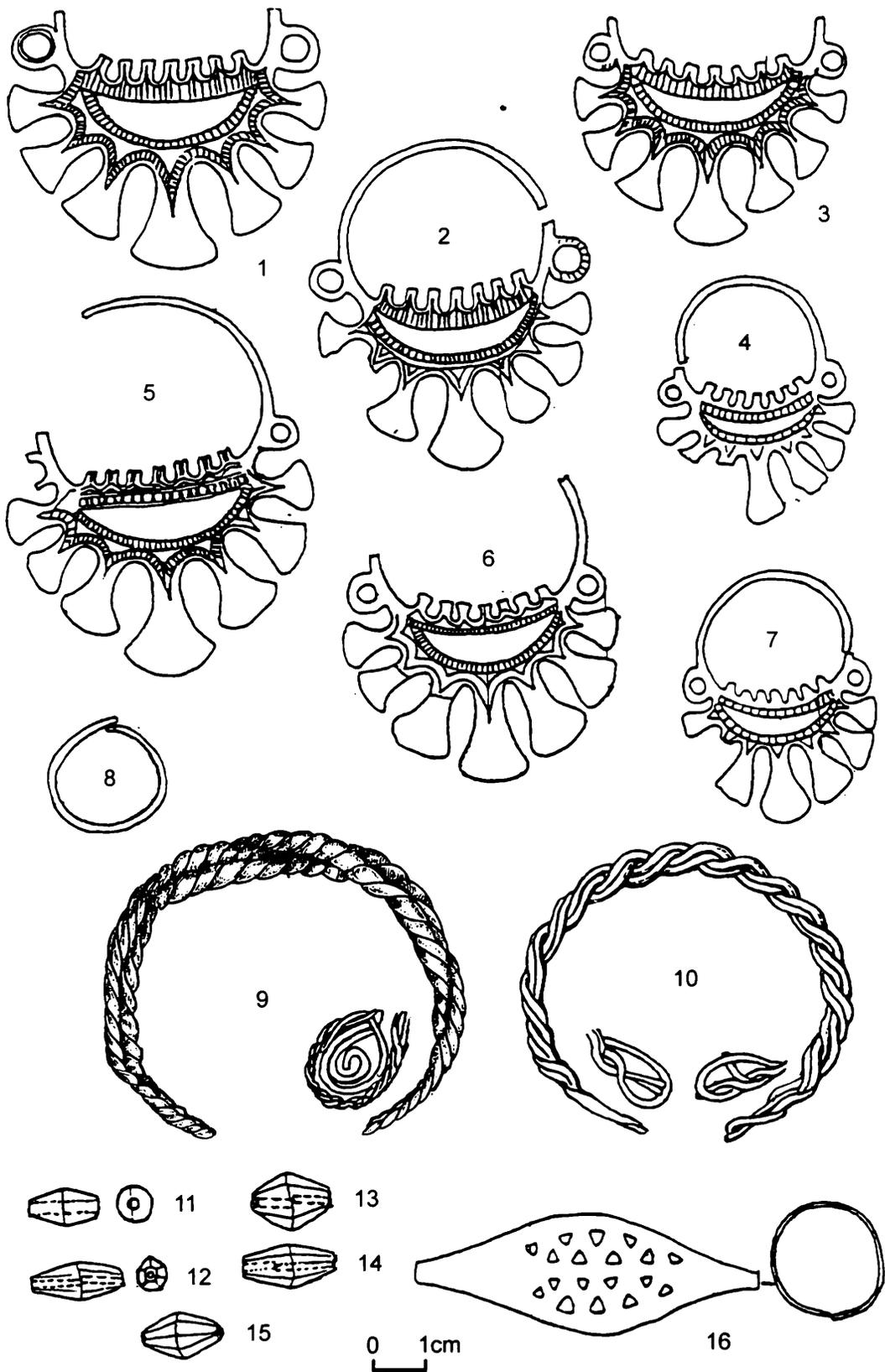

Рис. 3. Инвентарь погребения 17.

1-7 – височные кольца, 8, 16 – перстни, 9, 10 – браслеты, 11-15 – бусы.
 Рисунки инвентарей всех погребений выполнены Т. В. Равдиной.

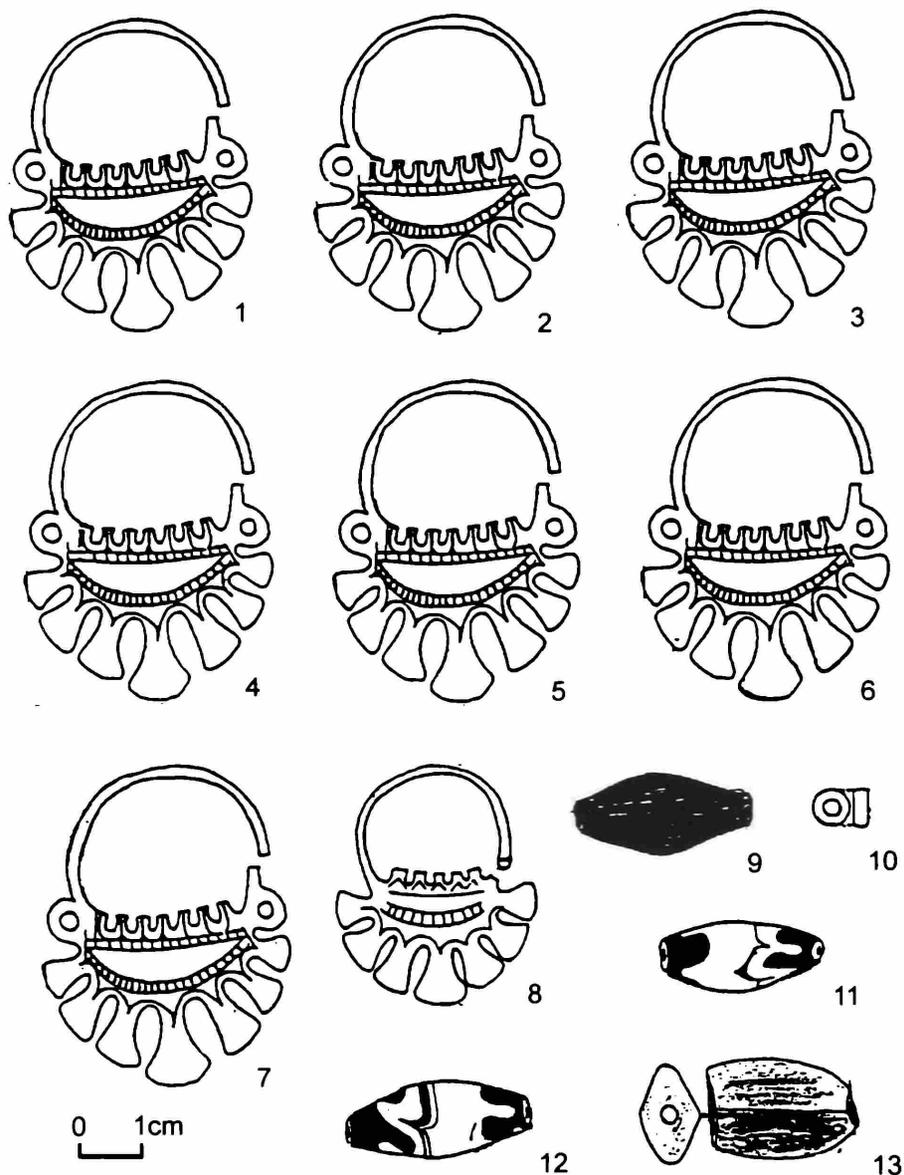

Рис. 4. Инвентарь погребения 20.

1-8 – височные кольца. 9-13 – бусы.

Погребение 12 (р. 1, уч. 5, пл. 5, № 12) в материковой яме глубиной 20 см. Вытянуто на спине, руки сложены на тазе, головой на ЮЗ. Пол не определен. Безынвентарное.

Погребение 13 (р. 2, уч. 1, пл. 4, № 1) лежит на поверхности мощинского слоя, без углубления. Кости таза и ног обрезаются бортом раскопа. Вытянуто на спине, левая рука согнута на таз. Ориентировка – ЮЗ. Женское. Инвентарь – у черепа обнаружено 7 семилопастных колец, на шее 3 рыбовидные бусины, на запястье левой руки – витой тройной браслет. Решетчатый перстень и бронзовая проволочка.

Погребение 14 (р. 2, уч. 1, пл. 5, № 2). В анатомическом порядке сохранилась только верхняя часть костяка. Ориентировка – ЮЗ. Детское (девочка). Инвентарь – 4 семилопастных височных кольца, бронзовый крестик, витой четверной браслет, две рыбовидные и желтая шарообразная стеклянные бусины.

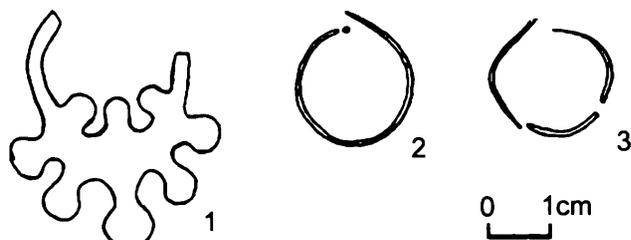

Рис. 5. Инвентарь погребения 22.

1–3 – височные кольца.

Погребение 15 (р. 2, уч. 2, пл. 5, № 3) совершено на поверхности материка, на правом боку, руки сложены на груди, ноги чуть согнуты в коленях, ориентировка – 3. Женское (20–22 года). На левом запястье – пластинчатый браслет, на правой руке – два решетчатых перстня, на правом виске – перстнеобразное височное колечко, под черепом – шиферное пряслице.

Погребение 16 (р. 2, уч. 1, пл. 6, № 4). По-видимому, был гроб (сильно гумированный слой), помещенный в небольшую материковую яму. Испорчено двумя столбовыми ямками. Умерший погребен вытянуто на спине, головой на юг (с небольшим отклонением к западу), кости рук не сохранились. Женское. Инвентарь – под черепом – три хрустальные шарообразные бусины, на месте кисти правой руки – витой и решетчатый перстни (в описи указаны еще 3 целых и обломки 2 семилопастных височных колец, стеклянная желтая зонная бусина и еще 2 хрустальные шарообразные бусины).

Погребение 17 (р. 2, уч. 4, пл. 4, № 5; парное с погребением 18) в могильной яме глубиной 15 см. Женское. Вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ориентировка – ЮЗ. Инвентарь – семь семилопастных височных колец, перстнеобразное височное кольцо, два проволочных витых браслета, решетчатый перстень, 4 сердоликовые бипирамидальные бусины, 1 стеклянная зеленая усеченно – коническая бусина (рис. 3).

Погребение 18 (р. 2, уч. 4, пл. 4, № 5; парное с погребением 17). Скелет лежит вытянуто на спине справа от женщины из погребения 17, правая рука вытянута вдоль тела, ориентировка – ЮЗ. Детское. Безынвентарное.

Погребение 19 (р. 2, уч. 2, пл. 4, № 6) на материке. Сохранилось очень фрагментарно. Детское (3 – 4 года). Инвентарь – витой браслет.

Погребение 20 (р. 2, уч. 1, пл. 6, № 7) совершено на материке. Нарушено столбовой ямой. Костяк лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ориентировка – 3 (с отклонением к югу). Женское. Инвентарь – около черепа – семь семилопастных височных колец и стеклянная рыбовидная бусина (рис. 4).

Погребение 21 (р. 2, уч. 2, пл. 7, № 8) совершено в неглубокой материковой яме. Костяк лежит вытянуто на спине, нижняя и верхняя части скелета расположены под небольшим углом друг к другу, головой на северо – запад, руки согнуты и положены на грудь, над тазом лежал детский скелетик. Беременная женщина. Безынвентарно.

Погребение 22 (р. 3А, пл. 2, № 1; парное с погребением № 30) в яме, вырытой в мощинском слое и материке общей глубиной 60 см. и засыпанной их смесью Череп раздавлен, нет голеней, ориентировка – ЮЮЗ. Детское. Инвентарь – у виска пятилопастное височное кольцо и два перстнеобразных несомкнутых височных колец (рис. 5).

Погребение 23 (р. 3А, пл. 3, № 2) совершено в яме, вырытой в мощинском слое и материке на глубину 40 см. Детское (4 – 7 лет). Нижняя часть скелета отсутствует. Ориентировка – СЗ. Безынвентарное.

Погребение 24 (р. 3А, пл. 3, № 3) совершено в яме, вырытой в мощинском слое и материке на глубину 40 см. Костяк лежал вытянуто на спине

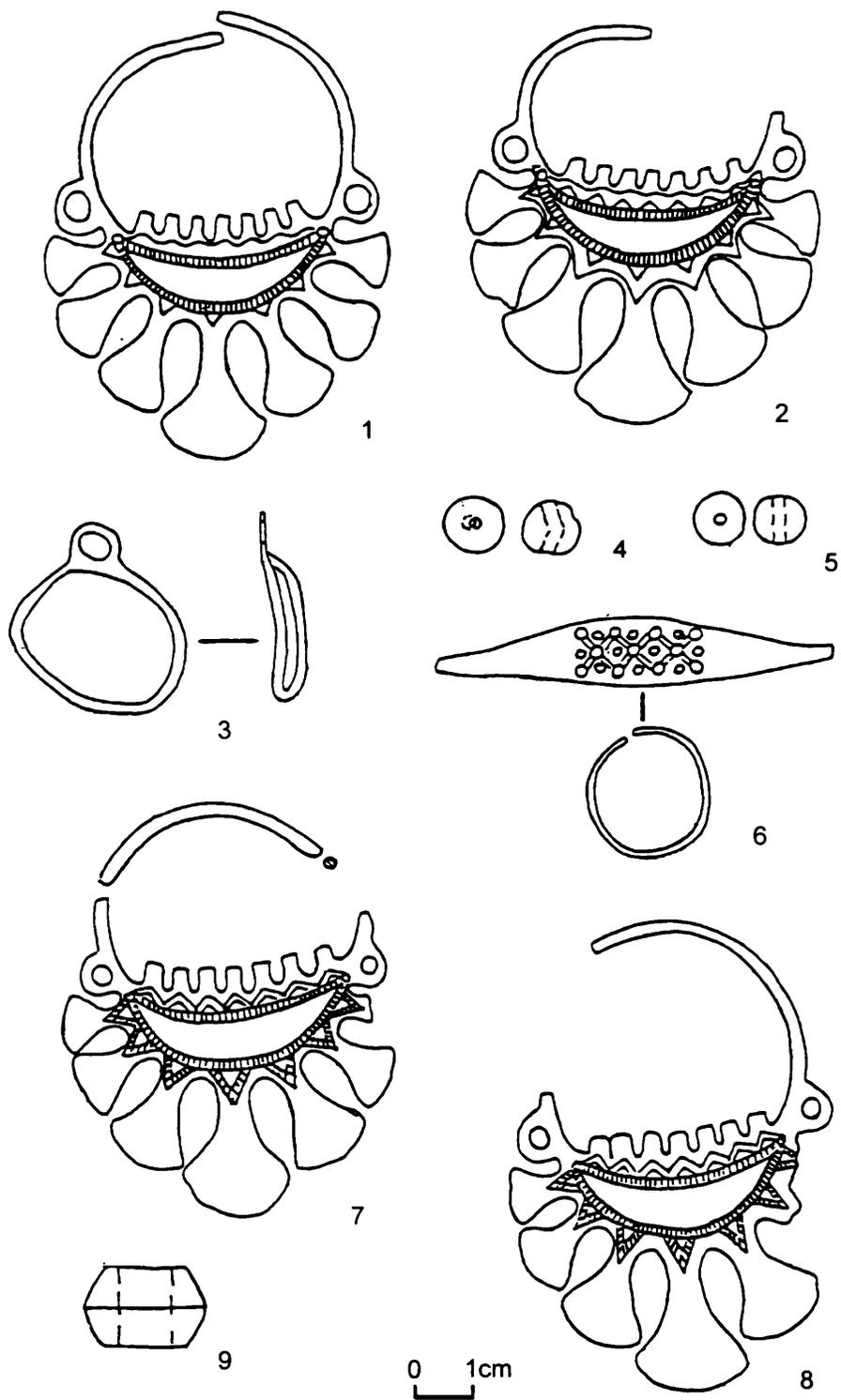

Рис. 6. Инвентарь погребения 26.
 1-3, 7, 8 – височные кольца, 4, 5 – бусы, 6 – перстень, 9 – пряслице.

головой на СЗ, руки вытянуты вдоль тела. Детское (4 – 7 лет). Инвентарь – у черепа – бронзовый предмет, у ног – полый железный наконечник и сланцевое пряслице.

Погребение 25 (р. 3А, пл. 4, № 4). Могильная яма вырыта в мощинском слое и материке и засыпана их смесью. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, руки сложены на тазе, череп раздавлен. Пол не определен. Инвентарь – у нижней челюсти бронзовое перстнеобразное височное кольцо, у левой ноги бронзовый обломок.

Погребение 26 (р. 3А, пл. 5, № 5) в яме, вырытой в мощинском слое и материке на глубину 20 см и засыпанной их смесью. Костяк лежит вытянуто на спине головой на З (с небольшим отклонением к северу). Область таза испорчена ямой. Руки согнуты в локтях, кисти прижаты к подбородку. Женское. Инвентарь – у обоих висков лежали по два семилопастных височных кольца, а у правого еще одно сплошное с ушком кольцо, на пальце левой руки – решетчатый перстень, в области груди – две хрустальные шарообразные бусины, возле правого локтя – шиферное пряслице (рис. 6).

Погребение 27 (р. 3А, пл. 5, № 6) в неглубокой яме, вырытой в мощинском слое и материке и засыпанной их смесью. Скелет лежит вытянуто на спине, нет черепа и правого плеча (испорчено ямой), руки сложены на тазе, ориентировка – СЗ. Пол не определен. Инвентарь – около правой руки – половина розового шиферного пряслица.

Погребение 28 (р. 3А, пл. 4, № 7). Яма вырыта в мощинском слое и материке и засыпана их смесью. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, кисть левой руки на тазу, правая согнута и ее кисть на груди. Мужское. 50 – 60 лет. Инвентарь – под черепом лежало маленькое бронзовое перстнеобразное колечко, на нем следы дерева (гроб?).

Погребение 29 (р. 3А, пл. 8, № 8) в яме небольшой глубины, вырытой в мощинском слое. Умерший лежит вытянуто на спине, головой на ЮЗ, правая рука согнута в локте и ее кисть на груди, левая рука и левая половина грудной клетки отсутствуют. Женское (17 – 19 лет). Инвентарь – пластинчатый перстень на пальце левой руки.

Погребение 30 (р. 3А, пл. 2, № 1; парное с погребением 22) в яме, вырытой в мощинском слое и материке общей глубиной 60 см и засыпанной их смесью. Около левой руки погребения № 22. Детское (девочка). Скелет сохранился фрагментарно, ориентировка – ЮЮЗ. Инвентарь – в области шеи 18 стеклянных бус, у виска – перстнеобразное несомкнутое колечко.

Погребение 31 (р. 2, уч. 4). В профиле восточной стенки раскопа находится череп, лежащий в материковой яме глубиной 20 см, прорезающей мощинский слой. Пол не определен. Погребение не вскрывалось.

Погребение 32 (р. 5, пл. 4, № 3) совершено в материковой яме глубиной 20 см и перекрыто слоем материковой глины. В раскоп попала только его восточная часть (голени и ступни). Ориентировка – З. Целиком погребение не вскрывалось. Пол не определен.

Погребение 33 (р. 5, пл. 4, № 2) совершено в неглубокой могильной яме. Сохранилась только верхняя часть скелета – череп, ключицы, часть ребер. Ориентировка – СЗ. Пол не определен. Безынвентарное.

Погребение 34 (р. 5, пл. 4, № 1) совершено в материковой яме глубиной 20 см. Пол не определен. Погребение обрезается восточной стенкой раскопа, в раскопе расчищены только ноги костяка. Целиком погребение не вскрывалось. Ориентировка – ЮЗ.

Погребение 35 (р. 3А, без номера) разрушено постройкой 11 второй половины XIII – начала XIV в.

Погребение 36 (р. 5, пл. 6, без номера). Вероятно, парное с погребением 37. На материке. Сильно потревожено. Ориентировка и положение ске-

лета неизвестны. Детское. Инвентарь – на висках три перстнеобразных височных кольца: два разомкнутых (одно с петлей на конце) и одно с сомкнутыми концами.

Погребение 37 (р. 5, пл. 6, без номера). Вероятно, парное с погребением 36. На материке. Сильно потревожено. Ориентировка и положение скелета неизвестны. Детское. Безынвентарное.

Погребение 38 (р. 5, без номера) совершено на материке. Сильно потревожено, детское (младенец), безынвентарное.

Погребение 39 (р. 6, пл. 3, № 12) – раздавленный череп ребенка. Погребение испорчено подпольной ямой постройки 2 второй половины XIII – начала XIV вв. Череп лежал в слое горелого зерна. Около него находилось перстнеобразное височное кольцо с сомкнутыми концами. Ниже – толстый слой древесного тлена.

Погребение 40 (р. 6, пл. 3, № 13) совершено на материке, нижняя половина скелета обрезана стеной постройки 2 второй половины XIII – начала XIV вв. Умерший погребен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Детское. Безынвентарное

Погребение 41 (р. 8, пл. 3, № 1) совершено на материке. Скелет лежал вытянуто на спине. Кости несколько смещены, череп отсутствует. Ориентировка – ЮЗ. Женское. Инвентарь – справа на месте руки – решетчатый перстень и бронзовый витой браслет, слева на месте руки – рубчатый перстень. Между ключицей и ребром – кусочек ткани с тремя бронзовыми пуговицами. У черепа – три перстнеобразных височных кольца, рядом найден бронзовый бубенчик с щелевидной прорезью (Никольская, 1986, с. 49. Рис. 4).

Погребение 42 (р. 8, пл. 3, № 2) в могильной яме. Верхняя часть костяка испорчена ямой. Описание погребения в документации отсутствует. Пол не определен. Инвентарь неизвестен.

Могильник 2.

Погребение 43 (р. 6, пл. 3, № 1) в могильной яме, вырытой в культурном слое до материка. Скелет лежал вытянуто на спине, правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута на грудь. Ориентировка – ЮЗ. Детское. Безынвентарное.

Погребение 44 (р. 6, пл. 3, № 3) совершено в неглубокой яме, прорезающей культурный слой и материк. Разрушено. Костяк лежал вытянуто на спине, кости рук не сохранились. Ориентировка – ЮЗ. Пол не определен. Безынвентарное.

Погребение 45 (р. 6, пл. 3, № 4) совершено в могильной яме, прорезающей культурный слой и доходящей до материка. Сильно разрушено. Костяк лежал вытянуто на спине, правая рука не сохранилась, левая согнута на таз. Ориентировка – ЮЗ. Пол не определен. Безынвентарное.

Погребение 46 (р. 6, пл. 3, № 5) совершено в могильной яме, прорезающей культурный слой и углубленную в материк постройку. В раскоп попала только верхняя часть погребения (ноги обрезаются северным бортом раскопа). Скелет лежал вытянуто на спине, руки скрещены в области таза. Ориентировка – ЮЗ. Пол не определен. Безынвентарное.

Погребение 47 (р. 6, пл. 3, № 7) в могильной яме, вырытой в культурном слое до материка. Скелет лежал вытянуто на спине, правая рука вытянута вдоль тела, левая – отсутствует. Ориентировка – ЮЗ. Женское. Инвентарь – на правой руке погребенной надет серебряный браслет.

Погребение 48 (р. 6, пл. 3, № 8). Могильная яма выкопана в культурном слое и прорезает углубленную в материк постройку. Нижняя половина погребения обрезается северной стенкой раскопа и не вскрывалась. Скелет лежит вытянуто на спине, правая рука согнута на таз. Ориентировка – ЮЗ. Детское. Безынвентарное.

Погребение 49 (р. 6, пл. 3, № 9). Могильная яма выкопана в культурном слое и прорезает углубленную в материк постройку. Скелет лежал вытянуто на спине, руки скрещены в области таза, ориентировка – ЮЗ. Мужское. Инвентарь – у шейного позвонка – каменный нательный крестик.

Погребение 50 (р. 6, пл. 3, № 11) в могильной яме, вырытой в культурном слое до материка. Скелет лежал вытянуто на спине, кисть правой руки положена в область таза, левая рука не сохранилась, кости голеней и стоп не сохранились. Ориентировка – ЮЮЗ. Пол не определен. Безынвентарное.

ЛИТЕРАТУРА

- АКР, 1993. Археологическая карта России. Рязанская область, ч. 1. М.
АКР, 1997. Археологическая карта России. Московская область, ч. 4. М.
Атлас Калужского наместничества, СПб. 1782.
Гоняный М.И., Недошвина Н.Г., 1991. К вопросу о вятичах на верхнем Дону // СА. № 1.
Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
Жития святых. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 12, август. М. 1911.
Заидов О.Н. Отчет об археологических исследованиях, проводившихся разведочным отрядом Новомосковского Дворца пионеров по поручению Тульского областного краеведческого музея под руководством Заидова О.Н. в Новомосковском и Узловском районах Тульской области // Архив ИА РАН. 1988. Р-1, № 13398.
Заидов О.Н., 1997. Грунтовый могильник у д. Исаковские выселки в бассейне Верхнего Дона // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Материалы. Вып. 1. Тула.
Зайцева И.Е., 1997. Производственные ювелирные комплексы Серенского детинца и их место в системе застройки (XII–XIV вв.) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М.
Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.
Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.
Миняя. 1989. Август, ч. 3. Издание Московской патриархии.
Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.
Моця А.П., 1987. Население Среднего Поднепровья IX–XIII (по данным погребальных памятников). Киев.
Моця А.П., 1990. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев.
Насонов А.Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.
Никольская Т.Н., 1967. Отчет о работе Верхнеокской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3638.
Никольская Т.Н., 1980. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 14602.
Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.
Никольская Т.Н., 1986. Новые данные к истории Серенска // КСИА. Вып. 187.
Патрик Г.К., 1974. Стратиграфия древнерусского города Серенска // Дипломная работа, защищенная на кафедре археологии МГУ. М.
Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.
Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.
Розенфельдт Р.Л., 1958. Липинский бескурганый могильник // КСИИМК. Вып. 72.
Самошин С.И., 1998. Древнерусский грунтовый могильник первой половины XIII века в селении Маливо Коломенского района // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 4. Коломна.
Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
Талицкий М.В., 1941. Московская область. Коломенский район, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л.
Шинаков Е.А., 1992. Время и направления распространения христианства на севере Черниговской епархии // 1000 років чернігівської єпархії. Чернігів.

А. Г. Векслер, А. А. Медынцева

НОВАЯ НАХОДКА КАМЕННОГО ОБРАЗКА ПРИ РАСКОПКАХ НА ВЕЛИКОМ ПОСАДЕ МОСКВЫ

В 1999 г. при охранных исследованиях, связанных с реконструкцией территории в Третьяковском проезде в центре Москвы, обнаружена уникальная находка – фрагмент каменного резного двустороннего образка (рис. 1, 2; Векслер, 1999, с. 240–241). Археологические раскопки проводились на месте церкви Св.Троицы «в Старых Полях», одного из древнейших храмов Великого Посада, известного по летописным данным с 1493 г., когда он уже назывался «Старая Троица», т.е. был построен задолго до первого упоминания (ПСРЛ. Т. 12, с. 237). Церковь неоднократно перестраивалась и простояла до 1934 г., когда была разрушена одновременно с проходившей здесь Китай-городской стеной.

Образок выполнен на высоком художественном уровне и принадлежит к довольно широко распространенному типу резных каменных иконок со скругленным верхом и прямоугольной нижней частью, так называемым «киотцам». Судя по сохранившимся изображениям, на лицевой стороне располагалась трехчастная композиция, в верхней – «Сошествие во ад», в нижней, разделенной по вертикали надвое: слева от зрителя – святые Стефан и Никола, справа – Распятие с предстоящими. Почти полностью уцелела верхняя композиция, в то время как о сюжетах двух нижних можно догадываться лишь по остаткам резных выпуклых надписей на разделяющих их полосах: **никол [а]** – на горизонтальной и **вч [а]** – вертикальной. Подтверждает реконструкцию и несколько полностью сохранившихся подобных иконок, о которых речь пойдет ниже.

Сюжет «Сошествие во ад» сложился в византийском искусстве в конце XI – XII вв. и известен в нескольких вариантах, различающихся по позе Христа (Смирнова, 1976, с. 181–183). На московской иконке представлен Христос изображенный фронтально, поднимающий Адама из гроба правой рукой и с четырехконечным крестом в левой. Спаситель стоит на разверзнутых воротах ада, ноги его развернуты на горизонтали. За Адамом изображены еще две фигуры, встающие из гробов, обозначенных квадратами – одна из них Ева, другая, вероятно, Авель. В правой части композиции находились тоже три фигуры, от которых видна лишь часть головы святого в нимбе (Иоанна), а ниже, судя по аналогичным сюжетам резных иконок, должны были располагаться две фигуры праведников – Давида и Соломона. Атрибуция сохранившихся изображений и реконструкция утраченных подтверждается и окаймляющими иконку надписями, прочерченными очень тонкими линиями, мельчайшими буквами на внутренней стороне полукруглой рельефной рамки ... **евга воскресне юн (ъ) давы ...**

В центре – название сюжета «Воскресение», слева и справа – имена праведников – Ева, Иоанн (?), Давид. Имена Адама, Авеля и Соломона, вероятно, находились на утраченной части иконки. Эта трехчастная иконографическая композиция известна, с некоторыми отличиями, по группе каменных и литых иконок. К ним принадлежат: образок «Сошествие во ад, архидиакон Стефан, Никола и Распятие» в серебряной сканной оправе

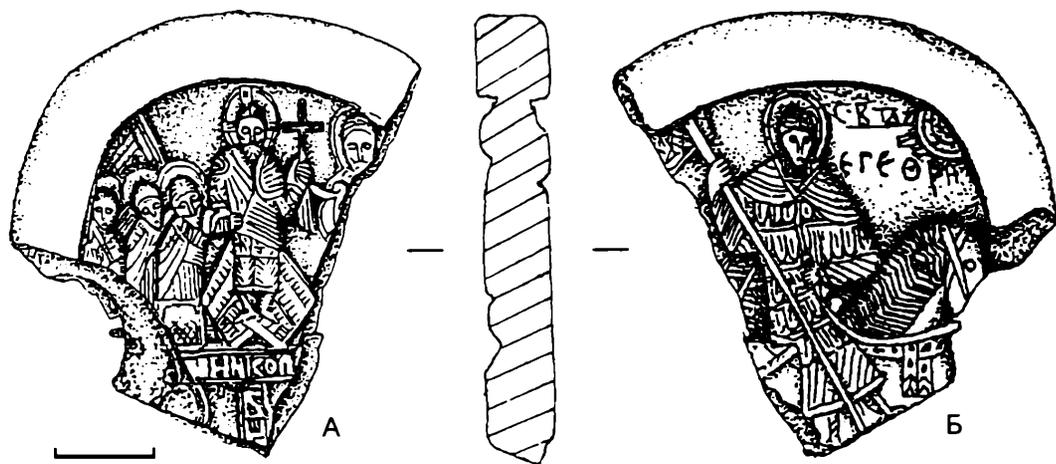

Рис. 1. Образок из раскопок церкви св. Троицы в Москве.

А – лицевая сторона; Б – оборотная сторона.

(местонахождение неизвестно, сохранилось лишь фото в архиве ЛОИА (Николаева, 1983, № 340); каменная иконка из ГИМа (Николаева, 1983, № 143); каменный же резной образок из Вологодского музея (Николаева, 1983, № 142, см. табл. 26: 1, 2; 27: 1) и два литых образка – один серебряный из Архангельского музея (Стерлигова, 1996, № 43, с. 215–217) и литой серебряный накладной медальон, расположенный на так называемой панагии Моисея (Стерлигова, 1996, № 19, с. 163–166; 215–217). Иконографический тип «Сошествия во ад» особенно близок двум последним из указанных выше, отлитых, как доказано В. П. Соломиной, по одной литейной форме (Соломина, 1978, с. 202–205). Совпадают не только общая композиция, но и мелкие детали: рисунок крупноголового лик, трактовка складок одежд, геометрический орнамент из перекрещивающихся линий, расположение надписей на поперечной полосе, отделяющей верхнюю композицию от двух нижних. Отличия наблюдаются в передаче позы Христа: на московской иконке он изображен строго фронтально, в то время как на всех других его фигура в большей или меньшей степени повернута в сторону Адама.

Таким образом, иконографический тип московской иконки представляется собой все же иной вариант, хотя и очень близкий указанным выше. Серебряную иконку из Архангельского музея с московской объединяет и сюжет оборотной стороны: на обеих помещено изображение конного воина со стягом, при этом на московской присутствует и поясняющая сюжет надпись: **свты/е георн**, что определяет конного воина как Георгия Победоносца. Композиция сохранилась лишь частично: почти полностью фигура самого святого и частично – коня. Резьба оборотной стороны исполнена тем же мастером, что и лицевой, о чем свидетельствуют одинаковые технические орнаментальные и стилистические приемы резьбы и почерк надписей. Всадник обращен головой вправо, в левой руке он держит повод коня, в правой древко копья (?), на вершине которого развевается прямоугольный стяг. Голова святого обращена прямо на зрителя, нимб обозначен двойной выпуклой линией, глаза и нос изображены одной чертой, едва отмечен небольшой рот. Поверх пластинчатого доспеха святого воина накинута плащ (видна лишь его часть), складки которого подчеркнуты четкими параллельными и перекрещивающимися линиями, такие же линии

...Р В Г А Р Э С К Р Т Ч К Х О М А Ф Т Б Э

Рис. 1. Рисунок образка из раскопок церкви св. Троицы в Москве. А – лицевая сторона; Б – оборотная сторона. Внизу – прориси надписей.

украшают и стяг. Из-под доспеха виден подол кафтана, заштрихованный наискось параллельными черточками, что является чисто декоративным приемом, поскольку не отражает складок одежды. Грива коня также подчеркнута графична, ее изображают зигзагообразные четкие линии, тщательно вырезана сбруя, украшенная точками и зигзагами. В правом верхнем углу – благословляющая десница. Между головой святого и десницей расположена поясняющая надпись в две строки **св т ы / е георн** (титла отсутствуют). Из-за неполной сохранности изображения нельзя быть уверенным в сюжете композиции, так как конный воин со стягом на конце древка мог быть изображен либо попирающим змея, либо вне сцены змеборства. На упомянутой выше иконке из Архангельского музея, представляющей близкую аналогию обеим сторонам московского образка, помещено изображение Георгия со стягом, без змея, но оба эти образка не обнаруживают близких стилистических параллелей. Стилистически гораздо ближе обратная сторона каменной иконки «Гроб Господень» из ГИМа (Николаева, 1983, № 144) и по композиции, и по статичности фигуры, и по очертаниям силуэта самого святого, держащего поводья с петлей левой рукой. Иконка из Исторического Музея более потерта, рельеф ее сглажен, поэтому лишь едва просматривается зигзагообразный орнамент плаща святого, но это еще более сближает фигуры всадников на обоих образках. При сравнении обращает на себя внимание более естественное, пропорциональное изображение Георгия на иконке из ГИМа при общей повторяемости рисунка. На обеих – святой воин изображен скупыми прямыми линиями, почти без изгибов. Так же схематичен подол кафтана и непропорционально маленькая и тонкая нога в сапоге. Но рисунок московского образа святого еще более примитивен, с нарушенными пропорциями (например, непропорционально длинна левая рука, держащая поводья). Сходство обеих композиций позволяет предположить, что на обратной стороне иконки из Москвы также должна быть представлена и сцена змеборства, но неполная ее сохранность не позволяет утверждать это с уверенностью.

Но несмотря на некоторые отличия, вновь найденный образок находит близкие аналогии в группе перечисленных выше, которые обычно причисляются исследователями к произведениям новгородской мелкой пластики начала XIV в. Перед нами та же манера изображения с грубоватой, отча-

сти примитивной, но стилистически выдержанной резьбой со статичными большеголовыми фигурами, четкой линейной орнаментацией одежды с примитивной и перепутанной системой складок и неумело переданными пропорциями.

Для датировки и атрибуции этой группы образков особое значение имеет центральный медальон панагии Моисея, прототипом которого послужил один из подобных образков со сценой «Сошествия во ад». Как уже говорилось, он отлит в общей форме с серебряным же образком из Архангельского музея. Панагия, происходящая из новгородского Антониева монастыря, на основании надписи по краю створки «... панагѣіа мо...ісіева протопопова ... дѣла иванова...» была сопоставлена Г. Н. Бочаровым с новгородским архиепископом Моисеем, занимавшим новгородскую кафедру дважды: в 1324–1330 гг. и 1332–1360 гг. Так как, по мнению исследователя, характер исполнения панагии во многом близок памятникам XIII в., то ее и следует датировать первым периодом архиепископства Моисея (Бочаров, 1968, с. 293). В дальнейшем И. А. Стерлигова, не оспаривая атрибуции панагии, уточнила датировку, обратив внимание на слово «протопоп», которое, по ее мнению, может относиться только к создателю-мастеру панагии, протопопу Ивану, так как Моисей с юных лет был монахом. Чин самого владыки не назван, так как панагия была сделана между его избранием на кафедру и официальным поставлением, когда он был лишь нареченным владыкой, т.е. с февраля 1324 до осени 1325 г. (Стерлигова, 1996, с. 164–166).

Таким образом, лицевая сторона московского образка находит близкие аналогии в произведениях новгородской пластики первых десятилетий XIV в., в том числе и с относительно точной датой. Обратная сторона таких близких стилистических сопоставлений не имеет. Больше всего уцелевший фрагмент «Георгия на коне» контурами рисунка, статичностью напоминает обратную сторону образка «Гроб Господень» из Исторического музея, датированную Т. В. Николаевой концом XV в. (Николаева, 1983, табл. 27: 2; № 144.). Более поздним временем (XIV–XV вв.) может быть датирована и лицевая сторона образка «Гроб Господень» с семиглавым храмом и большим числом предстоящих (Рындина, 1968, с. 232). Но одновременность исполнения лицевой и обратной сторон образка из Москвы, наличие близких аналогий в группе новгородской мелкой пластики, в том числе сравнительно точно датированных иконок, заставляют отнести его к тому же времени (первые десятилетия XIV в.).

Для датировки и атрибуции изображений важный материал представляют надписи, имеющиеся на обеих сторонах образка. На лицевой стороне прежде всего необходимо рассмотреть резные надписи, обозначающие сюжеты нижних частей композиции: *нкол [а]* и *вч [а]*. Буквы «N» и «Н» с несколько наклонными перекладинами, расположенными посередине буквы, в рукописном письме утверждаются лишь в XV в. (Щепкин, 1967, с. 130). Но в данном случае эти начертания могут иметь случайный характер, так как в более обширных процарапанных надписях используются другие начертания: «Н» с горизонтальной перекладиной, расположенной посередине буквы (два раза, в том числе в лигатуре «НН»), а «N» близка по форме к этой же латинской букве. Эти начертания типичны для XI–XII вв., но в уставном письме встречаются и позднее. В графике некоторых берестяных грамот подобные архаические начертания «Н» используются и в первой половине XIV в., а «N» – до начала XV в. (Зализняк, 2000, с. 171, 180, табл. 10 и 15). Буква «А» с головкой в виде двух параллельных линий в берестяном письме используется от середины XII до конца XIII в. (Зализняк, 2000, табл. 1). Характерно «О» с точкой в центре («очное»), встреченное в коротких надписях дважды в разных вариантах (широкое – в надписи на

лицевой стороне и более узкое – на оборотной. Это начертание имеет южнославянское происхождение и в южнославянских рукописях иногда встречается уже в XI в. В русских рукописях оно впервые используется в Рязанской кормчей (1284 г.) и далее – на протяжении всего XIV в. (Карский, 1979, с. 196). В русских датированных надписях эта форма встречается очень редко: только в конце XIII в. (1271 г.) (Рыбаков, 1964, табл. IX–X; № 44).

Широкое «якорное е» встречено в надписи на лицевой стороне иконки. Эта форма, в основном характерная для рукописей второй половины XIV в., в берестяных грамотах встречена дважды – на рубеже XIV–XV вв., но узкое «е» с приподнятым язычком в грамотах встречается чаще – от 1320 г. до начала XV в. (Зализняк, 2000, табл. 16). Датированное значение имеет очень характерное «е» – с декоративно приподнятым язычком. Среди датированных надписей такое начертание встречено только на потире архиепископа Моисея (Рыбаков, 1964, табл. 6; № 17), а также дважды отмечено исследователями в группе берестяных грамот 1320–1380 гг.

Начертания букв в берестяных грамотах дают более широкие хронологические рамки, чем точно датированные рукописи и надписи. Причина, вероятно, кроется не столько в материале для письма, сколько в социальном составе авторов и способе стратиграфической датировки с помощью дендрохронологии. Это явление предстоит еще исследовать. Что же касается датировки московского образка, то хотя палеографическая дата дает конец XIII – середина XIV в., более предпочтительна – первые десятилетия XIV в.

Основания для этого дают аналогии, происходящие из мастерских архиепископа Моисея – особая форма декоративного «е» (потир Моисея, 1328 г.) и очень близкие иконографические и стилистические параллели с центральным медальоном панагии с именем того же архиепископа.

О связи группы мелкой пластики, в которую входит и московская иконка, с Новгородом пишут практически все исследователи. Основанием для этого мнения послужили аналогии с рядом произведений новгородской станковой живописи, специфический подбор святых и, конечно, атрибуция панагии Моисея.

Для датировки находки существенное значение имеют данные стратиграфии. Образок был обнаружен внутри четверика церкви при расчистке фундамента на глубине 104 см, в непосредственной близости от кладки восточной стены. Грунт – темно-серая золистая супесь с углями, несомненно, является выбросом древних отложений из фундаментного рва храма 1565 г. и со всей определенностью может быть датирован как горизонт сгоревшего деревянного храма. Несмотря на то, что находка переотложена, ее стратиграфически можно связывать с древним деревянным сооружением, стоявшим на том же месте, что и последующее каменное. Отметим, что в отложениях раннего времени встречены белокаменные резные надгробия, наиболее архаичного для Москвы облика, металлические украшения, характерные для поздних курганов вятичей, и комплекс керамики с датировкой XIII–XIV вв. Таким образом, датировка иконки по данным палеографии не противоречит времени раннего горизонта церкви.

Публикуемый образок – редкая находка, которая характеризует высокое мастерство древнерусского резчика. Особо ценным является то, что он найден при стационарных археологических раскопках. К настоящему времени это всего второй случай обнаружения каменной резной иконки в Москве в четком стратиграфическом слое (Векслер, 2001, с. 115–116). Еще две находки были сделаны случайно при земляных работах.

- Бочаров Г.Н., 1968. Торевтика Великого Новгорода // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М.
- Векслер А.Г., 1999. Отчет об археологических раскопках церкви Св.Троицы «в Старых Полях» в Третьяковском проезде Москвы.
- Векслер А.Г., 2001. Находка каменной иконки «Гроб Господень» на Старом Гостином дворе в Москве // РА. № 1.
- Зализняк А.А., 2000. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1990–1996 годов. М.
- Карский Е.Ф., 1979. Славянская кирилловская палеография. М.
- Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1–60. М.
- Рыбаков Б.А., 1964. Русские датированные надписи // САИ. Вып. Е1–44.
- Рындина А.В., 1968. Особенности сложения историографии в древнерусской мелкой пластике «Гроб Господень» // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М.
- Смирнова Э.С., 1976. Живопись Великого Новгорода: Середина XIII – начало XIII века. М.
- Соломина В.П., 1978. О двух памятниках новгородской мелкой пластики // Памятники культуры: Новые открытия. 1977. М.
- Стерлигова И.А., 1996. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв.: Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. М.
- Щепкин В.Н., 1967. Русская палеография. М.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН. Вып. 211. 2001 год.

Н. Б. Черных

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛИИ¹

В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН в течение ряда лет ведутся планомерные дендрохронологические исследования строительной древесины архитектурных памятников XIII – XIX вв. (Колчин, 1963, 1965; Колчин, Черных, 1977; Сергеева, Черных, 1997; Урьева, 1994; Черных, 1983; Черных, Сергеева, 1997 и др.).

Дендроматериалы архитектурных памятников (свыше 1200 единиц), хранящиеся в архиве лаборатории, получены из 160 построек, разбросанных на обширных пространствах северной половины Восточной Европы. Особую группу здесь составляют образцы дерева памятников русского деревянного зодчества XV–XIX вв. Для исследований подобного рода разработана специальная программа, позволяющая решать вопросы по трем основным направлениям.

Первое направление – проблемы хронологии конкретного архитектурного объекта или комплекса (ансамбля).

Самым тесным образом с этим кругом вопросов связано и второе направление – проблемы воссоздания строительной истории изучаемого памятника. Причем отправными точками здесь служат как данные погодич-

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 01-05-64-374.

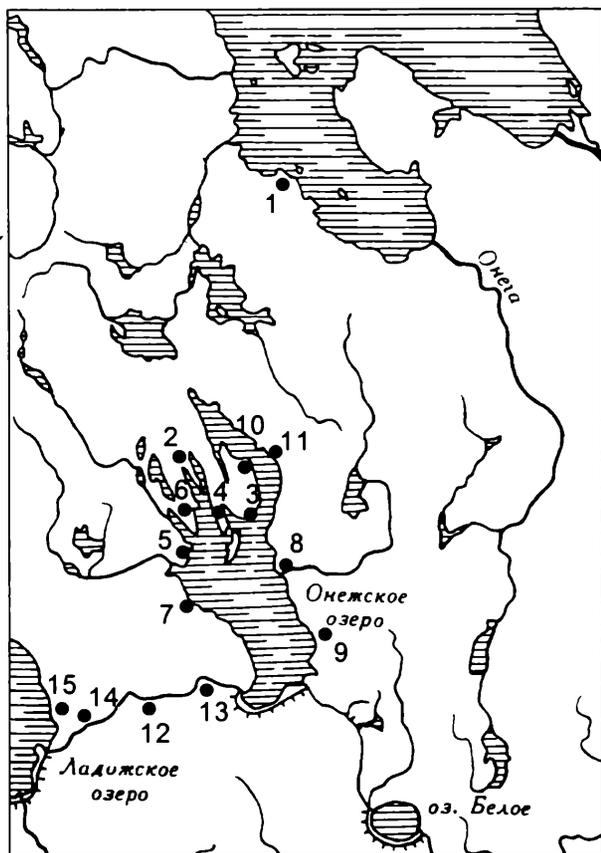

Рис. 1. Карта распространения исследованных памятников. Названия и нумерацию памятников см. в табл. 1.

образно сделать объектом самостоятельного изложения.

Успех дендрохронологических исследований в целом и по каждому из названных трех направлений определяется благоприятным сочетанием количественных и качественных характеристик изучаемых дендроматериалов. Немаловажное значение имеет и географическое расположение архитектурных памятников. В этом отношении наиболее перспективными представляются памятники архитектуры самых северных областей России (выше 60 параллели). Это область традиционной деревянной застройки XVI–XIX вв. с великолепными образцами культовой и гражданской архитектуры. Именно отсюда происходят наиболее значительные коллекции нашего архива. Результаты изучения материалов из 27 архитектурных объектов, расположенных в границах современной Архангельской области нами уже опубликованы (Черных, Сергеева, 1997). В настоящей работе предлагаются новые данные, полученные еще для 15 памятников деревянного зодчества той же эколого-климатической зоны, но расположенных западнее, на территории современной Карелии, в границах бывшей Олонецкой губернии. На карте (рис. 1) и в табл. 1 приводятся сведения о территориальном расположении памятников, а также данные, характеризующие коллекции дендроспиллов. Все изученные нами архитектурные объекты территориально подразделяются на три неравные группы: первая – беломорская (побережье Белого моря) – один памятник; вторая – прионежская (берега и острова Онежского озера) – 12 объектов. Сюда включены и два памятника, расположенные в южном Прионежье, в границах современ-

ных приростов изучаемых образцов дерева, так и сведения хронологического и исторического плана, почерпнутые из архивных документов и специальных исследований по истории архитектуры.

И, наконец, третье направление дендрохронологических исследований архитектурной древесины имеет отношение уже к иному кругу проблем, связанных с областью климатологии и касается в первую очередь методических установок для построения многолетних локальных и региональных дендрошкал. Тема эта в последнее время, в связи с накоплением самых разнообразных дендроданных, занимает значительное место в наших исследованиях (Сергеева, Черных, 1997; Чернавская, Пушин, Черных, 2000; Черных, Карпухин, 2001). К сожалению, объем статьи не позволяет остановиться на вопросах, этого направления. Тема эта может считаться одной из наиболее сложных в области дендрохронологии и, по всей вероятности, ее целесо-

Таблица 1. Данные об исследованных памятниках Карелии.

№№ п/п *	Шифр	Название памятника	Населенный пункт	Район	Количество образцов	Автор и год сборов
1	3/8	ц. Петра и Павла	с. Вирма	Беломорский	8	Н.Ф. Сергеева, 1986
2	3/2	ц. Петра и Павла	д. Лычный остров	Кондопожский	17	Б.А. Колчин, 1963
3	3/3	ц. Преображенская	Погост Кижы	-«-	27	-«-
4	3/4	ц. Покровская	«	-«-	12	Н.Ф. Сергеева, 1983
5	3/9	Часовня (ц.) Ильи Пророка	д. Суйсары	-«-	6	Н.Ф. Сергеева, 1987
6	3/5	ц. Успения	с. Кондопога	-«-	4	Н.Ф. Сергеева, 1987
7	3/12	Часовня Михаила Архангела	д. Лукиनावолок	-«-	8	Н.Ф. Сергеева, 1987
8	3/14	Часовня (ц.) Ильи Пророка и Трех Святителей	Лукиноостровский погост	Пудожский	19	Н.Ф. Сергеева, 1990
9	3/6	ц. Воскрешения Лазаря	Муромский монастырь	-«-	19	Б.А. Колчин, 1963 Н.Ф. Сергеева, 1987
10	3/10	ц. Варваринская	д. Яндомозеро	Медвежегорский	11	Н.Ф. Сергеева, 1990
11	3/13	ц. Богоявленская	с. Челмужи	Повенецкий	10	Н.Ф. Сергеева, 1988
12	8/1	ц. Никольская	д. Согинцы	Подпорожский, Ленинградская область	11	Н.Ф. Сергеева, 1983
13	8/2	ц. Георгиевская	д. Юксовичи	-«-	31	Н.Ф. Сергеева, 1983
14	3/7	ц. Фрола и Лавра	с. Мегрега	Олонецкий	9	Н.Ф. Сергеева, 1987
15	3/11	Олонецкая крепость	г. Олонец	-«-	3	С.А. Кочуркина, 1974
		Итого:			215	

*Номер отвечает знаку на карте.

ной Ленинградской области. Специалисты относят их к так называемой «онежской» школе деревянной архитектуры. Третья группа – приладожская (южное Приладожье) – два объекта.

Оценивая эти материалы с точки зрения требований дендроанализа к строительной древесине в отношении единства времени жизни стволов, условий их произрастания и однородности древесной породы, отметим следующее. Все изученные нами стволы из карельской коллекции происходят из лесных массивов, расположенных в районах со схожими эколого-климатическими условиями, близ северной границы подзоны тайги. Все они представляют одну хвойную породу – сосну обыкновенную, все жили на протяжении достаточно долгого отрезка времени – порядка четырех-пяти столетий.

Характеризуя этот материал в целом, следует также отметить, что вся выборка образцов дерева (215 единиц) количественно распределяется по отдельным архитектурным памятникам крайне неравномерно (табл. 1). То же можно сказать и при качественной характеристике карельской коллекции. Здесь имеется в виду соотношение спилов и кернов по отдельным объектам и территориальным группам. В целом в изучаемой выборке материала спилов составляют около 56%, однако, эта цифра меняется по отдельным группам в направлении с севера на юг. В беломорской группе они составляют 100% (вирмская выборка), в прионежской группе их 56%, а в приладожской – только 50%.

Традиционен для строительного леса северных областей и возрастной состав бревен из карельских церквей. Средний возраст дерева единственного памятника беломорской группы составляет 148 лет, тогда как в онежской группе он равен 127 годам, а в приладожской – 108. Сравнивая возраст бревен из карельских деревянных церквей и бревен синхронных им памятников из бассейнов Северной Двины и Онеги, следует отметить, что последние содержат более старое дерево. Однако подмеченная ранее для строительной древесины архангельских памятников тенденция уменьшения возраста бревен с севера на юг также прослеживается и в карельских культовых постройках.

Все 15 изученных деревянных карельских архитектурных объектов в 14 случаях представляют культовые постройки – три часовни и 11 церквей. Одна конструкция из оборонительного рва Олонецкой крепости остается неопределенной.

Деревянные культовые здания представляют несколько традиционных для северного русского зодчества типов.

Клетские церкви и часовни. В нашей карельской выборке они представлены тремя памятниками. Все они из прионежской группы. Это часовня Ильи Пророка в с. Суйсари (№ 5); часовня (церковь) Воскрешения Лазаря Муромского монастыря (№ 9) и Георгиевская церковь в с. Юковичи (№ 13).

Шатровые церкви. Эта излюбленная на Севере форма высотных храмов представлена семью постройками: Варваринская церковь в д. Яндомозеро (№ 10); Петропавловская церковь в д. Лычный остров (№ 2); Богоявленская (Петропавловская) церковь в с. Челмужи (№ 11); Успенская церковь в д. Кондопога (№ 6); церковь Ильи Пророка и Трех Святителей Лукиноостровского погоста (№ 8); Никольская церковь в с. Согинцы (№ 12). Все эти церкви из прионежской группы. К шатровому типу относится также и церковь Фрола и Лавра в с. Мегрега (№ 14) из приладожской группы.

Кубоватые церкви. Единственный памятник такого типа – церковь Петра и Павла в с. Вирма (№ 1) из беломорской группы.

Многоглавые храмы. Данный тип представлен двумя памятниками – Преображенской и Покровской церквями Кижского погоста (№№ 3 и 4) из прионежской группы.

Облик одного памятника – часовни Михаила Архангела из прионежской деревни Лукинаволоок (№ 7) остался неопределенным.

В рамках данной статьи можно представить лишь краткое изложение тех результатов, которые были получены при дендроанализе дерева 14 карельских церквей. К сожалению, датировка бревен из рва Олонецкой крепости оказалась невозможной. Эти результаты непосредственно относятся к кругу двух первых направлений, о которых говорилось в начале статьи – хронологического и исторического.

Кратко напомним, что точное определение даты строительства исследуемого памятника возможно только после тщательного рассмотрения всего комплекса полученных для данной выборки материалов дат последних сохранившихся на образцах колец. Определение этих дат как «порубочных» или «непорубочных» (Черных, 1996, с.56) дает основание называть время строительных работ или в точных календарных рамках, или же определять его как «terminus post quem» (Eckstein et al, 1984, p. 24).

Итак, для изученных карельских памятников нами были установлены даты различных строительных периодов – от определения времени первоначального возведения памятника до последующих его перестроек и ремонтов отдельных его частей. Все полученные результаты отображены на исторической схеме (рис.2).

В первую очередь отметим все случаи, когда имеет место полное совпадение архивных и дендрохронологических дат. Таковых удалось найти всего восемь:

- 1) церковь Флора и Лавра в с. Мегрега (рис. 2, № 14), 1613 г.;
- 2) Петропавловская церковь на Лычном острове (рис. 2, № 2), 1620 г.;
- 3) Георгиевская церковь в с. Юксовичи (№ 13), перестроенная и заново освященная в 1632 г.;
- 4) церковь Петра и Павла в с. Вирма (№ 1), перестроенная в 1635 г.;
- 5) Преображенская церковь в Кижях (№ 3), начало строительства 1714 г.;
- 6) Успенская церковь в с. Кондопога (№ 6), 1774 г.;
- 7) Богоявленская (Петропавловская) церковь в с. Челмужи (№ 11), где в 1778 г. проводилась реконструкция и освящение престола Петра и Павла;
- 8) Ильинская церковь в с. Суйсари (№ 5); известно, что в 1864 г. в ней был построен новый алтарь.

В четырех случаях расхождение в датах составляет более двух лет, причем дендродата всегда предшествует дате архивной:

- 1) Покровская церковь в Кижях (№ 4) – временной разрыв два года (архивная дата 1764 г., дендродата 1762 г.);
- 2) Никольская церковь в с. Согинцы (№ 12), временной разрыв три года (архивная дата 1658 г., дендродата 1651 г.);
- 3) Варваринская церковь в д. Яндомозеро (№ 10), временной разрыв семь лет (архивная дата 1658 г, дендродата 1651 г.).
- 4) Петропавловской церкви в с. Вирма (№ 1) – временной разрыв так же составляет семь лет (архивная дата 1759 г., дендродата 1752 г.).

Подобные расхождения могут объясняться двояко. Первый вариант – плохая сохранность древесины и отсутствие наружных колец, т.е. имеет место «непорубочная» дата. Поскольку фиксация наружных колец на кернах или на единичных образцах-спилах почти всегда крайне затруднительна, то при работе с подобными материалами вопрос о точной дате зачастую остается открытым. Если же дендродата определяется как «порубочная», то подобное расхождение может свидетельствовать о втором варианте – т.н. «выдержке» строительного дерева.

Сама эта проблема вызывает разногласия у исследователей. Одни полагают, что срубленное дерево шло в работу сразу же после «повала» еще «зеленым» (Колчин, 1963; Hollstein, 1978). Другие придерживаются мнения,

что бревна в строительстве использовались только после «выдержки», причем иногда весьма длительной (Горшин и др., 1992). Нам представляется, что наши исследования строительного дерева архитектурных памятников северных регионов европейской России дают веские аргументы в пользу сторонников первой точки зрения. Во всяком случае те результаты, которые были получены для дерева нескольких известнейших шедевров русской деревянной архитектуры XVII–XIX вв., подтверждают это мнение.

Мы обратились к памятникам, для которых, с одной стороны, имеются достаточно представительные выборки строительного дерева хорошей сохранности (спилы), а с другой – надежная архивная документация. Здесь следует назвать три постройки Нёнокского ансамбля XVIII–XIX вв. (Приморский р-н Архангельской обл.): Троицкая и Никольская церкви 1727 и 1762 гг., а также колокольня 1834 г., представленные 23 полноценными спилами (Черных, Сергеева, 1997). Из карельских памятников упомянем четыре памятника XVII–XIX вв.: церкви Фрола и Лавра (четыре спила), а также Петра и Павла на Лычном острове (11 спилов), Преображенскую церковь в Кижях (27 спилов) и Успенскую в с. Кондопога (четыре спила).

Все перечисленные выше постройки содержат бревна, время рубки которых с точностью до года совпадает с архивными датами их строительства (табл. 1). Особенно выразителен материал Кижского храма, где из 25 датированных образцов дерева основного сруба 17 давали дату 1714 г., а восемь бревен из верхних конструкций были срублены на два года позже – в 1716 г.

Возвращаясь к графической схеме на рис. 2, отметим, что она демонстрирует и другие возможности дендроанализа при исторической интерпретации полученных результатов. Одна из них касается оценки достоверности называемых письменными источниками сведений по строительной истории конкретной архитектурной постройки, особенно если имеются разногласия. Так, для Петропавловской церкви из беломорского села Вирма различными документами предлагаются, по крайней мере, шесть дат первоначального строительства: от 1625 до 1759 г. Полученные нами результаты позволяют выделить из них две: 1635 г. – время первоначального строительства храма и 1759 – год его реконструкции. Другой пример – Варваринская церковь, для которой называются две даты первоначального строительства – 1650 г. и 1658 г. Наши даты указывают на последнюю.

Нередко при изучении дерева архитектурного памятника приходится сталкиваться с крайне скудными и разноречивыми сведениями по его строительной истории, когда временные рамки указываются в пределах четверти или даже половины столетия. В подобных случаях дендродаты позволяют уточнить и конкретизировать их. Так, для Ильинской церкви в д. Суйсари имеются сведения, что она была основана в XVII в., а в конце XVIII в. к ней были пристроены трапезная, сени и колокольня. Полученные для дерева стен церкви даты указывают, что строительство осуществлялось не ранее 1605 г., а одна из последующих перестроек здания церкви имела место в середине 70-х гг. XVIII в.

Очень скудны сведения о часовне Михаила Архангела из прионежской деревни Лукинаволоок. Есть мнение, что она была возведена в середине XVIII в. Даты образцов дерева стен часовни указывают на то, что ее строительство, скорее всего, относится ко второй половине 50-х гг. XVIII в. (не ранее 1756 г.).

Для упоминавшейся ранее Варваринской церкви XVII в. один из последних строительных периодов, когда к церкви пристраивалась трапезная, согласно данным архивных источников имел место в 10–20-х гг. XVIII в. Даты двух бревен из стен трапезной указывают на середину или вторую половину 20-х гг. XVIII в.

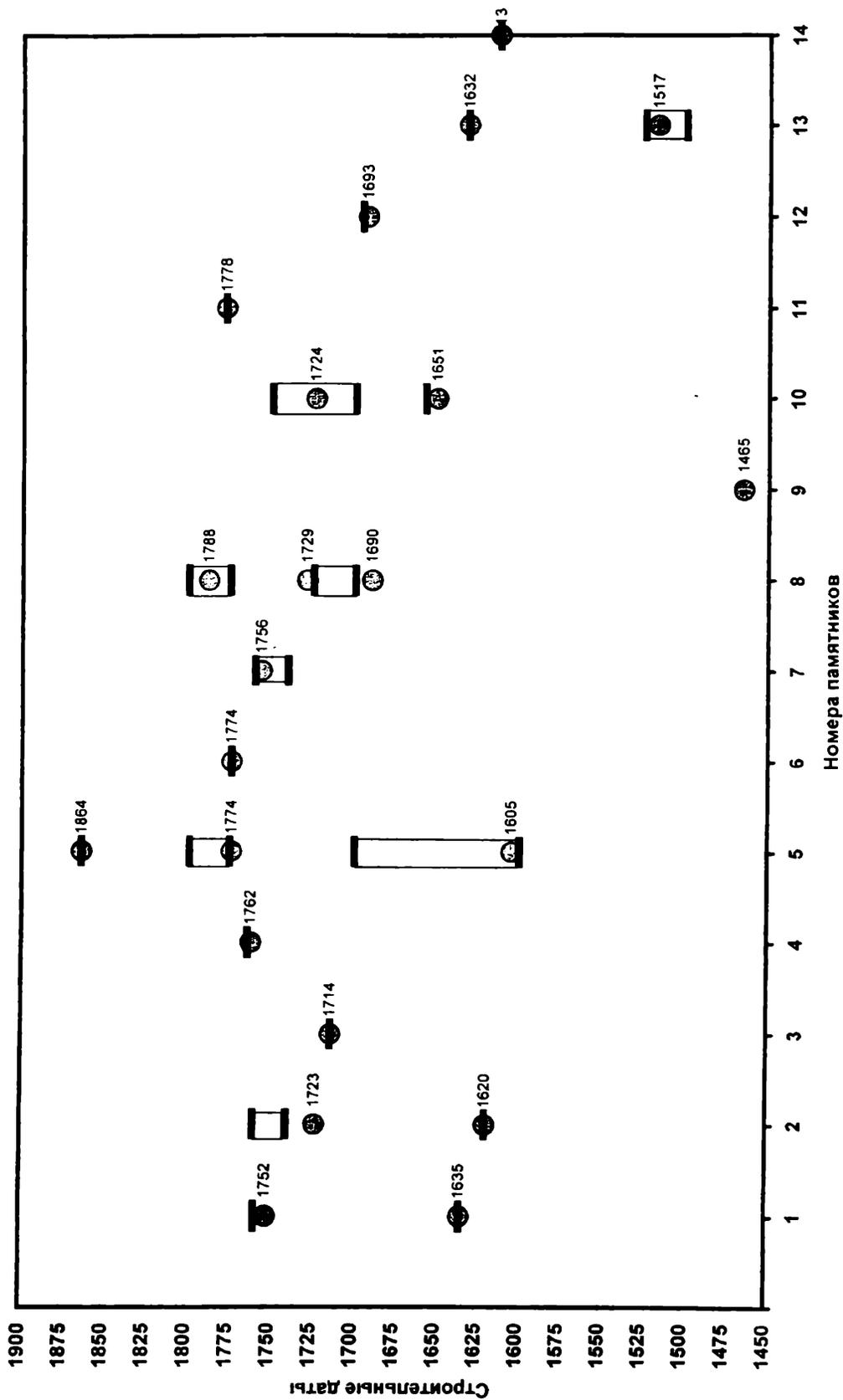

Рис. 2. Соотношение архивных и дендрохронологических дат карельских памятников.

Условные обозначения: кружок – дендродата, квадрат – архивная дата. Нумерация пунктов соответствует табл. 1 и карте.

И, наконец, последний пример. Архивные документы, имеющиеся для Георгиевской церкви в с. Юксовичи, называют разные даты ее первоначального строительства. Одна из них – первая четверть XVI в. Два образца дерева стен дают даты 1516 и 1517 гг. Вероятно последняя и определяет время постройки.

Иногда мы сталкиваемся со случаями, когда в постройке фиксируется дерево, даты рубки которого никоим образом не согласуются с данными письменных источников. Например, группа бревен, срубленных в последней четверти XVII в., обнаружена в значительной совокупности образцов дерева церкви Ильи Пророка и Трех Святителей Лукиноостровского погоста, построенной, согласно архивным данным, в начале XVIII в. Не исключено, что даты названной выше группы бревен определяют истинное время строительства – 90-е гг. XVII в. Оно либо не было отражено в письменных документах, либо мы столкнулись с вторичным использованием дерева.

Значительный интерес представляют результаты, полученные для материалов из Лазаревской церкви Муромского монастыря, причисляемой рядом исследователей к древнейшим образцам русского деревянного зодчества. Даты нескольких бревен из этой постройки, срубленных в 1464 г., действительно подтверждают мнение о принадлежности постройки кругу своеобразных деревянных церквей второй половины XV в. (Сергеева и др., 1987).

ЛИТЕРАТУРА

- Горшин С.И., Максименко Н.А., Горшина Е.С., 1992. Защита памятников деревянного зодчества. М.
- Колчин Б.А., 1963. Дендрохронология Новгорода // МИА. № 117. М.
- Колчин Б.А., 1965. Дендрохронология Восточной Европы // Археология и естественные науки. М.
- Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.
- Сергеева Н.Ф., Шургин И.Н., Черных Н.Б., Урьева А.Ф., 1987. Дендрохронологическое изучение церкви Воскрешения Лазаря из бывшего Муромского монастыря // Культура и искусство в СССР. Реставрация памятников истории и культуры. Экспресс-информация. Вып. 7. М.
- Сергеева Н.Ф., Черных Н.Б., 1997. Дендрохронологические шкалы Тверского региона (X – XV и XVII – XIX вв.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь.
- Урьева А.Ф., 1994. Дендрохронологический анализ памятников архитектуры и оборонительных сооружений Новгорода и Новгородской области // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Чернавская М.М., Пушин А.В., Черных Н.Б., 2000. Климатические экстремумы и аномалии прироста древесины в XVI – XIX вв. на севере Русской равнины // РА. № 4.
- Черных Н.Б., 1983. Дендрохронологическое изучение дерева из раскопок в Кирилло-Белозерском монастыре // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 2. М.
- Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.
- Черных Н.Б., Сергеева Н.Ф., 1997. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги) // РА, № 1. М.
- Черных Н.Б., Карпухин А.А., 2001. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XII–XV вв. (по материалам раскопок в Тверском Кремле) // РА, № 3.
- Eckstein D., Baillie M., Egger H., 1984. Handbooks for archaeologists. № 2. Dendrochronological Dating // European Science Foundation. Strasbourg.
- Hollstein E., 1978. Wood Technology and the Dating Oak. West German Chronologies for Oak and Beech. Dendrochronology in Europe // British Archaeological Report, № 51.

ХРОНИКА

К. А. Смирнов

РАБОТА УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН В 1996–2000 гг.

В состав Ученого совета Института археологии РАН входят 21 человек, председатель совета – директор Института, член-корреспондент РАН Р. М. Мунчаев, секретарь д. и. н. К. А. Смирнов.

Деятельность Ученого совета Института охватывает научно-организационную работу, включающую разработку и утверждение плана научно-исследовательской работы, утверждение плановых тем сотрудников и работ для публикации, обсуждение и утверждение отчетов заведующих подразделениями о работе в отчетном году. Ежегодно проводится совместное заседание Ученого совета и собрание научных сотрудников, на котором коллектив знакомится с результатами научно-исследовательской и научно-организационной работы за год.

Помимо этого Ученый совет производит выдвижение кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты РАН, ходатайствует о награждении государственными наградами, выдвигает кандидатов на соискание Государственных премий Российской Федерации, премий имени великих ученых, ходатайствует о присвоении сотрудникам ученого звания профессора и почетных званий, а также выдвигает претендентов на государственные научные стипендии выдающимся ученым России. Научно-исследовательская работа включает заслушивание и обсуждение докладов, посвященных наиболее важным проблемам археологии, древней и средневековой истории и культуры или результатам работ крупных экспедиций.

За рассматриваемый период Ученый совет много сделал в области научно-организационной работы. Помимо заслушивания отчетов и утверждения тем и работ в печать, в феврале 1997 г. были выдвинуты кандидатами в члены-корреспонденты РАН по специальности «российская история» доктора исторических наук В. В. Седов и Н. А. Макаров, а в феврале 2000 года по специальности «всеобщая история» был выдвинут доктор исторических наук Р. М. Мунчаев. Все соискатели были избраны.

В рассматриваемый период двум сотрудникам Института за большой вклад в подготовку научных кадров и создание научных школ были присвоены ученые звания профессора – докторам наук Л. В. Кольцову (январь 1998 г.) и Х. А. Амирханову (ноябрь 1999 г.).

Ряд сотрудников за большой вклад в развитие археологии и в связи с юбилейными датами были выдвинуты на награждение правительственными наградами: академик Б. А. Рыбаков в связи с 90-летием со дня рождения и профессор Р. М. Мунчаев в связи с 70-летием со дня рождения. Кроме того, в связи с юбилеем Российской академии наук на награждение ор-

денами и медалями Российской Федерации были выдвинуты: член-корр. Т. И. Алексеева, член-корр. В. В. Седов, доктора наук Т. И. Макарова и К. А. Смирнов.

На соискание почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» был выдвинут д. и. н. Н. Я. Мерперт (март 1996 г.) и в связи с юбилеем Российской академии наук были выдвинуты д. и. н. В. И. Марковин и д. и. н. Г. А. Кошеленко (январь 1999 г.).

Ученый совет выдвигал фундаментальные труды сотрудников Института на соискание Государственных премий Российской Федерации. В 1997 году было выдвинуто исследование д. и. н. В. В. Седова в двух книгах «Славяне в древности» и «Славяне в раннем средневековье».

В 1999 году на соискание Государственной премии России была выдвинута серия трудов д. и. н. Р. М. Мунчаева, д. и. н. Н. Я. Мерперта и д. и. н. Н. О. Бадера по проблеме «Древнейшая история и культура Месопотамии VIII–IV тыс. до н.э. (вклад российских археологов в изучение древней Месопотамии)». Основные результаты работ опубликованы в трудах Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии» (М., 1981) и Н. О. Бадера «Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии» (М., 1989).

В марте 2000 г. Ученый совет поддержал решение Ученого совета Института востоковедения РАН о выдвижении трудов д. и. н. Х. А. Амирханова по археологии Йемена в составе группы исследователей на соискание Государственной премии Российской Федерации.

В мае 1997 г. на соискание премии имени И. Е. Забелина была выдвинута монография д. и. н. А. Е. Леонтьева «Археология мери» (М., 1996).

В мае 1996 г. на соискание премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария была выдвинута книга д. и. н. Л. А. Беляева «Древние монастыри Москвы по данным археологии» (М., 1994).

В июне 2000 г. Ученый совет провел избрание заведующих подразделениями: д. и. н. Х. А. Амирханов был избран заведующим отделом каменного века (на новый срок), к. и. н. А. С. Смирнов избран заведующим отделом охранных раскопок (на новый срок), к. и. н. А. В. Кашкин избран заведующим отделом археологических сводов и карт.

Научные доклады, заслушанные Ученым советом, посвящены важнейшим проблемам отечественной и мировой археологии и древней истории.

Большое внимание было уделено мероприятиям, связанным с 850-летием первого упоминания города Москвы в летописи. В январе 1997 г. заведующий сектором археологии Москвы д. и. н. Л. А. Беляев сделал короткий доклад «О развитии археологии Москвы и о подготовке к 850-летию Москвы», в котором рассказал об основных мероприятиях, связанных с этим событием.

В октябре проведено специальное заседание Ученого совета Института археологии РАН, посвященное 850-летию Москвы. Оно было организовано как однодневная конференция. Помимо членов Совета на заседании присутствовало более 50 человек и из них более 10 – сотрудники других учреждений. Были сделаны доклады: Л. А. Беляев (ИА РАН) – «Москва: современный город и археологический памятник», А. Г. Векслер (Центр археологических исследований г. Москвы) «Охранные археологические исследования в Москве в 1996–1997 гг.», Н. А. Кренке (ИА РАН) «Двор Романовых XVII в. на Моховой. Раскопки 1996–97 гг.», С. З. Чернов (ИА РАН) «Округа Москвы в XIII–XVIII вв. по данным новых археологических и историко-ландшафтных исследований».

Советом было принято решение, в котором отмечено, что в городе Москве, включая районы, где имеются древние отложения, ведется большое строительство. Это обусловило необходимость проведения в местах

новостроек широкомасштабных археологических исследований. Было отмечено, что работы проводятся в объеме, позволяющем полностью изучить археологическое наследие города. Огромную положительную роль в успехах археологических работ играет всемерная поддержка исследований Правительством Москвы во главе с мэром города Ю. М. Лужковым. Ученый совет специально отметил, что несмотря на значительные сложности, связанные с проведением исследований в интенсивно развивающемся современном городе, их методический уровень в полной мере соответствует современным требованиям. В процессе работ были выработаны новые методические приемы, связанные, в частности, с фиксацией объектов в больших котлованах. Особое значение для развития методики имели раскопки в г. Москве на Манежной площади.

В апреле 1999 г. было проведено заседание Ученого совета ИА РАН, посвященное 275-летию РАН и 80-летию Института археологии РАН. Оно было организовано как конференция, опубликованы тезисы докладов «Археология России в XX веке: итоги и перспективы» (М., 1999). Всего заслушано 12 докладов, посвященных важнейшим проблемам археологии и древней истории. Изучению одного из крупнейших древнерусских городов был посвящен короткий доклад В. Л. Янина «Некоторые наблюдения в связи с итогами полевого сезона 1998 г. в Новгороде». В прочих докладах были рассмотрены основные направления исследований Института: В. В. Седов «Славяно-русская археология на современном этапе»; Х. А. Амирханов «Изучение каменного века в Институте археологии РАН»; Е. Н. Черных «Некоторые важнейшие аспекты и проблемы изучения эпохи раннего металла в Евразии»; Л. Т. Яблонский «Скифы, сарматы и другие в XXI в. н.э.»; А. С. Смирнов «Сохранение археологического наследия России в современных условиях»; Р. М. Мунчаев «Российская археология на международной арене»; Г. А. Кошеленко «О некоторых итогах исследований в области классической археологии за последние годы»; И. С. Каменецкий «Отдел теории и методики Института археологии РАН»; В. Ф. Старков «Институт археологии РАН. Исследования на территории Арктики»; Л. А. Беляев «Археология столицы России в ее прошлом и настоящем»; Ю. А. Краснов «Археологическая карта России». В заслушанных докладах были кратко подведены итоги многолетних исследований, охарактеризовано современное состояние проблемы и намечены задачи.

В январе 2000 г. был заслушан доклад Р. М. Мунчаева «Месопотамия: открытия российской экспедиции», который вызвал оживленное обсуждение. Начиная с 1968 г. в Северной Месопотамии работала Российская экспедиция под руководством д. и. н. Р. М. Мунчаева (в 1968–1984 гг. в Ираке и с 1987 г. по настоящее время в Сирии). Благодаря многолетним исследованиям, был получен уникальный материал по древнейшей истории этого региона, в результате чего сформировалась российская школа классической переднеазиатской археологии, которой ранее не было. Полученные материалы позволили четко представить процесс возникновения земледелия и скотоводства, а также становления и развития ранних этапов древнейшей цивилизации. Результаты этих работ получили полное признание и высочайшую оценку как в России, так и за рубежом.

В феврале 1996 г. был заслушан доклад С. Н. Кореневского «Майкопская культура в свете ее новых данных на Тереке». При обсуждении отмечено, что в основу доклада положены материалы, добытые при раскопках автора. Р. М. Мунчаев отметил, что по мере накопления материала проблема майкопской культуры усложняется. Имеются явные аналогии с Северной Месопотамией.

В марте 2000 г. заслушан доклад А. В. Энговатовой «Комплексные охраняемые исследования городища Настасьино», который познакомил с

результатами исследований памятника, оказавшегося в зоне строительства. При работах широко применялись методы естественных наук. Исследованы системы укреплений и жилища. Было установлено, что при рытье рва были уничтожены края ранних жилищ, что неопровержимо свидетельствует о том, что первоначально поселок не имел мощных укреплений. Комплекс находок свидетельствует о локальных особенностях поселения. Доклад вызвал оживленное обсуждение и получил высокую оценку.

В марте 2000 г. заслушан коллективный доклад Е. Н. Черных, Л. И. Авиловой, Л. Б. Орловской «Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология», в котором были подведены итоги многолетних исследований. Доклад вызвал оживленное обсуждение и получил высокую оценку. Было отмечено, что полученные результаты имеют большое значение для развития мировой науки. В настоящее время исследование, кратко изложенное в докладе, опубликовано в виде монографии.

В июне 2000 г. был заслушан доклад А. В. Чернецова «Работы 1994–1999 гг. В Старой Рязани». Докладчик отметил, что полученные материалы раскрывают ранее неизвестные стороны жизни города. Доклад вызвал оживленное обсуждение, а результаты проделанных работ получили высокую оценку. В частности, было отмечено, что в связи с тем, что в 90-х годах исследования древнерусских городов сократились, работы в Старой Рязани особенно важны и должны быть продолжены.

Одним из основных результатов раскопок последних лет являются данные, свидетельствующие, что и после монгольского погрома город продолжал существовать.

Одно заседание было посвящено работе отдела полевых исследований ИА РАН. В декабре 2000 г. член-корр. РАН В. В. Седов сделал доклад о проекте нового «Положения о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах». Проект был утвержден Ученым советом.

Ученый совет уделял внимание ходу работы над многотомной «Археологией СССР». В июне 1997 г. было проведено специальное заседание, на котором В. В. Волков и А. Н. Гей сообщили о ходе работы над томом «Эпоха бронзы Евразийских степей», а Т. И. Макарова доложила, что том «Древняя Русь. Зодчество, культура, быт» завершен и находится в издательстве (вышел в свет в 1997 г.) и начата работа над томом «Крым и Кавказ в эпоху средневековья» (в окончательном виде том получил название «Крым, Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья»). Г. А. Брыкина сообщила о ходе работы над томом «Средняя Азия в эпоху средневековья» (вышел в свет в 1999 г. под названием «Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье»).

Таковы основные итоги деятельности Ученого совета Института археологии РАН за период 1996–2000 годы.

Л. И. Авилова

РАБОТА ЛАБОРАТОРИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ
МЕТОДОВ ИА РАН В 1996–2000 гг.

Лаборатория естественнонаучных методов в качестве самостоятельной структурной единицы Института археологии существует с 1967 г. Первые опыты широкого и комплексного применения методов естественных и технических наук в исследованиях археологического материала начались с 1959–1960 гг. в рамках отдельных групп (кабинетов), входивших в состав лаборатории камеральной обработки ИИМК АН СССР. Инициатором и активным организатором этих прогрессивных научных течений был Б. А. Колчин, в 1967 г. возглавивший лабораторию как особое научное подразделение Института. С 1984 г. лабораторией руководит Е. Н. Черных.

Профиль лаборатории – выявление в археологическом материале информации, являющейся предметом изучения естественных наук: физики, химии, геологии, прикладной математики, биологии и пр. Данные, получаемые с помощью этих методов, существенно дополняют выводы традиционной археологии и позволяют формулировать новые проблемы и направления исследований. Это касается экономики и экологических условий древности, датировки памятников, источников сырья, технологии изготовления ремесленных изделий и др.

Структура лаборатории менялась с течением времени. В ходе работы одни научные направления развивались, другие переходили в рамки иных подразделений ИА (история керамики) или же угасали как требующие мощной экспериментальной и технической базы (археомagnetизм). В настоящее время коллектив лаборатории состоит из 15 научных сотрудников, среди них доктор и семь кандидатов исторических наук, кандидат биологических наук и кандидат географических наук. В настоящей публикации характеризуется работа лаборатории за последние пять лет – 1996–2000 гг.

Генеральное научное направление, разрабатываемое в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН можно обозначить как «История производящей экономики в Евразии в V тыс. до н.э. – II тыс. н.э.». В его рамках в коллективе традиционно ведется работа по двум основным разделам: историко-металлургическому и археобиологическому. Первый включает исследования древнего цветного и черного металла, проблемы его освоения и использования в различные эпохи. Второй объединяет изучение проблем эволюции климата и дикой растительности; роли культурных злаков; использования фауны человеком. Ко второму разделу примыкают и дендрохронологические исследования. Эти два основных раздела представлены рядом творческих исследовательских групп, каждая из которых характеризуется использованием специфического метода исследований.

Уже в течение многих лет характерной чертой работы лаборатории является разработка крупных научных тем коллективного характера; вокруг каждой темы группируется постоянный коллектив, работающий по единому плану. Каждый из участников конкретного творческого коллектива разрабатывает вместе с тем свою индивидуальную, хотя и тесно связанную с прочими тему.

В лаборатории ведется работа теоретического плана в рамках разработки крупных коллективных исследований. Это, в частности, проблемы сложения и распада обширных культурно-производственных объединений типа металлургических провинций и вычленение определенных хозяйственно-культурных зон в их пределах; системный анализ моделей их функционирования; закономерности формирования этнопроизводственных традиций в кузнечном ремесле; соотношение природного и антропогенного факторов в культуре; типы древнего земледелия и скотоводства.

За прошедшие пять лет в рамках генерального направления велись следующие разработки. «Циркумпонтийская металлургическая провинция (ЦМП) эпохи ранней и средней бронзы», связанная с исследованием крупнейшей историко-культурной и производственной системы бронзового века в Старом Свете. Ее исполнителями были Е. Н. Черных (в качестве руководителя), Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская, Т. О. Тенейшвили. По тематике этого проекта за пять лет были выполнены следующие темы: «Древнейший металл Эгеиды (ранний и средний бронзовый века)» – исполнитель Л. Б. Орловская; «Древние бронзы Леванта» – исполнитель Л. И. Авилова; «Древнейший металл Сузианы», исполнитель – Т. О. Тенейшвили. Начата работа над темой «Древнейший металл северо-западного Ирана», исполнитель Л. И. Авилова. Основу исследований по Циркумпонтийскому проекту составляют компьютерные базы данных, к концу 2000 г. база данных по металлическим изделиям составила более 80 тысяч предметов.

В рамках этой же крупной разработки было выделено еще две подтемы: «База данных по радиоуглеродным датировкам ЦМП», позволившая предложить уточненную хронологию для всего региона, исполнители – Е. Н. Черных (руководитель), Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская, а также «Система географических координат как универсальный инструмент в базах данных» (исполнители Е. Н. Черных и Л. Б. Орловская). Последняя работа позволяет провести точную локализацию и создание масштабных карт памятников по различным признакам.

Другим, тесно связанным с первой разработкой, стало исследование «Евразийская металлургическая провинция эпохи поздней бронзы», ее исполнителями являлись С. В. Кузьминых (руководитель), Е. Н. Черных и Л. Б. Орловская. В ней также были выделены две подтемы – по радиоуглеродным датировкам и точным географическим координатам памятников.

Особое место в деятельности лаборатории за последние пять лет занимала научная тема «Каргалы – древнейший горно-металлургический центр Северной Евразии». С ней была связана комплексная Каргалинская археологическая экспедиция (1996–1999 гг.), руководитель Е. Н. Черных.

Экспедицией обследован ряд археологических памятников в уникальном по масштабам комплексе рудников и поселений производственного характера Каргалы (Оренбургская обл., эпоха бронзы). Раскопки дали огромный материал для понимания раннего горного дела и металлургии на восточной периферии Европейского континента. Были существенно уточнены представления о масштабах древних горных разработок меди в середине II тыс. до н.э. На поселении срубного времени у хутора Горный исследовался комплекс, связанный с бронзолитейным делом. Был также собран огромный остеологический материал, освещающий характер использования скота и различные этапы производства изделий из кости. Полученная серия радиоуглеродных дат, в том числе из погребения литейщика в кургане у с. Першино, подтвердила раннюю дату начала эксплуатации Каргалинских месторождений – ямно-полтавкинское время.

В экспедиции принимали участие 7 сотрудников лаборатории, сотрудники Физико-технического института УрО РАН (г. Ижевск, руководитель И. В. Журбин) и группа специалистов Центра исторических исследований

Испании (руководитель – д-р М.-И. Мартинес Наваррете). На базе этого сотрудничества применялись геофизические методы полевых исследований, проведены серии аналитических исследований древних шлаков, пыльцы растений и обугленных древесных остатков, а также масштабные работы по применению космической съемки.

По ходу экспедиционных работ была сформулирована еще одна научная тема – «Керамика поселения Горный I (Каргалинский горно-металлургический центр). Классификация форм» (исполнитель В. Ю. Луньков).

Другая сторона генерального направления деятельности лаборатории по исследованиям производящей экономики представлена темой «Древнейшее земледелие Восточной Европы в бронзовом и железном веках», исполнитель Е. Ю. Лебедева. Работа основана на статистическом анализе зерен культурных и диких растений. Ее результатом стала сравнительная характеристика моделей земледелия, существовавших на данной территории с периода энеолита по эпоху железа; особого внимания заслуживает вывод о весьма слабом развитии данной отрасли экономики в эпоху бронзы по сравнению с предшествующим и последующим периодами. Исполнителем темы «Скотоводство степной полосы Восточной Европы в эпоху бронзы» являлась Е. Е. Антипина, биолог, специалист в области археозоологии. Ею был выполнен огромный объем работ по определению костей домашних и диких животных. Ее выводы рисуют разнообразие моделей использования домашних и диких животных в связи с конкретными природными условиями существования и типами экономики древнего населения. В то же время сделан важный вывод о единообразии системы скотоводства в эпоху поздней бронзы на обширной территории степей и лесостепей Восточной Европы. Обе эти темы разрабатывались в основном в рамках Каргалинского проекта, с широким привлечением аналитических материалов из Южно-уральского региона, бассейна Дона, Восточного Крыма.

К перечисленным темам примыкают эколого-палинологические исследования, хотя они не были включены в комплексный Каргалинский проект. По данной тематике в течение пяти последних лет выполнены две коллективных темы: «Природная среда в эпоху бронзы: лесная зона Европейской России» и «Особенности природной среды Волго-Окского междуречья в железном веке и средневековье». Исполнители – географы Е. А. Спиридонова (руководитель) и А. С. Алёшинская. Эти работы позволили установить закономерности изменений климата в различные эпохи и связанных с ними ландшафтных зон, в которых протекало развитие древних культур.

Традиционной для лаборатории является тема истории обработки черного металла, которая также входит в генеральное направление историко-металлургических исследований, но отличается специфическим методическим подходом, основанном на металлографическом анализе кузнечных изделий. За пятилетие в ходе разработки направления, обозначенного как «Традиции и инновации в кузнечном производстве» была выполнена крупная коллективная работа «Специфика и взаимодействие ремесленных центров: городское и сельское ремесло». Исполнители – Н. Н. Терехова (руководитель), Л. С. Розанова, В. И. Завьялов, М. М. Толмачёва. Начата работа над проектом «Традиции древнерусского кузнечества в послемонгольский период», в котором заняты Н. Н. Терехова, Л. С. Розанова и В. И. Завьялов. В этих исследованиях ставится задача не только охарактеризовать технико-технологический уровень и специфику кузнечного ремесла в конкретном регионе и в конкретную эпоху, но и проследить формирование определенной этнической традиции в данной отрасли производства и ее взаимосвязь с ключевыми факторами истории данных этнических групп.

Специфической областью работы лаборатории стали дендрохронологические исследования, основанные на массовых определениях возраста

древесины из археологических раскопок и архитектурных объектов. Была выполнена тема « Дендрохронология архитектурных памятников Прионежья и Северного Приладожья (Карелии) XV–XIX вв.» и начата работа по локальным дендрохронологическим шкалам Тверского региона. Исполнители – Н. Б. Черных (руководитель) и А. А. Карпухин.

Опыт показал плодотворность такой организации исследований, основанной на формировании научных групп, связанных общей проблематикой и исследовательской методикой: прежде всего она позволяет ставить и решать крупные проблемы с детальной проработкой обширного фонда источников.

Подобный подход стал возможен благодаря специфической черте работы лаборатории – широкому использованию ЭВМ при разработке научных тем, как крупных коллективных, так и индивидуальных. Это дает возможность достичь огромной экономии времени при обработке результатов анализов, которые сами по себе чрезвычайно трудоемки, и затем всего фонда археологических источников, причем достигается чрезвычайно разносторонняя и точная обработка материалов. Основой работы коллектива лаборатории стало создание компьютерных баз данных, где хранится исчерпывающая информация по каждому виду источников и результатам их статистического анализа. Все группы (кабинеты) лаборатории в той или иной мере обеспечены компьютерной техникой.

Разработан и применяется ряд программ по созданию и обработке обширных баз данных по различным материалам, а также ряд программ поискового характера, программы статистической обработки, калибровки радиоуглеродных датировок и построения полевых чертежей, графиков и гистограмм. Все программы находят практическое применение при работе над научными темами и написании текстов работ, в ходе полевых исследований. В историко-металлургической группе созданы уникальные по объему и информативности базы данных по древним изделиям из цветного металла.

Здесь же отрабатывается специальная программа по точной фиксации памятников в системе географических координат. В кабинете металлографии идет процесс создания базы данных по технологии обработки черного металла. В кабинете палинологии разработана специальная программа, позволяющая создание базы данных по споро-пыльцевой тематике с построением гистограмм и диаграмм, отражающих определенные климатические характеристики. В кабинете дендрохронологии имеется специальная программа по сравнительной характеристике кривых роста как отдельных образцов, так и локальных и региональных шкал, работа по созданию уникальной базы данных по археологическим и архитектурным образцам дерева, проанализированным в кабинете дендрохронологии. Внедрена и используется специальная компьютерная приставка для автоматизации замера ширины годичных колец при проведении дендрохронологических анализов. Специфическими базами данных обладают кабинеты карпологии и остеологии. В целом можно считать, что лаборатория достаточно оснащена компьютерной техникой, что открыло чрезвычайно широкие перспективы в обработке, анализе и интерпретации массового материала.

Сотрудники лаборатории принимают участие в экспедициях, организованных в различных подразделениях ИА и иных археологических учреждений страны. Работа в экспедициях соответствует тематике их научных разработок, параллельно ведется отбор материалов для анализов.

Сотрудники лаборатории в соответствии со спецификой подразделения выполняли планы аналитических работ в связи со своими научными интересами и по заявкам сотрудников Института и иных научных организаций. Однако следует отметить, что технически сложные анализы спект-

рального состава цветного металла не проводятся вследствие полного износа и поломки дорогостоящего оборудования. Средств на его замену не имеется. Соответствующие научные темы разрабатываются с широким использованием богатых архивов ранее проведенных аналитических работ (порядка 45 тысяч анализов).

В кабинете металлографии за пять лет проведено 1800 анализов черного металла, этими исследованиями охвачены многие десятки памятников в хронологическом диапазоне от раннего железного века до позднего средневековья (XVI–XVII вв.), расположенные от районов Русского Севера до Причерноморья и Северного Кавказа.

Методом карпологии изучено 750 проб (зерновых скоплений, отмывок культурного слоя, отпечатков на глине) с 55 памятников различных эпох от бронзового века до средневековья.

Проведены массовые остеологические определения костей животных с 40 памятников различных периодов, в основном эпохи бронзы и железа, при этом объем коллекции с одного памятника составлял от нескольких костей до 2,5 миллионов, как на поселении Горный (Каргалинский горно-металлургический центр).

Палинологические анализы были сделаны для 75 памятников в хронологическом диапазоне от палеолита до средневековья, при этом технической обработке подверглось 1780 проб, а детальному анализу 880 образцов.

Дендрохронологические анализы проводились на 20 археологических и архитектурных памятниках, число обработанных спилов составило 1100, из них датировать удалось 750 образцов, были получены точные даты в хронологическом промежутке от X по XIX вв.

Сотрудники лаборатории принимали активное участие во множестве Международных, общероссийских, региональных конгрессов, конференций, симпозиумов и т.д. Значительна печатная продукция лаборатории – за пять лет опубликовано более 200 печатных работ общим объемом около 210 печатных листов, среди них 5 монографий:

Черных Н. Б. Археология и дендрохронология. М., 1996;

Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура)». Кемерово, 1997;

Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачёва М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997;

Черных Е. Н. Каргалы. Забытый мир. М., 1997;

Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Сотрудники лаборатории постоянно и успешно участвуют в конкурсах научных проектов, они работали по грантам двух фондов – РФФИ и РГНФ. Всего за пять лет сотрудники лаборатории являлись руководителями 29 грантов (23 по РФФИ и 6 по РГНФ); из них 15 исследовательских проектов, 11 экспедиционных, 2 издательских и 1 на организацию конференции. Кроме того, сотрудники лаборатории были задействованы в качестве исполнителей еще в 9 проектах, руководителями которых стали сотрудники других подразделений ИА.

В работе лаборатории, как и Института в целом, имеются трудности. Практически все они связаны с недостаточным финансированием работ, что подрывает как аналитическую сторону деятельности лаборатории, так и остальные – участие в конференциях, командировки по сбору материалов, ознакомление с музейными собраниями и т.д. Фактически полностью прекращено централизованное снабжение оборудованием и химикатами. Все эти проблемы приходится решать исключительно за счет средств, получаемых по грантам. Финансовые трудности негативно влияют и на пополнение лаборатории молодыми кадрами.

SUMMARY

Articles

In the article by Kh. A. Amirkhanov, S. Yu. Lev, and A. B. Seleznev entitled «The problem of «Palaeolithic village» in Kostenki culture from the standpoint of Zaraisk encampment investigations» the thesis on superimposed dwelling and household assemblages of Kostenki and Avdeevo types is grounded. Various stratigraphic and planigraphic data are drawn, as well as those of micro-stratigraphic analysis. The fact of isolated and singular character of Avdeevo-type assemblages within each stratigraphic level permits the authors to question long-lasting suppositions on large dimensions of Kostenki-type encampments and their interpretation as a kind of «village», or settlements made of clusters of such assemblages.

The article by L. V. Koltsov «On some problems of Mesolithic» turns the specialists' attention to a number of problems of Mesolithic, such as chronology, formation of cultures, population segmentation and migrations character. The processes of assimilation and adaptation are considered, as well as those of palaeoeconomy and interrelations of adjacent cultures, their historical destinies, variability of cultural entities' development and divergence of cultures within the latter.

In the article by L. I. Avilova and L. B. Orlovskaya «Historical-metallurgical and radiocarbon databases on the Circumpontic metallurgical province» the results of investigations of materials from the Circumpontic archaeological zone are characterised. The province represents huge historical and producing system that existed in the Early and Middle periods of the Bronze Age. Computer databases of radiocarbon dates and metal finds from the main regions of the province are characterised. General conclusions based on the databases analysis are presented.

J. B. Apakidze in the work «On the problem of artificial habitation hills of Colchis culture» deals with specific sites of Colchis culture dated to the Late Bronze Age and Early Iron Age – artificial habitation hills (or tells). Special attention is paid to the chronology of Naokhvamu settlement. The site is situated in Reka village (Senaki district, Western Georgia), in central Colchis. The hill was oval in shape. Its height was 1,5 m above the ground level, and the diameter measured 60 m. The site consisted of three layers and was encircled by artificial ditch. Having analysed in details archaeological material, radiocarbon dates yielded by other synchronous sites in Colchis, as well as close and distant analogies, the author suggests the following dates of Naokhvamu settlement: the lowermost layer – the 15th–14th cc. BC, the middle one – the 13th c. BC, and the uppermost one – 12th–11th cc. BC.

In the article by N. L. Chlenova «Navigation over the Teletskoe lake in the Altai in the early Scythian epoch» some archaeological finds of the 7th–6th cc. BC are considered. Proceeding from the results of their mapping, the author presents a reconstruction of water route that connected in that time High Altai and the southern part of Minusinsk depression.

In the article by V. V. Sedov «The prehistory of the Byelorussians» the ethnographic territory settled by the Byelorussians is viewed as the ancient territory of the Balts. During the process of Slavic tribes settling (the 5th–9th cc. AD) the Balts did not quit their lands. Thus Slavo-Baltic symbiosis had been

formed that resulted in assimilation of the local population and emergence of linguistic and ethnic features which became later characteristic of the Byelorussians. In the 10th–12th cc. the lands in question were a part of ancient Russian state, and thus underwent integral processes typical of all East-Slavic ethnolinguistic entity. Disintegration of Russian state and entering of western Russian lands into Lithuanian principality had led to maintenance of old regional phenomena that resulted in emergence of the Byelorussians in the 15th–16th cc.

The article by A. A. Yushko «Stages and regularities in settling of Slavic population within the Moscow land» discusses the history of Slavic population settling in Moscow region. Three stages are outlined in this process: the 9th–11th cc., late 11th–13th cc., and the 14th c. The first and second stages are singled out proceeding from the archaeological material only, and the analysis of archaeological map as well. For the third stage characterised by formation of large-scale landownership the role of written sources is essential.

N. V. Zhilina in her work «Russian and Byzantine filigree art» outlines and compares the stages observed in Russian and Byzantine filigree art in the period since the 5th–6th to 15th–16th cc. Thus the author traced the way of development of Russian filigree from geometric to spiral style. In the 11th–13th cc. Russian art was closely connected with that of Byzantium, but in the 14th c. original variant of spiral style was formed in Russia. Having studied the manufacturing aspect of filigree art, the author comes to a conclusion concerning the close links of Byzantine and Russian technological schools during the 12th–15th cc; technological peculiarity of Russian filigree art is shown.

In the paper by Yu. Yu. Morgunov «On the mudbrick wall masonry of prince Vladimir Svyatoslavich period» the author claims that mudbrick masonry was typical of the short period of prince Vladimir Svyatoslavich epoch. These constructions were located within the exterior side of city fortification ramparts. Close analogies may be pointed to in khazarian military architecture, but the strongest similarities are observed in Greek-Byzantine fortification. It is from there the discussed traditions must have been introduced into Rus' in the period of its active opposition to the Pechenegs. Having considered south Russian defensive architecture in general, the author comes to the interpretation of Russian ramparts of that epoch as the archaeological remains of once vertical fortification walls.

Publications

The work by V. I. Kulakov and O. V. Iov entitled «Sword chapes from barrow 174 of Kaup cemetery and Franopol hillfort» is dedicated to the publication of unique find from Sambia – sword chape fragment discovered in 1932 in barrow 174 of Kaup cemetery. The item is performed in Elling style and dates from 950–975. Its close analogy was found at Franopol fortified settlement in Brest region, Byelorussia, excavated by O. V. Iov in 1988–1991. The hillfort was destroyed at the turn of the 10th and 11th cc. The authors analyse these finds and related iconographic material and suggest the stages of penetration of this rare chape type dated from the third quarter of the 10th c. (or, possibly, second half of the same century) in antiquities of Baltic area and West Byelorussia. Semantics of the images depicted on the artefacts is discussed. They represent the Baltic interpretation of mythological scene of Odin and Fenrir combat.

The publication by S. D. Zakharov «The problem of excavation methods used at medieval dwelling sites» is devoted to consideration of the methods and techniques used in the studies of medieval settlements' cultural deposits. The results of long-term investigations conducted at Beloozero fortified settlement

and Minino I rural site are presented. Wide-scale flotation and bolting of cultural deposits were carried out there. The analysis of the data obtained permits to claim that more than half of the finds go off to the dump. The only reliable way to extract artefacts in full is flotation and bolting of cultural deposit with metal sieves.

In the paper by I. G. Zaitseva «Burials in the citadel of Serensk» the material from the burials discovered during the excavations of Serensk is presented; the assemblages date from pre-Mongol period.

The article by A. G. Veksler and A. A. Medyntseva entitled «New find of stone icon from the excavations of Veliky Posad in Moscow» is devoted to the publication of a unique item – fragment of carved stone icon discovered during the excavations of St. Trinity church in Moscow. On its front side the Descending to the nether world is depicted, on the reverse – riding St. George. The representations are accompanied by the corresponding inscriptions. The icon's iconography, technical and stylistic features are similar to those known in Novgorodan group of plastic art pieces, which incline the authors to date the find to the early decades of the 14th c. Palaeographic and stratigraphic chronology do not contradict the suggested date.

In the paper by N. B. Chernykh «Dendrochronology of the architectural monuments in Karelia» the results of dendrochronological analyses of 215 samples of construction wood from 15 architectural monuments are presented. Among the investigated structures 14 are cult buildings and one – fortress. These monuments located in Karelia are dated from the 16th–19th cc.

Chronicle

The issue is concluded with two information notes on the activity of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences in 1996–2000 by K. A. Smirnov, and the Laboratory of Natural sciences of the Institute by L. I. Avilova.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС – Археологический съезд.
- ВВ – Византийский временник. М.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВИ – Вопросы истории. М.
- ГИМ – Государственный исторический музей.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
- ИА – Институт археологии РАН.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- МГУ – Московский государственный университет.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- РА – Российская археология. М.
- РАН – Российская академия наук.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников.
- СЭ – Советская этнография. М.
- ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Статьи

<i>Х. А. Амирханов, С. Ю. Лев, А. Б. Селезнёв.</i> Проблема «палеолитической деревни» костёнковской культуры в свете исследований Зарайской стоянки	5
<i>Л. В. Кольцов.</i> О некоторых проблемах мезолита	17
<i>Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская.</i> Историко-металлургические и радиоуглеродные базы данных по циркумпонтийской металлургической провинции	23
<i>Д. Б. Апакидзе.</i> К вопросу о датировке искусственных жилых холмов Колхидской культуры	29
<i>Н. Л. Членова.</i> Плавания по Телецкому озеру на Алтае в раннескифскую эпоху	39
<i>В. В. Седов.</i> Предыстория белорусов	44
<i>А. А. Юшко.</i> Этапы и закономерности освоения славянским населением Московской земли	51
<i>Н. В. Жилина.</i> Русское и византийское искусство филигрании	58
<i>Ю. Ю. Моргунов.</i> О сырцовых стеновых кладках эпохи Владимира Святославича	69

Публикации

<i>В. И. Кулаков, О. В. Иов.</i> Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь	77
<i>С. Д. Захаров.</i> К вопросу о методике раскопок средневековых поселений	84
<i>И. Е. Зайцева.</i> Погребения в детинце Серенска	93
<i>А. Г. Векслер, А. А. Медынцева.</i> Новая находка каменного образка при раскопках на Великом Посаде Москвы	108
<i>Н. Б. Черных.</i> Дендрохронология архитектурных памятников Карелии	113

Хроника

<i>К. А. Смирнов.</i> Работа Ученого совета Института археологии РАН в 1996–2000 гг.	121
<i>Л. И. Авилова.</i> Работа лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН в 1996–2000 гг.	125
Summary	130
Список сокращений	132